

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:

М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:

Г.М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Гарбацкі

Рэдакцыйны савет на серыі

гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Высоцкі

Б.М. Ляпешка

Л.Г. Лысюк

Міжнародны савет

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

В.Р. Бязрогаў (Расія)

Ежы Нікітаровіч (Польшча)

А.М. Круглашоў (Украіна)

Марк Пілкінгтон (Францыя)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст

(адказны рэдактар)

В.Ф. Байнёў

В.М. Ватэль

М.А. Дабрынін

Г.А. Зорын

М.С. Кавалевіч

Г.А. Кавальчук

Ч.С. Кірвель

У.У. Лосеў

У.Ф. Мартынаў

А.В. Пятроўская

С.В. Раўгэтыкаў

Д.Г. Ротман

Б.В. Саліхаў

Я.У. Скакун

А.С. Сляповіч

А.І. Смолік

В.А. Сцепановіч

У.М. Хоміч

А.В. Чарнавалаў

Т.І. Якавук

Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Дзяржаўным

камітэце Рэспублікі Беларусь па друку

№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст,

бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

ПЕДАГОГІКА

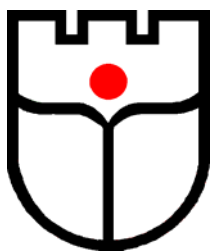
ГІСТОРЫЯ

КУЛЬТУРАЛОГІЯ

**Заснавальнік –
установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 4(39)/2009

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навуках

ISSN 1813-405X

Vesnik

Of Brest university

Scientific-theoretical journal

Published since December 1997

Issued four times a year

Editor-in-chief:

M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief

of the series of the humanities and social sciences:

A.A. Garbatski

Editorial Council

of the series of the humanities and social sciences:

A.A. Vysotski

B.M. Lepeshko

L.G. Lysyuk

International Board

of the series of the humanities and social sciences:

V.G. Bezrogov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Ezhy Nikitarovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

V.F. Bainev

V.M. Vatył

M.A. Dabrynin

M.S. Kavalevich

T.A. Kavalchuk

C.C. Kirvel

V.V. Losev

V.F. Martynav

O.V. Petrovskaya

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

B.V. Salikhov (Russia)

E.Y. Skakun

A.S. Slepovich

A.I. Smolik

G.A. Soryn

V.A. Stepanovich

V.M. Khomich

A.V. Chernovalov

T.I. Yakavuk

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate by State

Press committee of the Republic of Belarus

№ 1084 December, 24 1997

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Series of the humanities and social sciences

ECONOMICS

LAW

PEDAGOGICS

HISTORY

CULTUROLOGY

**Founder –
educational institution «Brest state university named
after A.S. Pushkin»**

№ 4(39)/2009

According to the orders of Supreme certification commission from 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 the journal «Vesnik of Brest state University» has been included to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in cultural science, historical, political, pedagogical, psychological, social, philosophical, economic and judicial sciences.

ЗМЕСТ

ЭКАНОМІКА

Драган Т.М., Потапова Н.В., Дружинина Е.О. Оценка обоснованности инвестирования в инновационное развитие предприятия.....	5
Граник И.М. Свободные экономические зоны и их особенности в условиях экономической нестабильности.....	12
Нышк.Войцех. Цепь поставок в стратегии управления предприятием.....	19
Зазерская В.В. Конкурентная среда в жилищно-коммунальном хозяйстве: состояние и перспективы развития	25
Філіпенка Е.В. Рэгіянальная эканоміка: аналіз галіновай структуры прамысловасці рэгіёна	34
Варакулина М.В. Управление персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Брестской области: проблемы и перспективы	42

ПРАВА

Чичурина О.А. Разрешение споров в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (в аспекте частного права).....	50
Ермакович С.Л. Правовые проблемы противодействия монополистическому ценообразованию на товарных рынках Республики Беларусь.....	57
Береговцова Д.С. Правовые проблемы права на жизнь в аспекте распоряжения жизнью и новейшее медицинское законодательство Республики Беларусь.....	64
Коротич Е.А. Объект преступлений против личной свободы человека	69
Ананько А.В. Понятие и виды электронных гражданских правоотношений	77

ПЕДАГОГІКА

Дуванова В.С. Проектное изучение математики в 9–11 классах: опытно-экспериментальный аспект	88
Пирютко О.Н. Портфолио студентов педагогического вуза как индивидуальная траектория профессионального становления и развития.....	94
Осипов Е.Д. Проектирование содержания обучения будущих педагогов взаимодействию с семьей учащегося на интегративной основе.....	100

ГІСТОРЫЯ

Вабішчэвіч А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): праблемы перыядызацыі, тыпалогіі ўзаемаадносін.....	110
Мигун Д.А. Германо-советский торговый договор 1925 г. и его значение	119
Русакovich А.В. Основные проблемы белорусско-германских отношений в период 2001–2003 гг.....	123
Корнеў П.І. Сельская гаспадарка Брэсцкай вобласці ў першыя гады пасля вызвалення ад германскіх акупантаў (1944–1947 гг.)	134
Мярчук В.М. Адміністрацыйна-прававыя асновы эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.).....	141

КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Лепешко Б.М. Феномен советской культуры: сущность и историческая судьба.....	149
Павильч А.А. Становление культурологической компаративистики в России.....	159
Чернявская Ю.В. Белорусская этничность в интернете: по материалам блогосферы	168
Бачурына Т.У. Рекламная творчасць у сучасным мастацтве	178
Звесткі аб аўтарах	184

CONTENTS

ECONOMICS

Dragan T.M., Potapova N.V., Druzhinina E.O. Estimation of Validity of Investment in Innovative Development of an Enterprise	5
Granik L.M. Free Economic Zones and their Features in the Conditions of Economic Instability	12
Voitsekh Nyshk Delivery Objective in the Strategy of Enterprise Management	19
Zazerskaya V.V. Competitive Ambience in Housing-public Facilities: State and Perspective of Development	25
Filipenko E. Regional Economy: the Analysis of a Branch Structure of an Industrial Region Summary	34
Varakulina M.V. Personnel Management at the Enterprises of the Housing and Communal Services in Brest Region: Problems and Perspectives.....	42

LAW

Chichurina O.A. Disputes Settlement by the World Intellectual Property Organization (in aspect of private law)	50
Ermakovich S.L. Legal Aspects of Counteraction to Monopoly Pricing in Trade Markets of the Republic of Belarus.....	57
Berahautsova D.S. Legal Problems of Right on Life in the Aspect of Disposing of Life and Newest Medical Legislation of the Republic of Belarus	64
Korotich E.A. The Object of Crimes against Personal Freedom According to the General Doctrine of the Object of Crime	69
Ananko A.V. Essence and Kinds of Electronic Civil Legal Relations.....	77

PEDAGOGICS

Duvanova V.S. Design Studying of Mathematics in 9-11 forms: Skilled-experimental Aspect.....	88
Piryutko O.N. Students' Portfolio of Pedagogical University as Individual Way of Professional Formation and Development.....	94
Osipov E.D. Projecting of the Contents of Future Pedagogue Training in Interaction with Pupil's Family on the Basis of Integration	100

HISTORY

Vabishchevich A.M. National-cultural Life of Western Belarus (1921-1939): Problems of Division into Periods, Typology of Interrelations.....	110
Migun D.A. German-Soviet Trade Treaty of 1925 and its Importance	119
Rusakovich A.V. Main Problems of Belarus-Germany Relations in the Period of 2001-2003.	123
Kornev P.I. Agriculture of Brest Region during the First Years after the Liberation from German Occupants (1944-1947).....	134
Myarchuk V.M. Legislative and Administrative Bases of Emigratory Process in Western Belarus (1921-1939).....	141

CULTUROLOGY

Lepeshko B.M. Phenomenon of Soviet Culture: Essence and Historical Destiny	149
Pavilch A.A. Formation of Comparative Culturology of Russia.....	159
Charniauskaya V.V. Belarusian Ethnics in the Internet: on the Materials of Blog Sphere.....	168
Bachurina T.U. Advertising Creativity in Modern Art.....	178

Information about the authors	184

УДК 330.142.212

Т.М. Драган, Н.В. Потапова, Е.О. Дружинина

ОЦЕНКА ОБОСНОВАННОСТИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются экономические аспекты развития предприятий в условиях инновационно направленной экономики государства. Определено понятие инноваций и их значение в обеспечении конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности предприятий. Рассмотрена роль предпринимательства в функционировании инновационной сферы и интеграции государства в мировое научное и инновационное пространство. Представлены особенности оценки эффективности инновационных проектов.

Введение

В настоящее время развитие экономики рыночного типа в Республике Беларусь предполагает ее инновационную направленность. Нововведения непосредственно влияют на качество жизни населения и ориентированы на рациональное использование материальных, экономических и социальных ресурсов.

Для успешного внедрения инноваций важную роль играет проводимая на предприятиях инвестиционная политика. Освоение и выпуск новых изделий, применение новой техники и технологии становятся реальными лишь в случае возможности их финансирования. С одной стороны, успешное осуществление проектов, связанных с освоением, внедрением и реализацией инновационных продуктов, способствует росту прибыли предприятия, увеличению конкурентоспособности производимой продукции, повышению технологического уровня производства. С другой стороны, инновационные проекты обладают высокой степенью рискованности и требуют значительного объема инвестиционных ресурсов. Уровень риска варьируется и находится в прямой зависимости от степени новизны продукта или технологии.

Привлечение значительного объема инвестиционных ресурсов в инновационные проекты с высокой степенью риска повышают требования инвестора к качеству их оценки. Следует учитывать, что на эффективность внедрения инноваций оказывает влияние не только прогнозируемая доходность проекта, но и возможность окупаемости предпроектных затрат на научные исследования и разработки, в том числе и не нашедших реализации в проекте.

Таким образом, *целью исследования* является определение роли инновационного развития предприятий в процессе мировой глобализации и информатизации экономики государства и выявление особенностей оценки эффективности инновационных проектов.

Высокий интерес современных ученых к решению проблем оценки целесообразности инвестиций в инновации отечественными субъектами хозяйствования подтверждает актуальность данного направления исследований, а совершенствование методической и нормативно-правовой базы осуществления инновационной деятельности имеет высокую научную и практическую значимость.

Экономические аспекты развития инновационной деятельности

Развитие современной экономики представляет собой глобальный структурный сдвиг, характеризующийся переходом от «материальной экономики» к «экономике, основанной на информации, знаниях». Существенным отличием современного хозяйствования является выдвижение на первый план интеллектуальных ресурсов, рассмотре-

ние информации и знаний в качестве источника стоимости. Экономический рост в экономике инновационного типа достигается, наряду с использованием природных ресурсов, за счет создания, применения и передачи новых знаний.

Экономика рассматривается как система, функционирующая на основе накопления, обмена и распространения информации и опыта, создания предпосылок для распространения и передачи новых знаний. В основу управления деятельностью предприятия положена система управления ресурсами, в том числе интеллектуальными, и использования творческого потенциала работников.

В эпоху появления быстро сменяющихся друг друга поколений продуктов и технологий процессу разрушения созданного необходимо уделять не меньше внимания, чем процессу его созидания. Теория созидательного разрушения подтверждает, что становление нового технологического уклада создает новые возможности для экономического роста. На фоне общего спада наблюдаются рост производства принципиально новых товаров, подъем инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях [1]. При этом совершается перелив капитала и информации из устаревших производств в новые, так как продолжать инвестировать в традиционных направлениях оказывается менее прибыльно, чем инвестировать в нововведения.

Различия в национальных инновационных системах экономик развитых государств проявляются в способе и скорости генерирования идей и продвижения на рынок новейших научно-технических достижений в зависимости от их экономической значимости. Важным условием для создания и внедрения инноваций является взаимодействие научной и экономической систем, а также быстрота реагирования субъектов хозяйствования на появление инноваций. В открытом глобальном научном сообществе задержка информации и длительность процесса практического воплощения нового решения приводит к обесцениванию научных достижений и потере конкурентных преимуществ.

Смена поколений технологических процессов в нашей стране осуществляется за 20–25 лет при 7–8-летних сроках смены в ведущих странах мира. В настоящее время большинство отечественных субъектов хозяйствования развиваются в русле традиционного технологического уклада с акцентом на расширение ассортимента и повышение качества продукции. По данным Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы только 16,3% предприятий Республики Беларусь осуществляют вложения в инновации, в то время как в странах ЕС этот показатель достигает от 25 до 80% [2]. Исследуя вопросы реализации инновационных проектов, выявлено, что в Беларуси применяется спорный подход к классификации инноваций по признаку новизны.

Инновации (нововведения) определены в законодательстве Республики Беларусь как создаваемые (осваиваемые) новые или усовершенствованные технологии, виды товарной продукции или услуг, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующие продвижению технологий, товарной продукции и услуг на рынок [3]. При этом инновации подразделяются на новые в мире, в определенной стране, отрасли или на предприятии. В мировом сообществе инновацией признается новая идея в мире. Как показывают данные статистики, в Республике Беларусь число созданных принципиально новых передовых производственных технологий в 2007 г. составляет только 0,16% от их общего количества (см. рисунок) [4].

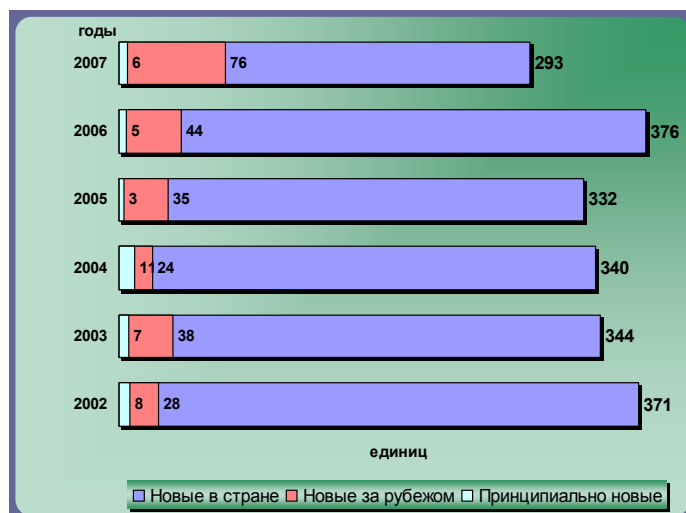

Рисунок – Количество созданных передовых производственных технологий и их распределение по видам, ед.

Роль и сущность предпринимательства в развитии инновационной экономики и достижении конкурентоспособности отечественных предприятий на мировом рынке. Большинство белорусских предприятий в своей инновационной деятельности придерживается имитационной «догоняющей» стратегии. Согласно Закону «О предпринимательстве в Республике Беларусь» предпринимательство – самостоятельная, инициативная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода и осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица (предприятия) [5].

В то же время в западных странах современное предпринимательство характеризуется как особый новаторский стиль хозяйствования, основанный на поиске новых возможностей, ориентации на инновации, умении привлекать и использовать для решения поставленных задач ресурсы из самых разнообразных источников. Существенные наработки зарубежной экономической мысли, касающиеся различных аспектов предпринимательства, отражены в работах таких известных авторов, как М. Вебер, Дж. Кейнс, А. Маршалл, М. Фридман, Ф. Хайек, Л. Эрхард и другие.

Новаторский стиль поведения предпринимателей достаточно глубоко изучен в работах ученых Р. Хизрича и М. Питерса [6]. Следует особо отметить исследования Шумпетера, который определяет предпринимательские отношения как сущность любой экономической формации, представляющие собой деятельность новаторов и первопроходцев по осуществлению «новых комбинаций» [1].

Предпринимательство выступает разрушающей силой, выводящей систему из состояния равновесия и обуславливающей более высокий уровень экономического благосостояния. При этом хозяйствующие субъекты, которые приходят вслед за лидерами, являются только их подражателями, использующими возможности, освоенные в результате деятельности новаторов, и претендующие на запас прибыли и объемы производства существующих предприятий.

Однако не следует недооценивать роль подражателей, деятельность которых направлена на постоянное приведение результатов инновационной активности в соответствие с реальными потребностями потенциальных покупателей. Так, согласно Ф. Хайеку предпринимательство прекращается только тогда, когда подражательная деятельность исчерпала все прибыльные возможности [7].

Из этого следует вывод, что в целом предпринимательство – это процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью; процесс выявления неиспользованных возможностей; процесс получения денежного дохода и личного удовлетворения достигнутым при принятии на себя финансовой, моральной, экологической и социальной ответственности.

Таким образом, особенно важна роль предпринимательства в неравновесных условиях. В состоянии кризиса деятельность предпринимателей, направленная на создание рыночных, логистических и технологических инноваций, формирует предпосылки для социально-экономического роста.

Особенности оценки эффективности инновационных проектов

Вероятность доведения инновационной идеи до ее практического освоения достаточно низкая, что связано с неопределенностью и риском получения результата, отвечающего требованиям экономической целесообразности. Как правило, НИОКР ведутся в различных направлениях и являются высокочрезвычайно затратным процессом. И только часть таких разработок воплощаются в *жизнеспособных проектах*, которые получают техническую реализацию и их результаты востребованы потребителями. Поэтому особенно важно проводить экономико-технологическую оценку реализуемости инновационных проектов с целью их отбора на ранних этапах продвижения и учитывать особенности инвестирования средств в инновации. Это позволит, наряду с сокращением сроков разработки инновационной продукции и ускорением ее продвижения на рынок, обеспечить эффективное распределение ограниченных финансовых ресурсов и экономию времени. Опережая конкурентов, предприятие имеет возможность получить дополнительные выгоды и сверхприбыль, т. е. снять так называемые «сливки».

Возникает проблема объективной оценки эффективности инновационных проектов. Успех инновационной деятельности во многом зависит от достаточности ресурсного обеспечения, в том числе и от инвестиционной обеспеченности. Для того чтобы получить дополнительную прибыль, повысить эффективность деятельности организации, получить социально-экономический эффект, необходимо осуществить финансовые вложения. Поэтому один из подходов к оценке эффективности инновационных проектов основан на анализе показателей результативности инвестиционных проектов.

Обобщение существующих разработок в данной области показало, что, несмотря на высокую методологическую и теоретическую обеспеченность исследования проблемы, используемые показатели оценки эффективности инвестиций не позволяют учитывать окупаемость затрат от реализации нежизнеспособных инновационных проектов.

Для экономической оценки результатов инновационной деятельности чаще всего используются показатели, определяющие доходность, сроки окупаемости инвестиций в инновационную деятельность.

Одним из основных является *показатель инвестиционных затрат инновационного проекта*, состоящий из общего объема требуемых капиталовложений для реализации инноваций:

$$IC_{in} = \sum_{n=1}^t \frac{IC_{in}}{(1+r)^n}, \quad (1)$$

Где IC_{in} – инвестиционные затраты инновационного проекта; r – ставка дисконтирования; n – период расчета.

Инвестор ориентируется преимущественно на генерируемый инновационным проектом финансовый поток как источник возврата предоставленных ресурсов. При этом поступление денежных средств от реализации проекта должно обеспечить своевременное и полное покрытие всех расходов и долговых обязательств, в том числе и расходов на научные исследования по нереализуемым проектам.

В связи с этим предлагаем использовать показатель полные инвестиционные затраты в инновационную деятельность, включающие инвестиционные затраты инновационного проекта (инвестиции в жизнеспособные проекты (IC_{in})) и инвестиционные затраты по нежизнеспособным инновационным проектам (IC_{nin}). Расчет чистого дисконтированного дохода, выражающего общий абсолютный результат инвестиций в инновационную деятельность и рассчитывающегося как разность дисконтированных чистых денежных поступлений (прибыли) и полных инвестиционных затрат в инновационную деятельность, будет осуществляться по формуле:

$$NPV_n = \sum_{n=1}^t \frac{PV_n - (IC_{in} + IC_{nin})}{(1+r)^n}, \quad (2)$$

Где NPV – чистый дисконтированный доход; PV – прибыль.

В процессе проведения НИОКР сложно спрогнозировать и подтвердить практическими расчетами жизнеспособность проекта. Изучение успешно внедренных инновационных проектов и программ показывает малое количество внедрений, приносящих эффект при коммерческом финансировании. При проведении фундаментальных и большинства прикладных исследований, поддерживаемых грантами и субсидиями государства, получение экономического эффекта не является приоритетом. Поэтому для повышения информативности оценки эффективности инновационных проектов предлагаем ввести весовой коэффициент результативности НИОКР – k , представляющий собой соотношение полных инвестиционных затрат в инновационную деятельность и инвестиционных затрат по жизнеспособным инновационным проектам:

$$k = \frac{IC_{in} + IC_{nin}}{IC_{in}}. \quad (3)$$

Экономический смысл k заключается в том, что на рентабельность инвестиций в инновации прямо влияет соотношение инвестиций в жизнеспособные проекты и инвестиций в научные исследования, не принесшие дополнительной прибыли предприятию. В связи с этим индекс доходности инвестиций в инновационную деятельность, который показывает величину чистого дохода (прибыли), приходящегося на каждый рубль вложенных инвестиций, представим в следующем виде:

$$IP = \frac{\sum_{n=1}^t PV_n}{\sum_{n=1}^t IC_{in} + IC_{nin}} = \frac{\sum_{n=1}^t PV_n}{\sum_{n=1}^t IC_{in} \cdot k}, \quad (4)$$

Где IP – индекс доходности инвестиций в инновационную деятельность.

Немаловажным фактором, который инвесторы учитывают при принятии решений о финансировании инноваций, является период, в течение которого будут возмещены понесенные расходы, а также период, необходимый для получения прибыли.

Следовательно, при расчете периода окупаемости (PP), характеризующего продолжительность периода от начального момента вложения средств в инновационный проект до момента окупаемости без учета дисконтирования, k будет показывать, во сколько раз возрастет период окупаемости полных затрат по инновационной деятельности, через сколько времени предприятие получит прибыль в результате проведения НИОКР. Следовательно, если коммерческая организация допустила расходование средств на исследования, не принесшие результат, хотя бы вдвое превышающее инвестиции в результативные исследования, то окупаемость последних возрастает в 2 раза. Это следует учитывать при реализации инновационного проекта. То есть определение k имеет экономический смысл, заключающийся в контроле над финансированием затрат на НИОКР в части недопущения реализации инновационных проектов, исследовательская часть которых требовала инвестиционных затрат с уровнем коэффициента $k > 2$ (условно).

При оценке вышерассмотренных показателей результативности инновационных проектов важно учитывать *степень существенности изменения прибыли от реализации инновационного проекта*, при высоком уровне которой допустимым может оказаться и более высокое значение k .

Заключение

Инновационная деятельность хозяйствующих субъектов по своему определению связана с большой степенью неопределенности. При коммерческом финансировании научно-исследовательских работ необходимо исходить из допущения, что только незначительная их часть приводит к положительному результату, имеющему практическое применение. Поэтому подход к анализу эффективности инновационных проектов с учетом окупаемости полных затрат по инновационной деятельности позволит повысить достоверность результатов оценки.

Сложность и неоднозначность протекания инновационно-инвестиционных процессов вызывает необходимость формирования статистической базы о результативности проводимых научных исследований, осуществляемых с участием государственных органов власти. Накопление информации о значениях коэффициента k , дифференцированных по отраслям, отражающих соотношение инвестиций в научно-исследовательские разработки, принесшие положительный и отрицательный результат, в том числе и инвестиции в фундаментальные разработки без коммерческого эффекта, позволят определить наиболее рискованные и экономически эффективные области исследований. Данная информация может представлять ценность и для предпринимателей при осуществлении инвестиций в НИОКР прикладного характера, которые, как правило, проводятся за счет собственных средств предприятия. В данном случае необходим тщательный контроль величины рассматриваемого весового коэффициента k , чтобы не допустить нерационального использования прибыли предприятия, избежать финансирования исследований, приносящих несопоставимо малый экономический эффект по сравнению с затратами на их проведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й.А. Шумпетер ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.

2. Недилько, В.И. Инновации в Республике Беларусь: состояние и перспективы / В.И. Недилько // Новости науки и технологий. – Минск : ГУ «БелИСА», 2008, № 1(7) : Режим доступа : http://www.belisa.org.by/ru/izd/stnewsmag/1_2005/e6661f75495e3180.html. – Дата доступа : 31.03.2009.

3. Об основах государственной научно-технической политики : Закон Респ. Беларусь, 19 января 1993 г., № 2105-ХП : с изм. и доп. от 12 ноября 1997 г., № 83-З, 20 июля 2006 г. № 162-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006 г., № 122, – 2/1259.

4. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2007 : Стат. сб. / Подг. В.Н. Тамашевич [и др.]. – Минск : ГУ «БелИСА», 2008. – 192 с.

5. О предпринимательстве в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 28 мая 1991 г. № 813-ХП с изм. и доп. от 15.01.1992 г., № 1419-ХП, от 18.01.1994 г., № 2711-ХП, от 15.07.1997 г., № 67-З, от 31.12.1997 г., № 115-З, от 10.01.2000 г., № 358-З, от 14.06.2003 г., № 203-З, от 30.07.2004 г., № 307-З, от 26.12.2007 г., № 300-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007 – № 305. – 2/1397.

6. Хизрич, Р. Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха. –: Пер с англ. / по общ. ред. В.С. Загашвили – М.: Прогресс, 1992. – Вып. 2 : Советы начинающему предпринимателю 177 с.

7. Хайек, Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. Хайек. – М. : Изограф, 2000. – 256 с.

Dragan T.M., Potapova N.V., Druzhinina E.O. Estimation of Validity of Investment in Innovative Development of an Enterprise

Economic aspects of development the of an enterprises in the conditions of innovatively directed economy of the state are considered in article. The concept of innovations and their value of maintenance of competitiveness and investment appeal of enterprises is defined. The business role in functioning of innovative sphere and integration of the state into world scientific and innovative space is considered. Features of an estimation of innovative projects efficiency are presented.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.04.09

УДК 338.246

И.М. Граник

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье предложена методика системного исследования процесса создания и развития свободной экономической зоны, (СЭЗ) позволяющая более полно раскрыть сущность и специфику этого образования, глубже изучить механизм функционирования СЭЗ, выявить причинно-следственные связи между отдельными ее элементами, комплексно оценить социально-экономические результаты и определить перспективы ее развития. В рамках концепции открытости экономики СЭЗ рассмотрена как открытая и неравновесная экономическая система; представлен механизм взаимодействия свободных экономических зон и фаз экономического цикла; определены формы СЭЗ наиболее адекватные современным условиям хозяйствования и приоритетам экономической политики Республики Беларусь.

Введение

Развернувшиеся процессы глобализации экономики привели к качественному преобразованию рыночных отношений, к ускорению темпов развития экономики, структурным преобразованиям, все большей открытости экономик стран с различным уровнем экономического развития и их стремлению выхода на мировые рынки, к активному участию в международной специализации и кооперировании производства. Особое место в данном процессе принадлежит свободным экономическим зонам (СЭЗ).

Методика системного исследования процесса создания и функционирования СЭЗ

Создание СЭЗ – это всегда определенный риск, связанный с финансовыми вложениями в создание новой производственной и другой инфраструктуры, принесением в конкретную национальную экономику инородных для нее способов производственно-сбытовой деятельности, использованием отличных от всей экономики методов финансирования и управления деятельностью субъектов СЭЗ. Однако, несмотря на высокую долю риска, для СЭЗ характерно развитие международного экономического сотрудничества практически во всех возможных формах, что дает импульс не только к развитию определенных видов производств в СЭЗ, но и к ликвидации неэффективных управленческих звеньев, технологических цепочек и т. д. Это подразумевает последовательную, неуклонную оптимизацию экономического комплекса СЭЗ и его встраивание как в национальную, так и в мировую экономику.

Анализ свободной экономической зоны как сложной воспроизводственной организационно-экономической системы с многочисленными внутренними и внешними связями предполагает использование системного подхода, который позволяет получить более полное представление о сущности и специфике СЭЗ, глубже изучить механизм ее функционирования, выявить причинно-следственные связи между отдельными ее элементами. С этой целью в системном анализе свободных экономических зон предлагаем выделить три основных этапа (рисунок 1).

Первый этап предполагает изучение организационно-экономических аспектов создания СЭЗ: целей, задач и принципов формирования, стадий и периодов создания и развития, организационных форм и эволюционного пути развития. Анализ целесообразно проводить на уровне региона (области) с учетом особенностей экономического потенциала данной территории, месторасположения СЭЗ, вклада последней в решение вопросов региональной политики государства.

Рисунок 1 – Основные этапы проведения системного экономического анализа деятельности свободных экономических зон источник: собственная разработка автора

Второй этап состоит в исследовании механизма функционирования СЭЗ на уровне его подсистем:

- *законодательной* которая представляет собой совокупность нормативно-законодательных актов, утвержденных на уровне государства и адаптированных к конкретным условиям хозяйствования свободной экономической зоны, и которая включает механизм формирования доходов и расходов зоны, систему льгот и преференций ее резидентам;
- *управленческой* предусматривающей формирование информационных потоков и организацию взаимодействия между субъектами и объектами управления в рамках СЭЗ;
- *социальной* охватывающей комплекс мероприятий по эффективному использованию новых рабочих мест, практической реализации системы социальных гарантий трудящимся на данной территории, определению практической реализации социальных льгот резидентам зоны.

Третий этап заключается в экономическом анализе эффективности функционирования и социально-экономических последствий развития свободной экономической зоны.

Свободная экономическая зона как открытая и неравновесная экономическая система

Мировой экономический кризис – одна из актуальных тем современности. Влияние данного кризиса испытывает на себе все большее количество национальных экономик. Мировой экономический кризис предъявляет новые требования к организации финансово-экономической системы страны, делает необходимым трансформацию внешнеэкономической системы и системы экономической безопасности страны. Ми-

ровой рост цен на первичные ресурсы и, прежде всего, энергоносители, оказывает негативное влияние на формирование себестоимости отечественной продукции, ведет к снижению рентабельности производства и, как следствие, падению ее конкурентоспособности, росту дефицита торгового баланса страны и т. п.

Модернизация национальной экономики в сложившихся условиях должна носить общесистемный характер, охватывать все базисные блоки реального и финансового секторов, систему управления и направления государственной политики, в том числе совершенствование экономических механизмов хозяйствования с акцентом на инновационное социально-ориентированное развитие.

Развитие экономических отношений в Республике Беларусь на современном этапе характеризуется усложнением и умножением структуры экономических отношений, насыщением их новыми элементами, а также потребностью перехода на инновационный этап устойчивого экономического развития и адаптацией к международной конкуренции в условиях глобализации. Формы и системы хозяйствования должны быть динамичными, гибкими, быстро реагирующими на изменения внутренних и внешних условий и отвечать целям, задачам и потребностям современного этапа социально-экономического развития общества. Основным акцент должен ставиться на развитие научной и инновационной сфер путем создания благоприятной для инновационной деятельности правовой среды, перестройки структурно-функциональных блоков национальной инновационной системы, формирование инновационной инфраструктуры, поддержки инновационного предпринимательства, а также создание новых механизмов мотивации научной и инновационной деятельности, механизмов защиты и использования интеллектуальной собственности.

Высокая степень зависимости СЭЗ от внешних экономических факторов дает основание судить о ее открытости, которая определяется уровнем развития четырех ключевых каналов: торговли товарами, движения капитала, рабочей силы, новой техники и технологии.

СЭЗ можно рассматривать и как специфическую экономическую систему, структурными элементами которой выступают производительные силы и производственные отношения. Первые характеризуют общий уровень технико-технологического развития СЭЗ, ее техническую оснащенность, реальные и потенциальные производственно-экономические возможности (с точки зрения развития производственных мощностей), стратегический потенциал. Вторые образуют сложную иерархическую систему с разными видами экономических отношений: СЭЗ – мировая экономика (ее отдельные субъекты); СЭЗ – государство; СЭЗ – другие интеграционные объединения (СЭЗ, еврорегион); государство – субъекты хозяйствования СЭЗ; администрация зоны – предприятия-резиденты; предприятия-резиденты – другие субъекты хозяйствования; между предприятиями внутри зоны; внутри предприятий-резидентов и др.

Свободная экономическая зона как открытая и неравновесная экономическая система может быть изучена с помощью синергетического подхода. СЭЗ представлены как территории, открытые для свободного проникновения иностранного капитала. Эти зоны выведены из равновесия со своей внешней средой за счет особо благоприятных естественных условий, преференциального правового режима, развитой инфраструктуры, а также отрыва от прочих территорий в уровне технологического развития.

СЭЗ в экономической системе выполняет три функции, реализуемые в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе она избавляет экономику от избыточных инвестиций, предотвращая ее перегрев или смягчая его последствия. В среднесрочной речь идет о своевременной смене технологических укладов, сглаживающей длинные волны экономического цикла. Долгосрочная же перспектива – это ускоренный переход к новому историческому типу общества (се-

годня – к постиндустриальному). Все эти функции реализуются на глобальном (мировом) уровне через единую всемирную сеть свободных экономических зон.

В условиях интенсивного формирования глобального рынка высоких технологий каждая развитая или развивающаяся страна стремится занять на нем свое достойное место. Беларусь, обладая высоким инновационным потенциалом, отстает от развитых стран по уровню той инфраструктуры, которая позволяет быстро и выгодно для предпринимателей и инвесторов конвертировать этот потенциал в высокие технологии. Создать же такую инфраструктуру повсеместно невозможно, а поэтому оптимальный выход из сложившейся ситуации призваны найти также свободные экономические зоны. Значительно более интенсивный по сравнению с другими территориями приток в них внешних инвестиций создает необходимые и достаточные условия для значительного технологического прорыва.

Механизм взаимодействия свободных экономических зон и фаз экономического цикла

Механизм функционирования СЭЗ как одного из наиболее ярких примеров открытых и существенно неравновесных систем следует рассматривать как механизм эволюции от простого к сложному и от низшего к высшему. Он предопределяется особенностями рыночной экономики как внешней среды, с которой СЭЗ вынуждена взаимодействовать. При этом важное значение имеет такая характеристика экономики, как циклический характер ее развития (рисунок 2) [2, с. 382].

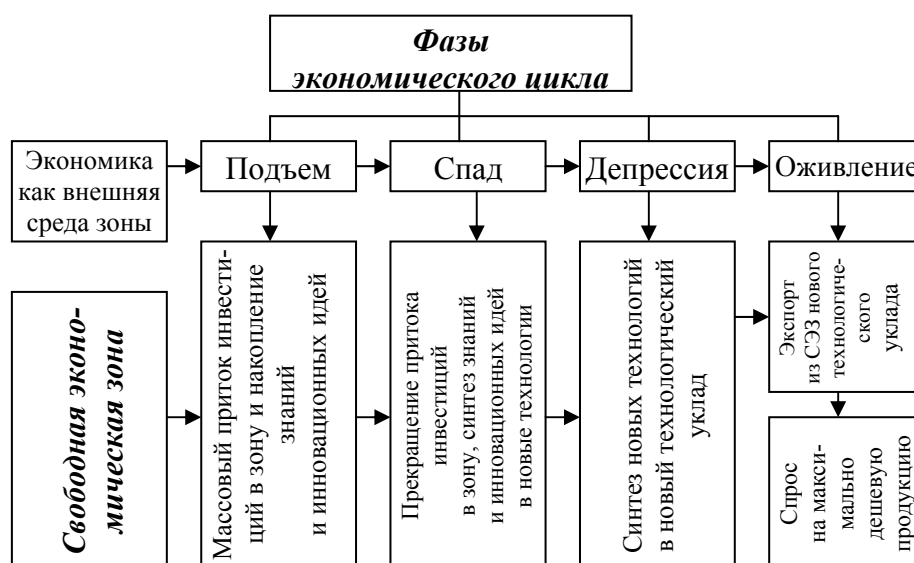

Рисунок 2 – Механизм функционирования свободных экономических зон в условиях экономической нестабильности (источник: собственная разработка автора)

Каждой из фаз развития экономики страны соответствует свой режим функционирования свободной экономической зоны, а периодическая смена этих режимов образует механизм ее функционирования. При этом рынок сам определяет, в каком именно режиме функционировать свободной зоне в тот или иной период времени. Таким образом, регулирование деятельности СЭЗ становится частным случаем рыночного саморегулирования.

В период подъема в экономической системе образуется избыток инвестиций, при этом крупномасштабная инвестиционная деятельность в этот период становится

опасной не только для самих инвесторов, но и для экономики в целом. Для развитой рыночной экономики избыточный объем инвестиций обеспечивает некоторое превышение предложения над спросом, стимулируя конкуренцию товаропроизводителей. Неконкурентоспособные товаропроизводители разоряются. Как только инвестиционный избыток превысит некоторый критический уровень, указанное разорение обретает характер цепной реакции, распространяясь на экономику в целом и приводя к ее спаду и депрессии.

Во избежание такого развития событий следует с самого начала отделить избыточные инвестиции от необходимых, изолировав их в некоторой особой части экономического пространства. Именно такую услугу предоставляет свободная экономическая зона в период бума. Поглощая избыточные инвестиции из экономической системы, СЭЗ направляет их на создание и развитие инновационных проектов, закладывающих элементную базу следующего, более сложного технологического уклада.

В период спада инвестиционная активность в экономической системе резко сокращается, а вместе с ней – и приток инвестиций в свободную экономическую зону. В результате СЭЗ перестает получать объем денежных средств, достаточный для поддержания достигнутого уровня своей организации. Массовые инновации, бывшие на предыдущем этапе самоцелью независимо от степени своей непосредственной полезности и эффективности, теперь оказываются предоставленными сами себе и начинают разрушаться с нарастающей интенсивностью.

В период депрессии экономическая система характеризуется пониженным уровнем платежеспособного спроса. В этот период в экономической системе формируется спрос на продукцию нового технологического уклада, выпускаемую в свободной экономической зоне. Поэтому она переходит от технологического режима функционирования к производственному. Его цель – удовлетворив депрессивный спрос, создать условия для скорейшего оживления инвестиционной активности.

В период оживления, когда инвестиционная активность в экономической системе вновь начинает нарастать, предприятия за пределами свободной зоны сами стремятся производить продукцию по технологиям, соответствующим новому укладу. Тогда и спрос, предъявляемый к свободной экономической зоне со стороны экономической системы, переключается на сам технологический уклад. В результате теперь деятельность свободной зоны сводится к реализации на рынке новых технологий.

Анализ мировой практики показал, что наиболее адекватными современным условиям хозяйствования и приоритетам экономической политики Республики Беларусь являются технико-внедренческие и экспортно-производственные СЭЗ, так как именно они в наибольшей степени способствуют достижению целей, поставленных при создании в стране СЭЗ, что становится особенно актуальным в условиях мирового финансового кризиса (привлечение иностранного и национального капитала, передовых техники и технологий; ускорение внедренческих процессов и повышение эффективности инновационной деятельности; использование преимуществ международного разделения труда; развитие рыночных отношений; ускорение развития отдельных регионов и др.).

Необходимость формирования технико-внедренческих зон в Республике Беларусь обусловлена достигнутым научным потенциалом и определенным интересом к нему со стороны промышленно развитых стран. Размещение в зоне высокотехнологичных производств способствует не только повышению конкурентоспособности региональной экономики, но и обновлению отраслевой структуры экономики страны и повышению эффективности ее инновационной деятельности за счет доступа предприятий к мировым достижениям в области технологий, менеджмента, маркетинга.

Прямые макроэкономические эффекты от деятельности экспортно-производственных зон проявляются в виде прироста экспортных поступлений, роста занято-

сти, увеличения объема иностранных инвестиций и др. Косвенное влияние зон на результаты национальной экономики заключается в привлечении новых технологий, установлении связей с национальными субпоставщиками, что, в конечном счете, способствует росту экономического потенциала страны.

Заключение

Изложенное позволяет заключить:

1. Анализ свободных экономических зон должен состоять в научном обосновании организационно-экономических аспектов создания зоны, раскрытии механизма ее функционирования в рамках законодательной, управленческой и социальной подсистем, а также определении экономической эффективности деятельности данных образований как на уровне региона, так и государства в целом. Данный подход сводится к комплексному исследованию процесса функционирования СЭЗ, позволяющему получить целостное представление и объективную оценку их состояния и перспектив развития СЭЗ особенно в период экономической нестабильности, а также своевременно выявить проблемы в их деятельности.

2. В условиях экономической нестабильности (цикличности экономики) механизм функционирования СЭЗ как открытой и неравновесной экономической системы может быть рассмотрен как эволюция от простого к сложному и от низшего к высшему. Каждой из фаз развития экономики страны соответствует свой режим функционирования СЭЗ, а периодическая смена этих режимов образует механизм ее функционирования. Таким образом, регулирование деятельности СЭЗ становится частным случаем рыночного саморегулирования.

3. Создание на фоне мирового экономического кризиса технико-внедренческих и экспортно-производственных форм СЭЗ позволит решать такие насущные задачи белорусской экономики, как: создание условий для развития инновационной инфраструктуры, обеспечивающей использование результатов научных исследований и разработок; применение механизмов и стимулов развития инновационных организаций, работающих в области коммерциализации технологий; подготовка менеджеров для инновационной деятельности в научно-технической и промышленной сферах; привлечение в приоритетные отрасли экономики капитальных вложений; замещение импортной продукции продукцией собственного производства; стимулирование научно-технических инноваций, развитие социально значимых и экспортно-ориентированных производств; повышение эффективности промышленных организаций на основе новых технологий и освоения производства наукоемкой продукции; улучшение технической оснащенности организаций; расширение информационных услуг, разработка новых технологий производства продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граник, И.М. Экономический анализ создания и функционирования свободных экономических зон / И.М. Граник // Проблемы учета, анализа и статистики на рубеже веков : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 апр. 2000 г. / БГЭУ. – Минск, 2000. – С. 262.
2. Граник, И.М. Свободные экономические зоны как фактор инновационно-ориентированного развития страны в условиях глобализации / И.М. Граник // Мировой финансовый кризис и его влияние на экономику страны : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 марта 2009 г. / Междунар. ин-т труд. и соц. отнош. – Минск, 2009. – С. 380–384.

Granik I.M. Free Economic Zones and Their Features in the Conditions of Economic Instability

The article offers the method of researching of the process of creation and development of Free Economic Zone (FEZ), which helps to reveal more carefully the essence and specification of this formation, to study deeper function mechanism of FEZ, to find the links between its separate elements, to evaluate fully social-economic results and determine perspectives of FEZ development. Within the frames of the concept of FEZ economic openness an open and non-equilibrium economic system is considered; the mechanism of interaction of free economic zones and business cycle phases is presented; the forms of FEZ which are the most adequate to modern conditions of management and priorities of economic policy of the Republic of Belarus are determined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.11.09

УДК 65

Войцех Нышк

ЦЕПЬ ПОСТАВОК В СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на сохранение и развитие хозяйственной деятельности предприятия вызвавшие динамичное развитие предприимчивости в польской экономике. Любая фирма, функционирующая в окружении конкуренции, вынуждена концентрироваться на построении, модифицировании и на определении стратегии действий, внедряемой стратегическим управлением.

Стратегия – это главный фактор, позволяющий осуществить выбор способа управления. Основанием успеха фирмы является эффективное применение стратегии путём создания уникального предприятия. Эффективная стратегия даёт возможность определить особенности и конкурентоспособность предприятия на рынке. Поэтому сутью успешной стратегии предприятия, с точки зрения окружения, является его отличие, от других индивидуальность.

Продолжающиеся уже многие годы дискуссии, касающиеся способов и методов эффективного управления предприятием, а также практический опыт развитых стран предопределяют необходимость ориентировки управления фирмой на цели и стратегии, направленные, главным образом, на процессы, качество, время, оказание услуг и связь с другими предприятиями. Существующие тенденции и ориентация в управлении и деятельности предприятия требуют применения и использования правил логистики. Логистическое управление является одним из основных элементов стратегического управления.

Жёсткая конкуренция на рынке, изменения в поведении потребителей и неограниченный доступ к новейшим технологиям и информации способствуют тому, что логистика воспринимается как современная концепция управления. Всё более и более сказывается направление стратегического подхода к логистике, основанного на убеждении, что логистика может являться и источником формирования новых экономических выгод. Логистику начинают воспринимать как основной стратегический потенциал предприятия, освобождение и использование которого может стать условием успеха предприятия на рынке. Логистическое управление определяется как логическая цепь действий, представляющая собой процесс создания целостной концепции логистических мероприятий в предприятии, в системе его рыночных параметров и процесс реализации этой концепции в соответственно сформировавшихся организационных формах с использованием соответствующих инструментов управления и контроля.

Выгоды, вытекающие из использования логистической концепции в управлении предприятием, побуждают к наблюдению и поискам эффективных модельных решений, обеспечивающих успех. Доказано, что для достижения конкурентного превосходства важнейшим операционным аспектом логистики, является её стратегическое измерение. Однако остаётся решить вопрос о существовании основных логистических стратегий, применение которых в определённых условиях было бы более эффективным, чем в других.

Логистическая стратегия является неотъемлемой частью генеральной стратегии предприятия, которая может оказать помощь в достижении целей, заключающихся в стремлении к увеличению прибыли, улучшению финансового состояния, введению новых продуктов или расширению деятельности на отечественном или зарубежном рынках.. На предприятии она может принимать форму отдельно разработанного плана с

систематизированным порядком действий, принятым в пределах генеральной стратегии. В процессе создания логистической стратегии необходимым является использование установлений и имеющихся знаний по этим вопросам, а также результатов исследований в отношении логистических правил. В связи с этим повышение ранга логистики может произойти путём введения логистической стратегии в стратегическое планирование с учётом общей стратегии предприятия, что и является свидетельством её существенного значения в процессе реализации целей предприятия.

Отдельные виды деятельности предприятия характеризуются дифференцированными экономическими свойствами, которые по-разному могут влиять на дифференцирование продукта и составлять разную часть общих издержек. В связи с этим они вносят существенный вклад в достижение конкурентного превосходства предприятия, которого следует искать в виде деятельности. Необходимо также учитывать связи между двумя видами деятельности, например, между производством и распределением, как и между цепями ценностей отдельных фирм.

Логистическая стратегия – функциональная стратегия, являющаяся средством долгосрочных композиций, внутренне и внешне согласованных решений, действий и логистических решений в сфере размещения, хранения, транспорта, контроля запасов и потребителей, служащих достижению конкурентного превосходства.

Требуется подчеркнуть, что логистические и конкурентные стратегии взаимно проникают друг в друга и часто являются основным условием их разработки и воплощения их в жизнь. Однако по-прежнему остаётся решить вопрос касающийся основных логистических стратегий, применение которых в определённых условиях могло быть более эффективным, чем в остальных.

В литературе по вышеуказанному вопросу можно отметить исследования Р. Шапиро (*R. Schapiro*), у которого основанием для рассуждений является модель М.Ф. Портера (*M.F. Porter*), касающаяся трёх главных стратегий конкуренции. Они выделили три основные логистические стратегии, реализация которых опирается на соответствующее дифференцирование логистического обслуживания получателей и на инновационность. Две первые стратегии не отличаются от общей концепции Портера. Инновационность же как вид логистической стратегии даёт возможность умелого построения эластичной системы, которая приспособится к изменениям процесса перемещения продуктов и информации. Сутью стратегии инноваций, основанной на существующей логистической системе, является поиск новых способов использования имеющихся уже умений и средств. С учетом имеющихся умений, эта концепция вытекает как из концентрации на одном предмете деятельности, так и на диверсификации, качественном превосходстве, способности вхождения в новые сектора и экспансии на другие рынки. В таком случае стратегия, учитывающая основной потенциал предприятия, представляет собой полное соответствие логистическому подходу.

Зато стратегия совершенствования логистической системы заключается в стремлении значительно усовершенствовать, а если это необходимо, полностью отвергнуть существующие до сих пор решения, и относится ко всем видам логистики : от способов общения с поставщиками, получателями, экспедиторами, к транспорту, хранению, вплоть до изменения места расположения.

Управление цепью поставок является интегрирующей философией, которая ставит перед собой цель управлять глобальным перемещением в канале дистрибуции от поставщика к конечному клиенту. Независимо от формы сотрудничества всё это относится к интеграции логистических систем и процессов, поиску способов увеличения доверия и участия предприятия в отношениях «поставщик – получатель». Применение стратегии управления цепью поставок ведёт к увеличению качества обслуживания и сокращению логистических издержек.

Цепь поставок – это сеть организаций, принимающих деятельное участие в разных процессах и действиях, создающих ценность в виде продукции и услуг, поставляемых конечному потребителю.

По мнению Х.Ц. Пфхола (H.C. Phfol) логистическую цепь следует рассматривать, учитывая три её варианта:

- функциональный;
- институциональный;
- кооперативный.

С точки зрения функционального аспекта, следует ответить на вопрос: какие задачи в цепи поставок для клиента самые существенные? Институциональный аспект относится к вопросу: какие задачи реализуются в отдельных звеньях цепи? Кооперативный аспект касается сотрудничества звеньев цепи и организаций и также функционирования кооперативной системы. Взаимоотношения в рамках кооперации растут вместе с увеличивающимся заказом на инвестиции, углубляющейся специализацией и возрастающей интенсивностью кооперации.

Реализация предприятием логистических функций ещё не обозначает существования логистической цепи. Чтобы данная цепь функционировала, должны быть выполнены следующие требования [1]:

- должна существовать совокупность кооперирующих друг с другом организаций;
- должна существовать вышестоящая цель относительно индивидуальных целей и интересов отдельных участников канала;
- цепь охватывает определённый ряд действий;
- логистическая цепь одновременно охватывает несколько разных видов перемещений;
- чёткость канала увеличивается через центральную координацию индивидуальных решений отдельных членов канала.

Достижение целей логистической цепи связано со значительным возложением обязанностей на его участников и требует очень высокой степени координации деятельности отдельных предприятий. Эта координация должна быть реализована предприятием, которое в состоянии обеспечить самую высокую эффективность определённых действий.

Итак, можно принять, что цепи поставок – это логистические системы, состоящее более чем из одного звена «поставщик – получатель», и действующие по общим правилам [2]:

- все участники цепи поставок несут не только расходы по его функционированию, но и участвуют в прибыли, достигаемой этим путём и также в рынке связанным с функционированием цепи в сфере определённой путём взаимных соглашений и согласований;
- планирование в цепи поставок, опирается на прогнозы, разработанные для тех её звеньев, которые имеют прямую связь с рынком конечных потребителей благ, предлагаемых цепью;
- системы планирования участников цепи объединяются в одно целое по одному общему образцу;
- в сотрудничестве участников цепи обязывают правила взаимной искренности и доверия;
- участники цепи сотрудничают друг с другом в реализации задач, повышающих их потенциал;
- действия участников цепи, целью которых является повышение их потенциала, должны стремиться исключительно к повышению потенциала цепи в целом, а смена

паритета в цепи, введение изменений одним из участников требует согласия остальных участников.

Производя анализ принципов логистической цепи, можно принять, что она формируется путём стратегических связей независимых партнёров, заключаемых на основании модели концентрации, которые состоят в объединении в рамках одной организации разных стадий перемещения благ. Целью такой конструкции является накопление соответствующего количества ресурсов, принадлежащих индивидуальному участнику логистической цепи, чтобы в отношении к потенциальным конкурентам можно было реализовать стратегию достижения доминирующей позиции по издержкам.

Концепция цепи поставок является расширением основных принципов логистики. Учитывая критерий необходимости партнёрства и выгоду из функционирования цепи, эволюцию её образования представляет таблица.

Таблица – Эволюция управления цепью поставок

	Этап I	Этап II	Этап III
Направление	Построение хороших отношений с поставщиками и распределителями	Планирование, внедрение и контроль перемещения информации и продукции с точки зрения потребления	Сосредоточение на проектировании процессов для усовершенствования скорости и эластичности.
Активное участие стороны	Система: поставщик-потребитель, оптовик – розничник	Система: поставщик – оптовик	Вся цепь от поставщика до конечного потребителя
Полезность	Сокращение издержек, партнёров, повышение качества, ускорение перемещения запасов	Снижение издержек, более ускорённые и надёжные поставки	Усовершенствование организации по всей длине цепи, высший уровень обслуживания клиента и эластичность
Связи	Поставщик – потребитель; производитель – дистрибьютор	Стороны активно участвуют в поставке продукта к клиенту, напор на логистическую функцию	Все стороны связаны с перемещением благ, от источников сырья до последнего клиента и процессы, оказывающие влияние на эти перемещения
Доминирующая выгода	Улучшенные отношения приводят к сокращению издержек	Улучшенные связи и перемещение информации дают логистические сбережения в цене, качестве и запасах	Эффективные процессы позволяют получить быстрый и эластичный доступ к клиенту, в самый короткий срок занимаются продукцией и в самый короткий срок поставляют её клиенту.

Источник: М. Мосей, Партнёрство в интегрированной цепи поставок, совещательные материалы, Konferencja logistyczna 1997, SGH Warszawa, 1997.

Эффективность управления цепью поставок основывается на интеграции и управлении перемещением продуктов, информации и денежных средств между каждым участником цепи. В обоих направлениях происходит перемещение информации и денежных средств, а продукция обычно перемещается лишь в одном направлении. Всё

большее значение приобретает противоположное перемещение продукции что связано главным образом, с охраной окружающей среды. Появилось понятие так называемой обратной логистики, которая поддерживает именно рециклинг и переработку отходов.

Одной из основных задач в управлении цепью поставок является мониторинг запасов во всей цепи и ограничение отсутствия надёжности, которое является поводом создания резервных запасов. Чтобы к минимуму сократить издержки и затраты на запасы, их уровень должен быть согласован на всем протяжении логистической цепи поставок.

Одной из попыток решить эту проблему является внедрение предприятиями программы *Just in Time* в управление запасами материальных средств, поставляемых субподрядчиками извне. Однако, чтобы справиться со сроками поставок, наложенными предприятиями, это приводит к увеличению уровня запасов у поставщиков. Перемещение запасов на поставщиков не уменьшает затрат на запасы, вызывает лишь их перемещение в низ цепи поставок. Вопрос был решён благодаря доведению до поставщиков своевременной информации о графиках изготовления, минимизирующих отсутствие надёжности, об уровне запасов, имеющихся у получателей и их поставщиков. Обмен информацией относительно графика поставок минимизирует отсутствие надёжности и ведёт непосредственно к сокращению уровня резервных запасов. Делиться друг с другом информацией – это ключ к успеху.

Цепь поставок требует общего несения риска, связанного с планированием производства на его уровне вместе со всеми кооперантами. Общая разработка производства порождает новые организационные отношения (стратегические союзы или альянсы), поддерживаемые с поставщиками, перевозчиками и другими членами логистического канала. Стоит подчеркнуть факт, что концепция *Just in Time* благоприятствует закреплённым связям партнёров цепи поставок, сотрудничающих друг с другом, в стремлении достичь вместе поставленных целей, какими являются сокращение транспортных издержек, улучшение качества обслуживания клиента путём своевременной реализации поставок.

Определение требований конечного клиента, относящихся к уровню обслуживания, является целью цепи поставок, которая оказывает влияние на принятие стратегических решений. Из вышеуказанного следует, что именно заказ клиента является мотором, который продвигает запасы через канал. Поэтому также можно констатировать, что *«Клиенты не хотят иметь широкий выбор. Они хотят точно того, чего хотят, тогда, когда хотят, там, где хотят и так как хотят»* – философия японского управления.

Стратегия управления цепью поставок – это интегрированное целое, взаимодействующее благодаря эффективному механизму кооперации.

Участники цепи поставок в условиях кооперации могут поделиться полезностями, целая система «поставщик – получатель» является более конкурентной. Это связано с ограничением числа поставщиков, что является «переворотом» по отношению к традиционным правилам содержания большого количества поставщиков и зарождения конкуренции между ними.

Итак, существует объективная необходимость того, чтобы менеджеры в рыночных условиях осознали: не достаточно просто хорошо определить поставленные задачи, необходимо чтобы они были согласованы с задачами других партнёров. Необходимо перешагнуть через традиционные каноны управления, искать новые решения сокращению издержек в деятельности предприятия. Они могут охватывать усилия в пользу улучшения использования уже существующих ресурсов, снижения уровня запасов, улучшения обслуживания, благодаря более тесному сотрудничеству с поставщиками. За каждым примером, вызывающим уважение, дифференцирование путём первокласс-

ного уровня обслуживания, скрывается чётко обдуманная стратегия управления логистикой, выражающаяся в стремлении к удовлетворению клиента и рентабельности предприятия путём сокращения собственных издержек, введения новых технологий и поиска резервов в практической деятельности строения логистической цепи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sołtysik, M. Zarządzanie logistyczne. / M. Sołtysik. – AE, Katowice, 1996.
2. Fertach, M. Wymiary łańcucha logistycznego. Materiały konferencyjne IV Międzynarodowej Konferencji – Logistics 1998, Katowice / M. Fertach, – 1998.
3. Coyle, J.J. Zarządzanie logistyczne / J.J. Coyle, E.J. Bardi, J.Jr. Langley. – PWE, Warszawa 2002.
4. Witkowski, J. Strategia logistyczna przedsiębiorstw przemysłowych. Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej, Wrocław 1995.
5. Ciesielski, M. Strategie logistyczne przedsiębiorstw / M. Ciesielski AE Poznań. – 1998.
6. Antoniak, M. Strategie logistyczne / M. Antoniak. – WSC, Warszawa, 2004.

Nyshk Voitsekh. Delivery Objective in the Strategy of Enterprise Management

The factors influencing conservation and development of managerial activity of an enterprise, which result in dynamic development of enterprise in national economy, are considered in the article. Any firm, functioning in the surroundings of competition, is forced to focus on construction, modification and definition of action strategy, applied by strategic management

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.06.09

УДК 338.242

В.В. Зазерская

КОНКУРЕНТНАЯ СРЕДА В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы становления конкурентной среды в жилищно-коммунальном хозяйстве. Особое внимание уделено выделению агентов спроса и предложения на рынке жилищно-коммунальных услуг. Для этого рассматривается возможность и целесообразность разукрупнения доминирующих хозяйствующих субъектов с учетом специфики отрасли. Предлагаются принципы развития конкуренции. Приводится классификация услуг ЖКХ по признаку социальных гарантий, что дает возможность определить степень государственного регулирования уровня оказания жилищно-коммунальных услуг и гарантию на предоставление качественных услуг.

Введение

К причинам, обуславливающим кризисное состояние жилищно-коммунального хозяйства, относятся прежде всего тяжелое финансовое положение, высокие затраты на оказание жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), отсутствие экономических стимулов снижения издержек на их оказание, высокая степень износа основных фондов, возрастание потерь энергии, тепла, воды. Темп роста денежных расходов населения по Брестской области на оплату жилищно-коммунальных услуг в 2003 г. составил 203,9%, а по Республике Беларусь – 198,5% [1, с. 18–26].

Одним из главных направлений решения проблем, стоящих перед отраслью на данном этапе развития, является, на наш взгляд, развитие механизмов функционирования ЖКХ путем создания конкурентной среды. За счет данного фактора усилия производителей услуг будут сосредоточены на рационализации и снижении издержек, и, как следствие, потребители смогут пользоваться услугами по приемлемым для себя ценам.

Разукрупнение доминирующих хозяйствующих субъектов на рынке ЖКУ

Создание конкурентной среды требует развития рыночных отношений как со стороны предложения, так и со стороны спроса. В настоящее время по законодательству к сфере деятельности субъектов естественных монополий относится передача и распределение электрической и тепловой энергии, централизованное водоснабжение и водоотведение (ст. 3 закона о собственных монополиях) [4]. Остальные подотрасли ЖКХ относятся к субъектам, занимающим доминирующее положение на рынке. Разукрупнение и выделение хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках, выступает в качестве одной из мер государственного антимонопольного регулирования, направленной на ограничение монополистической деятельности и развитие конкуренции. Целью разукрупнения является формирование на базе действующих монопольных хозяйственных структур развитой конкурентной среды на существующих товарных рынках, улучшение доступа на эти рынки вновь создаваемых хозяйствующих субъектов, повышение уровня качества в интересах потребителей. В соответствии с частью 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» разукруп-

Научный руководитель – И.И. Обухова, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, аудита и анализа Брестского государственного технического университета

нение осуществляется с учетом одного или нескольких следующих условий [3]:

- возможности организационного и (или) территориального обособления предприятий, структурных подразделений или структурных единиц;
- отсутствие тесной технологической взаимосвязи предприятий, структурных подразделений или структурных единиц в рамках узкой предметной специализации;
- невозможности в силу причин экономического или политического характера привлечения других поставщиков на соответствующие товарные рынки.

Возможность и целесообразность разукрупнения доминирующих хозяйствующих субъектов в каждом конкретном случае должна осуществляться по многофакторной оценке его возможных результатов с учетом специфики отрасли, типа производственного процесса, вида выпускаемой продукции, товара или услуги организации управления.

Развитие конкуренции должно привести к тому, что агентами предложения в жилищном хозяйстве будут выступать управляющие организации и подрядные организации по текущему обслуживанию и проведению капитальных ремонтов. Управляющая организация – это организация, реализующая задачу разделения функций заказчика от подрядчика, уполномоченная обеспечивать жилищно-коммунальное обслуживание объектов муниципального заказа и представлять интересы потребителей на основании договора о передаче на обслуживание, а также договоров с получателями товаров, работ, услуг жилищно-коммунального назначения [2, с. 56]. Это будет способствовать развитию конкурентных принципов на двух уровнях: в сфере управления недвижимостью (жилым фондом) за получение заказа на управление; среди подрядных организаций за получение заказа на обслуживание жилья. Развитие конкуренции в управлении жилищным фондом и предоставлении ЖКУ создаст предпосылки для последующей приватизации организаций ЖКХ. Первый этап такой приватизации – это акционирование существующих организаций в соответствии с законодательством [6]. При этом контрольные пакеты акций должны сохраниться в собственности государства. Вместе с тем должна оставаться возможность сохранения в отрасли государственных организаций ЖКХ в случаях:

- если собственники жилых помещений выбрали такую форму обслуживания недвижимого имущества;
- при невозможности создания конкуренции в сфере предоставления ЖКУ (малые города, городские поселки, сельская местность).

Таким образом, согласно Концепции, управлять и обслуживать жилищный фонд смогут приватизированные жилищно-коммунальные организации, государственные организации ЖКХ, а с развитием конкуренции и частные организации. На данный момент времени конкуренция в отрасли представлена малым бизнесом, что прослеживается по таблице 1. Преобладающая форма собственности малых предприятий и организаций в 2005 г. частная – 89,9%, государственной форме собственности принадлежит 5,8%.

Сравнение показателей рентабельности реализованной продукции предприятий системы ЖКХ и субъектов малого предпринимательства показывает, что в целом предприятия сферы ЖКХ, несмотря на спад значения показателя у субъектов малого предпринимательства в жилищном хозяйстве в 2001 г., работают с положительными результатами.

Так, в жилищном хозяйстве наблюдается рост показателя рентабельности у предприятий системы ЖКХ до 4%, а у предприятий малого предпринимательства – спад до -1%. Коммунальное хозяйство малого бизнеса более рентабельно, чем системы ЖКХ – 20% против 4,2% [8, с. 145–148].

Таблица 1 – Количество малых предприятий и организаций, численность работающих в них [8, с. 145].

Отрасль	Кол-во предпр. (на конец года)				Списочная численность работников в среднем за период			
	2000 г.		2005 г.		2000 г.		2005 г.	
	Ед-ц	% к итогу	Ед-ц	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу
Жилищно-коммунальное хозяйство и непроизводственные виды бытового обслуживания населения	91	0,32	101	0,3	3,4	1,1	4,3	1,3
Всего в малом и среднем бизнесе	28 310	100	33 094	100	321,9	100	333,1	100

Примечание – Источник : [8, с. 145]

Участники конкурентного рынка ЖКУ

Со стороны спроса конкурировать между собой будут собственники жилищного фонда: собственники коммунального жилищного фонда и частные собственники. Собственником коммунального жилищного фонда и неприватизированных квартир выступают управления ЖКХ. Частными собственниками могут быть как юридические (в т. ч. и товарищества собственников жилья (ТСЖ)), так и физические лица.

В коммунальном хозяйстве предлагать услуги будут предприятия сетевого хозяйства, работающие в области тепло-, электро-, водоснабжении, водоотведении, коммунального хозяйства, предлагающие услуги по благоустройству, вывозу бытовых отходов и т. д. Потребителей здесь целесообразно разделить на групповых и индивидуальных.

Перечисленные участники конкурентных отношений в сфере ЖКХ представлены на рисунке. Дифференцированный подход к осуществлению мероприятий по демополизации должен исходить из того, что сфера ЖКХ является сложным хозяйственным комплексом, включающим в себя ряд подотраслей, существенно отличающихся как по технологии производственных процессов, так и по процедуре предоставления услуг. Так, на территориально малых рынках целесообразно создание интегрированных служб, которые будут оказывать населению комплексные услуги – от обслуживания жилья до оказания услуг сетевого хозяйства. Может быть проведена приватизация отдельных служб предприятий, относящихся к естественной монополии, относительно деятельности которых может быть создана эффективная конкурентная среда, например, служб по ремонту коммунальных сетей. Однако в данном случае возможно возникновение проблемы взаимодействия частных и государственных служб.

Основным инструментом работы новых служб остается договор между службами (предприятиями) и местной властью, который отражает обязательства и права обеих сторон, или двухсторонние договора между местной властью и службами и местной властью и управляющей организацией (ассоциациями собственников).

Администрация территориальных единиц в данной модели конкурентной среды выполняет задачи по взаимодействию между различными службами, контролю, а также распределению бюджетных средств. Центральный орган управления сферой ЖКХ выполняет координирующую функцию между предприятиями и службами различных подотраслей, реализует тарифную политику, прогнозирует возможности государственного финансирования, определяет тарифы и объемы, оказывает методическую и консультационную помощь.

Развитие конкуренции в отрасли должно основываться на следующих принципах:

1. Обеспечение защиты прав и интересов потребителей жилищно-коммунальных услуг.
2. Отсутствие дискриминации по отношению к каким-либо формам собственности как на жилищный фонд и объекты коммунального назначения, так и на предприятия жилищно-коммунального хозяйства.
3. Мониторинг проводимых преобразований в отрасли, качества, надежности и экологической безопасности услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Классификация жилищно-коммунальных услуг

При демополизации сферы ЖКХ необходимо классифицировать услуги по отраслям, что при создании конкурентной среды даст возможность определить степень государственного регулирования уровня оказания жилищно-коммунальных услуг и гарантию на предоставление качественных услуг.

Основной обобщающей характеристикой жилищно-коммунальных услуг является их обязательность для функционирования системы жизнеобеспечения городов и населенных пунктов. Услуги, предоставляемые предприятиями отрасли, могут выступать в виде доведенных до потребителей материальных носителей с определенными качественными показателями (тепло- и электроэнергия, вода, газ и т. д.), а также в виде непосредственных работ на объекте (обслуживание жилых домов, санитарная очистка и т. д.).

Для жилищно-коммунальных услуг характерны:

- а) принадлежность к группе жизнеобеспечения;
- б) социальная значимость;
- в) низкая заменяемость другими услугами.

Нами предлагается провести классификацию жилищно-коммунальных услуг по следующим признакам: обязательные и необязательные; технические и общего назначения (таблица 2). При составлении классификации необходимо учитывать принцип социальной защищенности малоимущих слоев населения, возможность контроля объема и качества тех ЖКУ, которые не подлежат сокращению ниже уровня, за которым последует ухудшение условий жизни населения, т. е. социального стандарта. По нашему мнению, социальный стандарт – это система государственных стандартов, упорядочивающих механизм финансирования ЖКХ.

Таблица 2 – Классификация услуг ЖКХ по признаку социальных гарантий

	Услуги			Возможная рыночная структура	Степень гос. контроля
	Обязательные		Необязательные		
	Коммунальные	Технические			
<i>Коммунальное хозяйство</i>					
водо-канализационное хозяйство	+			естественная монополия	высокая
топливно-энергетическое хозяйство	+				
благоустройство и озеленение		+		демонополизация	средняя
вывоз мусора	+			демонопо-	высокая

				лизация	
<i>Продолжение таблицы 2</i>					
содержание городского транспорта		+		демонополизация	средняя
содержание кладбищ	+			конкуренция	средняя
бани			+	конкуренция	низкая
гостиницы			+		
физкультурно-оздоровительное хозяйство			+		
<i>Жилищно-эксплуатационное хозяйство</i>					
ремонтно-эксплуатационные предприятия		+		демонополизация	средняя
ремонтно-строительные организации	+				
лифтовое хозяйство	+				

Примечание – Источник: собственная разработка

Сюда входят следующие нормативы:

1. Норма площади жилья на человека. Позволяет рассчитывать оплату жилищных услуг по нормативной и сверхнормативной площади. Определена в Жилищном кодексе Республики Беларусь на 1 чел. – 20 м² общей площади жилья на одного человека.

2. Стоимость предоставления ЖКУ на 1 м² или на одного человека. Устанавливается на региональном уровне исходя из норм потребления и региональных особенностей.

3. Уровень платежей граждан. Ежегодно устанавливается в процентах к затратам на содержание и ремонт жилья и коммунальных услуг в соответствии с Концепцией проведения жилищно-коммунальной реформы и Законом «О бюджете».

4. Доля расходов граждан в семейном бюджете. Помогает рассчитать объем средств для предоставления социальной помощи на оплату ЖКУ малообеспеченным категориям граждан.

К обязательным услугам в международной практике относят те, которые должны предоставляться постоянно. В случае нестандартных ситуаций должны быть мобилизованы имеющиеся резервы или применены альтернативные варианты решения возникших проблем.

Необязательные услуги включают в себя в основном услуги, касающиеся культурной жизни общества, т. е. большая часть необязательных услуг будет предоставляться в крупных городах с большими финансовыми возможностями.

Обязательные услуги, в свою очередь, должны подлежать регулированию со стороны местных органов власти, в компетенцию которых входят мероприятия по защите окружающей среды; управление водными ресурсами, водоснабжением и системой канализации; содержание кладбищ; содержание дорог и мест общего пользования; мониторинг общественной санитарии и сооружений по переработке отходов.

Они подразделяются на коммунальные услуги или услуги общего назначения и технические услуги. Коммунальные услуги финансируются преимущественно по принципу общественной необходимости, когда возможно получение дотаций из государственного бюджета. Технические услуги оплачиваются только потребителями.

Группировка услуг по данной классификации выводит на первый план задачи по контролю за деятельностью предприятий-монополистов – производителей

коммунальных услуг, а также создание конкурентной среды в сфере предоставления услуг. Это позволит регулировать те сферы, где необходим государственный контроль, и развивать конкурентные рыночные отношения в потенциально конкурентных видах деятельности.

Рассмотрим взаимоотношения между потребителями жилищно-коммунальных услуг и поставщиками.

Предложение коммунальных услуг формируется производителями и поставщиками услуг, а именно предприятиями:

- водо-канализационного хозяйства;
- топливно-энергетического хозяйства;
- благоустройства и озеленения;
- по санитарной очистке и т. д.

Услуги в жилищном хозяйстве предлагают:

- ремонтно-эксплуатационные предприятия;
- лифтовое хозяйство;
- ремонтно-строительные организации.

Большинство этих предприятий, за исключением занимающихся текущим обслуживанием домовладений и капитальным ремонтом, можно отнести к естественным монополиям, оказывающим услуги на строго определенной территории. Необходимо сказать, что, по существу, естественными монополиями по определению являются водо-канализационное и топливно-энергетическое хозяйства. При этом необходимо правильное и обоснованное определение перечня видов деятельности субъектов локальных естественных монополий, подлежащих регулированию со стороны государственных органов. Локальные естественные монополии – это субъекты хозяйствования, относящиеся к естественным монополистам, занимающие доминирующее положение на географическом рынке. Остальные предприятия и организации, оказывающие коммунальные услуги, могут занять доминирующее положение на товарном рынке, т. е. оказаться локальными монополистами. Локальные монополии возникают так же как и локальные естественные монополии, когда предприятие оказывается единственным поставщиком услуг на административно ограниченной территории (например в каком-либо городе или районе города). В нормативных документах Республики Беларусь степень монопольной власти определяется долей в общем объеме реализации данного товара на рынке [5], а доля на географическом нигде не рассматривается, а ведь большинство предприятий коммунального хозяйства после демонополизации отрасли будут монополистами именно на административно ограниченной территории, т. е. станут локальными монополистами. В соответствии с частью второй статьи 9 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О естественных монополиях» [4] Министерство экономики Республики Беларусь делегировало областным исполнительным комитетам функции по регулированию деятельности субъектов естественных монополий, осуществляющих производство (реализацию) товаров на товарных рынках областей и г. Минска в таких сферах деятельности, как передача и распределение электрической и тепловой энергии и централизованное водоснабжение и водоотведение.

Таким образом, классификация услуг ЖКХ по признаку социальных гарантий (таблица 2) дает возможность выделить уровень демонополизации подотраслей, что позволяет к одним производителям услуг применять меры антимонопольного регулирования, а другим позволит работать в условиях конкуренции.

Вторым моментом во взаимоотношениях является связь между потребителями и производителями услуг. В Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от

14 июля 2003 г. № 943 [7] сказано, что «к 2006 году предполагается выполнение исключительно на конкурсной основе всех подрядных работ по ремонту конструктивных элементов жилых домов и капитальному ремонту коммунального жилищного фонда в г. Минске, областных центрах и городах с населением более 200 тыс. человек». Существует достаточно хорошо разработанная правовая база для организации и проведения конкурсов на текущее обслуживание и капитальный ремонт жилых зданий. В ряде городов такие конкурсы проводятся, но до сегодняшнего дня они не стали нормой хозяйственной практики в жилищно-коммунальном хозяйстве. На практике заказ на собственные работы формируют ремонтно-эксплуатационные предприятия, совмещающие как функции заказчика, так и функции производителя части коммунальных услуг, а именно тех, которые связаны с текущим обслуживанием здания. Фактически непосредственно потребитель услуг прямым образом не связан договорными отношениями с производителями услуг. Он имеет с ними дело через ремонтно-эксплуатационные предприятия.

Существующая система финансирования отрасли, уровень жизни населения в большой степени влияют на формирование спроса, однако не формируют конкурентную среду. Платежеспособная часть населения не ведет поиск подрядчиков, которые обеспечили бы высокое качество услуг по более низким, чем действующие, ценам. Таким образом, практически отсутствует инициатива со стороны спроса, которая могла бы способствовать обоснованному нормированию поставок услуг и определению базовых тарифов.

Из всего этого следует, что существуют три крупные проблемы, препятствующие развитию конкуренции в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

1. Отсутствие правовой базы для регулирования деятельности локальных монополий.
2. Отсутствие разделения функций и договорных отношений между собственниками жилищного фонда (или организацией, ими уполномоченной), организациями жилищно-коммунального хозяйства и подрядными организациями.
3. Низкая инициатива по созданию конкурентной среды со стороны потребителей ЖКУ.

Выводы

1. Развитие конкурентной среды в ЖКХ возможно через разукрупнение действующих монопольных хозяйственных структур и улучшение доступа на рынок вновь создаваемых хозяйствующих субъектов.

2. Выделение агентов спроса и предложения по подотраслям проведено с учетом территориального признака и конкретизацией выполняемых функций.

Классификация услуг по признаку социальных гарантий при демонополизации сферы ЖКХ дает возможность определить степень государственного регулирования уровня оказания жилищно-коммунальных услуг и гарантию на предоставление качественных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денежные доходы и расходы населения Республики Беларусь : стат. сб. / Мин-во стат. и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2004. – 98 с.
2. Жуков, Д.М. Экономика и организация жилищно-коммунального хозяйства города / Д.М. Жуков. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 96 с.
3. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь, 10.12.1992 г., № 2034 – XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от

05.01.2008 г. : // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

4. Республика Беларусь. Законы. О естественных монополиях: закон: принят 16 декабря 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 29–35.

5. Инструкция по определению доминирующего положения хозяйствующих субъектов на товарных рынках Республики Беларусь от 17.10.2002 № 229 : в ред. пост. Минэкономки от 30.12.2004 № 275 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 18. – С. 21–27.

6. О мерах по повышению эффективности эксплуатации жилищного фонда, объектов коммунального и социально-культурного назначения и защите прав потребителей коммунальных услуг : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 января 2003 г., № 45 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 9. – С. 10–19.

7. О концепции развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь на период до 2015 года : пост. постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 июля 2003 г., № 943 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 79. – С. 47.

8. Статистические материалы // Белорусский экономический журнал. – 2005. – № 3. – С. 145,148.

Zazerskaya V.V. Competitive Ambience in Housing-public Facilities: State and Perspective of Development

Actual problems of the formation of competitive ambience in housing-public facilities (HPF) are considered in the article. Pointing out of supply and demand agents is emphasized. The possibility and practicability of breaking up into smaller parts of dominant managerial subjects considering the specific nature of the branch are revealed. Principles of competition development are suggested. The classification of P3A services according to social guarantees is given, which gives the possibility to define the degree of state regulation of the level of P3A services and the guarantee of the offer of good services.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.10.09

УДК 332.142.2

А.В. Філіпенка**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: АНАЛИЗ ГАЛИНОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРОМЫСЛОВОСТИ РЕГИОНА**

У артыкуле аналізуецца галіновы прамысловы комплекс Брэсцкай вобласці за 35-гадовы перыяд, які характарызуецца цыклічнасцю ў развіцці з індэксам тэмпу росту ад 90 да 150% і эканамічным крызісам у 1990–1995 гг., эканамічна абаснавання прыярытэтных галін развіцця прамысловасці. Так, у электраэнергетыцы, машынабудаванні, паліўнай і харчовай прамысловасці налічваецца па 8 цыклаў, у хімічнай прамысловасці і прамысловасці будаўнічых матэрыялаў – па 7 цыклаў, у лёгкай, лясной і дрэваапрацоўчай прамысловасці – па 6 цыклаў. Пачынаючы з 1990 г. у прамысловасці актыўна адбываліся структурныя зрухі, і да 2006 г. сфарміраваўся прамысловы комплекс з перавагай харчовай прамысловасці (36,8%), машынабудавання (19,7%), лясной і дрэваапрацоўчай прамысловасці (11,7%). Дадзеныя галіны характарызуюцца вялікай ступенню разгрупавання вытворчасці па рэгіёнах, аднак больш эфектыўная ў рэгіёнах шматгаліновая спецыялізацыя. Вузкагаліновая спецыялізацыя больш эфектыўная пры высокім узроўні канцэнтрацыі, што мае месца ў буйных гарадах. Найбольш прыярытэтнымі галінамі прамысловасці ў вобласці з'яўляюцца: лясная і дрэваапрацоўчая; машынабудаванне; харчовая прамысловасць і прамысловасць будаўнічых матэрыялаў.

Уводзіны

У сучасных умовах праблема гарманічнага развіцця грамадства ўсё больш перамяшчаецца на рэгіянальны ўзровень, бо менавіта рэгіёны адрозніваюцца найбольшай дыферэнцыяцыяй у сацыяльна-эканамічным развіцці. Наяўнасць асаблівасцяў у развіцці рэгіёнаў краін свету сфарміравала нацыянальныя навуковыя праграмы даследаванняў.

Брытанская школа прадстаўленая тэорыямі размяшчэння, рэгіянальнай спецыялізацыі і міжрэгіянальнага гандлю, тэорыямі полюсаў росту. Скандынаўская школа даследавала тэарэтычныя абгрунтаванні размяшчэння прадпрыемстваў у прасторы, рэгіянальнай спецыялізацыі, тэорыі кумулятыўнага росту, тэорыі дыфузіі новаўвядзенняў.

Французская школа прадстаўленая даследаваннямі рэгіянальных адрозненняў у рамках урбанічных канцэпцый.

Амерыканская школа шырока прадстаўленая тэорыямі размяшчэння, развіццём урбанічных кірункаў, тэорыямі дзяржаўнага рэгулявання, тэорыямі інавацыйнага развіцця.

Расійская і беларуская школа адрозніваюцца ў сваіх даследаваннях пытаннямі эканамічнага развіцця, развіцця і размяшчэння вытворчых сіл, фарміраваннем тэрытарыяльна-прамысловых комплексаў на аснове шырокага выкарыстання метадаў планавання. Асноўнай праблемай прымянення большасці існуючых канцэпцый і тэорыі у даследуемай вобласці з'яўляецца разнароднасць іх тэарэтыка-метадалагічных падстаў і перадумоў, незвядзенне назапашаных фактараў да аднаго ўзроўню, што вядзе да ігнаравання той або іншай групы эмпірычных фактаў.

Улічваючы, што прамысловасць – падмурак эканамічнага росту любой дзяржавы, неабходна зрушыць акцэнт даследаванняў да галін і рэгіёнаў, паколькі інавацыйны і інвестыцыйны капітал можа больш паспяхова акумулявацца ў буйных фарміраваннях.

Аднак менавіта на рэгіянальным (галіновым) узроўні ў Беларусі недастаткова

Навуковы кіраўнік – А.Б. Дорына, доктар эканамічных навук, дацэнт кафедры нацыянальнай эканомікі і дзяржаўнага кіравання Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

адпрацаваныя стратэгічныя кірункі развіцця прамысловасці ў рэгіёнах, здольныя весці канкурэнтную барацьбу ў маштабе сусветнай эканомікі. У гэтай сітуацыі адным з найболей магчымых і дзейных кірункаў эканамічнай палітыкі становіцца пошук шляхоў кансалідацыі ўсіх намаганняў дзяржавы і прадпрыемальных структур па стварэнні ўмоў фарміравання рэгіянальнай галіновай структуры прамысловасці на аснове засваення новых тэхналогій. Ад абгрунтавання рацыянальнай галіновай структуры прамысловасці і распрацоўкі пэўных мерапрыемстваў па яе дасягненні непасрэдна залежыць эфектыўнасць функцыянавання эканомікі і сацыяльнай сферы ў цэлым.

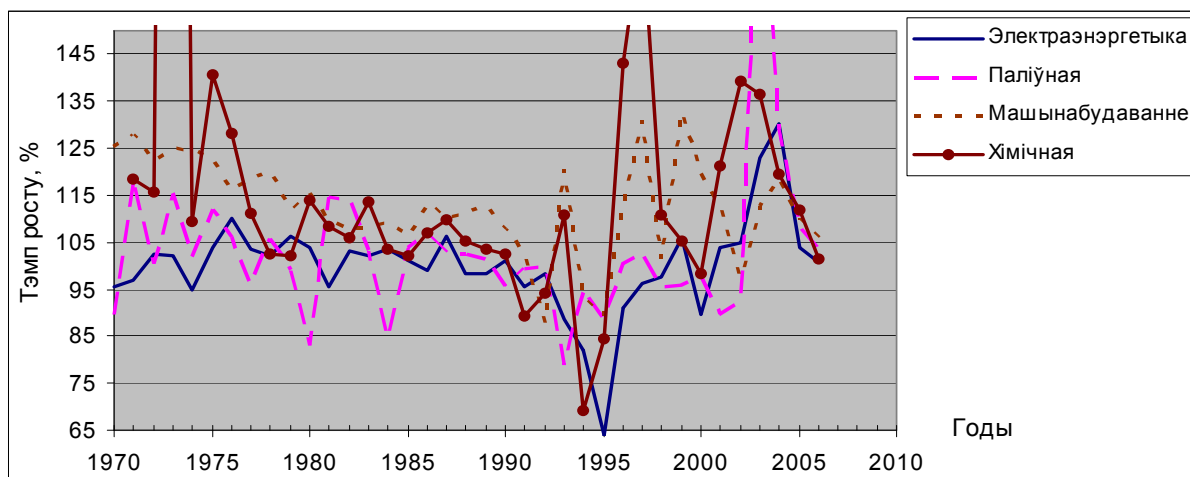
Тэндэнцыі развіцця галін прамысловасці

Брэсцкая вобласць уз'ядналася з Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай (БССР) у 1939 г. Да ўз'яднання з БССР у заходніх абласцях Беларусі не было буйной прамысловасці. Меліся толькі дробныя саматужныя прадпрыемствы, занятыя перапрацоўкай сельскагаспадарчай сыравіны, лесанарыхтоўкамі і дрэваапрацоўкай. Па сваім эканамічным і сацыяльным ўзроўні заходнебеларускія землі значна адставалі ад дасягнутага ў БССР. Так, вытворчасць прамысловай прадукцыі на душу насельніцтва была прыкладна ў 8 разоў меншая, колькасць прамысловых працоўных была ніжэйшая за узровень 1913 г., шматлікія прадпрыемствы не працавалі [1, с. 42]. Рэспубліка, інтэнсіўна выкарыстоўваючы наяўную вытворчасць, пачала будаваць новыя аб'екты ва ўсіх галінах народнай гаспадаркі. У выніку комплекснага развіцця тэрыторыі прамысловасць і сельская гаспадарка Брэсцкай вобласці пачалі хутка развівацца, што ў цэлым забяспечыла рост сацыяльнай сферы. Пры гэтым тэмпы росту прамысловай вытворчасці ў ёй былі значна вышэйшымі за тэмпы развіцця прамысловасці ва ўсходніх абласцях [2, с. 120].

Прамысловы комплекс Брэсцкай вобласці сфарміраваўся ў пасляваенны перыяд (табліца 1) і быў цвёрда інтэграваны ў складзе БССР у прамысловы комплекс СССР [3, с. 75], што забяспечвала планы і стабільны збыт прадукцыі нават пры высокіх тэмпах росту (малюнак 1, 2). З 1990 г. у Брэсцкай вобласці пачаўся рэзкі спад прамысловай вытворчасці. Пераход Рэспублікі Беларусь да рынкавай эканомікі разарваў планы працэсу развіцця галін, аднак неабходныя рынкавыя рэформы не былі праведзены своєчасова. У выніку прамысловы крызіс набыў зацяжны характар. Рэзкае паніжэнне інвестыцыйнай актыўнасці, а таксама абмежаванне попыту на прадукцыю на ўнутраным і знешнім рынках паставілі ў цяжкае становішча практычна ўсе галіны прамысловасці.

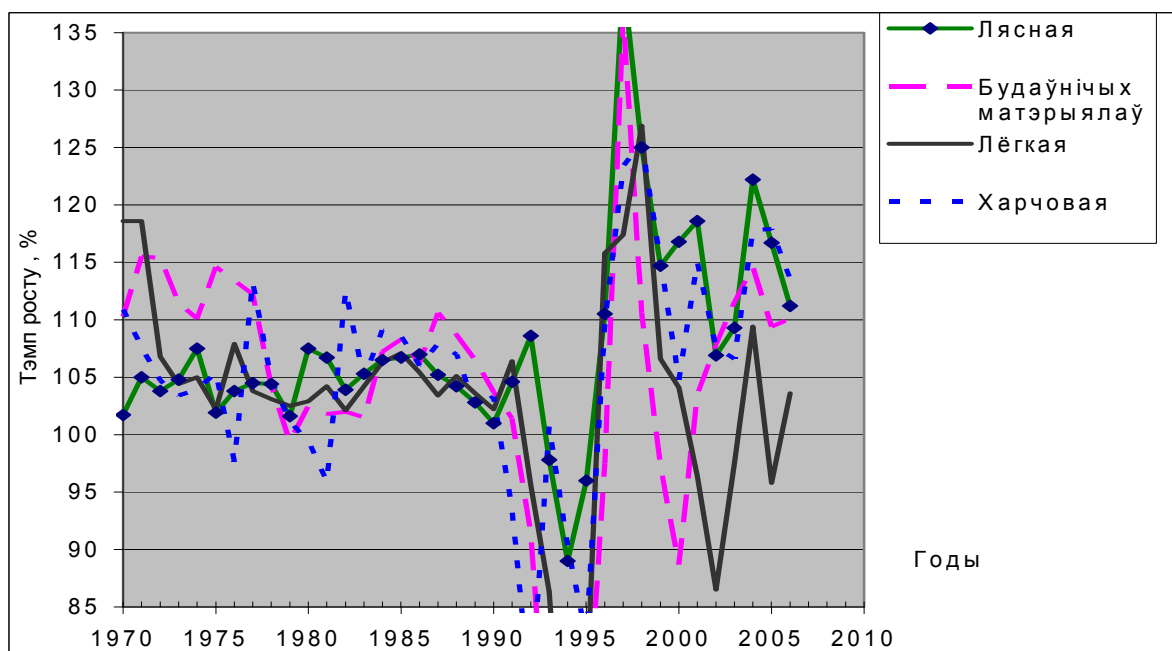
Табліца 1 – Галіновая структура прамысловасці Брэсцкай вобласці, %

Галіна	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.
Электраэнергетыка	3,5	2,4	11,4	6,0	6,9	7,3
Паліўная	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
Хімічная і нафтахімічная	2,2	2,1	1,2	1,5	1,9	2,4
Машынабудаванне і металаапрацоўка	22,5	26,0	19,3	20,0	20,3	19,7
Лясная і дрэваапрацоўчая	5,6	5,1	8,2	9,6	12,0	11,7
Прамысловасць будаўнічых матэрыялаў	0,9	5,2	6,9	5,2	6,1	6,6
Лёгкая	33,4	29,4	19,3	18,9	8,1	8,1
Харчовая	20,9	19,6	25,2	30,2	38,1	36,8

Малюнак 1 – Галіновыя цыклы электраэнергетыкі, машынабудавання, паліўнай і хімічнай прамысловасці

У цэлым за 35-гадовы перыяд найболей высокімі тэмпамі росту вылучалася хімічная прамысловасць і машынабудаванне. Аднак для ўсіх галін характэрным з'яўляецца цыклічнасць іх развіцця. Так, у электраэнергетыцы, паліўнай прамысловасці, машынабудаванні і харчовай прамысловасці налічваецца па 8 цыклаў, у хімічнай прамысловасці і прамысловасці будаўнічых матэрыялаў – па 7 цыклаў, у лёгкай, лясной і дрэваапрацоўчай прамысловасці – па 6 цыклаў.

Малюнак 2 – Галіновыя цыклы прамысловасці будаўнічых матэрыялаў, дрэваапрацоўчай, лёгкай і харчовай прамысловасці

Пачынаючы з 1990 г., у прамысловасці вобласці актыўна праходзілі перапамеркавальныя працэсы, якія характарызуюцца набыццём часткай дзяржаўных прадпрыемстваў статусу недзяржаўных шляхам выкупу і акцыянавання.

У гады пераходнага перыяду адначасова са структурнымі зменамі, выкліканымі фарміраваннем новых гаспадарчых суб'ектаў і ператварэннямі ў існуючых, адбываліся

змены ў галіновай структуры, што істотна паўплывала на аб'ёмы вытворчасці прадукцыі.

Для ацэнкі структурных змен у прамысловасці выкарыстоўваюць такія колькасныя паказчыкі, як аб'ём прадукцыі, кошт асноўных вытворчых фондаў і колькасць персаналу. Больш аб'ектыўным з названых паказчыкаў лічыцца аб'ём вырабленай прадукцыі. У гэтым паказчыку адлюстроўваецца эфектыўнасць выкарыстання вытворчых магутнасцяў і працоўнай сілы, змен ў тэхналагічных працэсах [4, с. 121–124].

Разлічаныя паказчыкі структурных змен за 1990–2006 гг. дазволілі вызначыць інтэнсіўнасць і тэндэнцыі структурных зрухаў у прамысловасці Так, за перыяд 1990–1995 гг. адбыліся істотныя адхіленні па асноўных параметрах ва ўсіх галінах, акрамя паліўнай прамысловасці. За перыяд 1995–2000 гг. адзначаюцца меншыя пераразмеркавальныя працэсы ва ўсіх галінах, акрамя харчовай прамысловасці, на станоўчую дынаміку і ў лёгкай прамысловасці – на адмоўную дынаміку. У перыяд 2000–2005 гг. структурныя зрухі ўзмацняюцца ва ўсіх галінах асабліва ў частцы прамыслова-вытворчага персаналу і ў лёгкай прамысловасці – адносна аб'ёму вытворчасці прадукцыі. У перыяд з 2004–2006 гг. не назіраецца істотных змен параметраў паказчыкаў ні ў адной з галін прамысловасці, што сведчыць аб заключным этапе структурнай перабудовы (табліца 2).

Табліца 2 – Абагульняльная ацэнка структурных зрухаў у прамысловасці, %

Паказчык	1995 г. да 1990 г.	2000 г. да 1995 г.	2005 г. да 2000 г.	2006г. да 2005 г.
Кошт прадукцыі	4,7	1,88	2,93	0,45
Кошт асноўных вытворчых фондаў	1,95	1,26	2,8	0,44
Колькасць прамыслова-вытворчага персаналу	1,3	2,39	2,45	0,34

Аналізуючы абагульняльныя паказчыкі структурных змен, можна адзначыць значную інтэнсіўнасць структурных зрухаў у дачыненні да даследуемых параметраў развіцця прамысловасці. Аднак велічыня зводнай ацэнкі па асобных паказчыках розная. Найболей значная яна па кошце прадукцыі і меней істотная па колькасці ПВП. У цэлым жа па ўсіх паказчыках інтэнсіўнасць змен у галіновым складзе паменшылася. Гэта сведчыць аб тым, што працэсы пераразмеркавання, звязаныя з фарміраваннем рынкавых структур, стабілізаваліся і сфарміраваўся прамысловы комплекс Брэсцкай вобласці ў структуры 2005–2006 гг.

Уплыў спецыялізацыі ў прамысловасці на сацыяльна-эканамічную эфектыўнасць

У Брэсцкай вобласці найбольшае развіццё атрымалі харчовая, лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасці, якія маюць уласную сыравінную базу, а таксама машынабудаванне, якое мае магутную вытворчую базу. У сувязі з гэтым узнікае неабходнасць у адсочванні эфектыўнасці сфарміраваных галіновых кірункаў у развіцці прамысловасці (табліца 3).

Табліца 3 – Уплыў паглыблення спецыялізацыі ў прамысловасці на эфектыўнасць вытворчасці на прыкладзе рэгіёнаў Брэсцкай вобласці

Паказчыкі	Харчовая і дрэваапрацоўчая прамысловасць		Шматгаліновая спецыялізацыя	
	Вузкаспецыялізаваныя рэгіёны	Брэсцкая вобласць	Шматгаліновыя рэгіёны	Брэсцкая вобласць
Колькасць рэгіёнаў, шт.	10		9	
Колькасць прадпрыемстваў, шт.	96	1143	183	1981
Аб'ём вытворчасці, млрд. руб.	378,8	1442	1549,4	1676
Колькасць ПВП, тыс. чал.	10,8	38,7	64,4	82,8
Асноўныя производственные фонды, млрд. руб.	742,1	990,6	2934,1	3558,9
Прыбытак, млрд. руб.	8,7	115,7	121,2	98,4
Сабекошт, млрд. руб.	370,1	1326,3	1428,2	1375,6
Рэнтабельнасць, %	2,35	8,7	8,4	7,1
Прадукцыйнасць, млн. руб./чал.	35,0	37,3	24,1	20,2
Фондааддача, руб./руб.	0,51	1,46	0,52	0,47

З прыведзеных дадзеных відаць, што больш высокую рэнтабельнасць маюць шматгаліновыя рэгіёны. У цэлым па Брэсцкай вобласці паглыбленне спецыялізацыі ў харчовай і дрэваапрацоўчай прамысловасці больш эфектыўна, чым шматгаліновая вытворчасць, а таксама харчовая і дрэваапрацоўчая прамысловасць больш эфектыўная ў буйных гарадах, чым у сельскагаспадарчых рэгіёнах.

Асновай развіцця рэгіёнаў (у межах адміністрацыйных раёнаў) з'яўлялася размяшчэнне вытворчасці з улікам развіцця прадукцыйных сіл. У сацыялістычнай эканоміцы асноўным звязном арганізацыі вытворчасці з'яўлялася галіна. Кожны рэгіён дамагаўся размяшчэння на сваёй тэрыторыі будаўніцтва новых буйных прамысловых аб'ектаў, бо гэта прадвызначала тэмпы росту вытворчасці, развіцця сумежных галін прамысловасці і сацыяльнай інфраструктуры, канцэнтравала прыток кваліфікаваных кадраў. Для Брэсцкай вобласці, якая практычна не мела буйных прыродных радовішчаў, прамысловая вытворчасць засяродзілася ў буйных і сярэдніх гарадах, якія мелі значныя працоўныя рэсурсы.

Аднак практыка паказвае, што гарады, у тым ліку і малыя, аказваюць вялікі ўплыў на ўзнаўленчыя працэсы і з'яўляюцца важнейшымі фактарамі эфектыўнага развіцця эканомікі. Развіццё прамысловасці ў гарадах адчувальна выяўляецца і ў асаблівасцях функцыянавання сацыяльна-эканамічнай сістэмы прыгарадных тэрыторый.

Канцэнтрацыя прамысловых прадпрыемстваў забяспечвае вялікія выгады пры размяшчэнні як розных галін прамысловасці, так і прадпрыемстваў адной галіны. Канцэнтрацыя прадпрыемстваў забяспечвае атрыманне эканоміі ад маштабу, паніжэнне транспартных выдаткаў, характарызуецца агульнасцю выкарыстання працоўных рэсурсаў і адзінай вытворчай і сацыяльнай інфраструктурай.

Аднак у ходзе аналізу галіновай структуры прамысловасці малых гарадоў устаноўлена, што 30,4% адносяцца да аднагаліновых рэгіёнаў, 30,4% рэгіёнаў з'яўляюцца

двухгаліновымі, 26,1% – трохгаліновымі і толькі 13% – шматгаліновымі. Аднагаліновыя рэгіёны прадстаўлены такімі традыцыйнымі галінамі, як харчовая, лёгкая, лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасць і прамысловасць будаўнічых матэрыялаў.

Аналізуючы ўплыў спецыялізацыі ў прамысловасці малых гарадоў на сацыяльна-эканамічнае развіццё (табліца 4), мы выявілі, што шматгаліновыя гарады маюць шэраг пераваг у эканамічным і сацыяльным плане ў параўнанні з вузкаструктурнай вытворчасцю. У шматгаліновых гарадах размешчана больш прадпрыемстваў, вышэйшая колькасць прамыслова-вытворчага патэнцыялу, большыя аб'ёмы вытворчасці, вышэйшы аб'ём платных паслуг і інвестыцыйная актыўнасць.

Табліца 4 – Уплыў спецыялізацыі ў прамысловасці малых гарадоў на сацыяльна-эканамічную эфектыўнасць

Паказчыкі	Аднагаліновыя	Двухгаліновыя	Трохгаліновыя	Шматгаліновыя
Колькасць аб'ектаў (рэгіёнаў)	7	7	6	3
Колькасць прадпрыемстваў	14	17	26	30
Колькасць насельніцтва	47134	47069	94500	72780
Аб'ём вытворчасці прамысловай прадукцыі, млрд. руб.	248165	357729	298462	484295
Аб'ём вытворчасці прамысловай прадукцыі на 1 чалавека, млрд руб.	5,27	7,6	3,16	6,65
Вытворчасць спажывецкіх тавараў, млн руб.	69838	291469	88006	296212
Вытворчасць спажывецкіх тавараў на 1 чалавека, млн. руб.	1,48	6,19	0,93	4,09
Аб'ём раздробнага таваразвароту, млн. руб.	67070	66762	138880	98895
Аб'ём раздробнага таваразвароту на 1 чалавека, млн руб.	1,42	1,42	1,47	1,35
Аб'ём платных паслуг, млн. руб.	20591	28175	63203	60169
Аб'ём платных паслуг на 1 чалавека, млн. руб.	0,43	0,6	0,67	0,83
Магутнасць медыцынскіх амбулаторных паліклінік, арганізацый, наведванняў у змену	983	1549	2625	1650
Магутнасць медыцынскіх амбулаторных паліклінік арганізацый на 1 чалавека наведванняў у змену	0,02	0,6	0,028	0,023
Жыллёвы фонд, тыс. м.кв.	1145,5	1091,9	2047,3	1619,7
Жыллёвы фонд на 1 чалавека, тыс. м.кв.	0,022	0,023	0,022	0,022
Інвестыцыі, млн. руб.	60663	71732	106796	115886
Інвестыцыі на 1 чалавека, млн. руб.	1,29	1,52	1,13	1,59

Аднак галоўным кірункам структурных ператварэнняў у прамысловасці на прагназуемы перыяд павінен стаць пераход ад ранейшых галіновых прапорцый, якія характарызуюцца перавагай галін, што вырабляюць сродкі вытворчасці з састарэлымі тэхналагічнымі ўкладамі, да прагрэсіўных структур эканомікі. У той жа час павінны быць прадугледжаны меры дзяржаўнай падтрымкі жыццёва важных традыцыйных галін.

Рэгіёны вядуць актыўную палітыку па прыцягненні інвестыцый. Аднак асноўным прынцыпам гаспадарчага развіцця павінна стаць уздзеянне на эканамічныя рэсурсы, развіццё бізнесу, што і з'яўляецца асновай эканамічнага росту рэгіёнаў.

Абгрунтаванне прыярытэтных галін развіцця прамысловасці

У цяперашні час з'явілася магчымасць новага вітка эканамічнага росту – інавацыйнага тыпу. Ён карэнным чынам адрозніваецца ад папярэдніх тым, што, замест рэсурсаў масавай машынай вытворчасці прыярытэтнае значэнне атрымліваюць рэсурсы постіндустрыяльнага развіцця, а менавіта: навука, назапашаныя і створаныя веды; інфармацыя і інфармацыйныя тэхналогіі; базавыя навукаёмкістыя макратэхналогіі. Па ацэнках экспертаў, колькасць навукова-тэхналагічных альянсаў толькі прамысловых фірмаў у апошнія 20 гадоў узрасла штогод больш чым на 10% і будзе павялічвацца высокімі тэмпамі ў наступныя гады [5, с. 13]. У той жа час укараненне прагрэсіўных тэхналогій павінна быць сканцэнтравана па асноўных пунктах эканамічнага росту.

Неабходнасць вылучэння пунктаў эканамічнага росту прадыктаваная найперш абмежаванасцю фінансавых рэсурсаў, размяркоўваемых паміж асобнымі тэрыторыямі, галінамі, прадпрыемствамі, а таксама выдаваемым пад ажыццяўленне асобных праграм па стабілізацыі эканамічнай сітуацыі як у асобна ўзятым рэгіёне, так і ў краіне ў цэлым (табліца 5).

Табліца 5 – Разлік пунктаў эканамічнага росту галін Брэсцкай вобласці

Галіна	Удзельная вага галін		Стратных прадпрыемстваў		Рэнтабельнасць галіны		Прыбытак галіны		Дамінуючых прадпрыемстваў		Крэдытная запазычанасць галіны		Па комплексе эканамічных паказчыкаў		Месца па пунктах эканамічнага росту
	%	месца	%	месца	%	месца	млрд. руб.	месца	%	месца	млрд. руб.	месца	бал	месца	
Электраэнергетыка	7,4	5	-	1	6,1	5	21	5	-	-	77	7	6	3	4
Паліўная прамысловасць	0,7	8	20	2	2,8	6	0,4	7	-	-	-	-	7	2	5
Хімічная прамысловасць	2,1	7	100	8	3,5	8	0,9	8	2	1	15	3	5	4	6
Машынабудаванне	20	2	38	5	15	2	103	1	1,3	5	38	6	2	5	2
Лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасць	11,6	3	27	4	19	1	69	3	0,4	6	7,8	2	8	1	1
Прамысловасць будаўнічых матэрыялаў	6,1	6	26	3	14	3	25	4	1,4	4	6,9	1	5	4	3
Лёгкая прамысловасць	9,7	4	57	7	1	7	12	6	1,7	2	30	4	5	4	5
Харчовая прамысловасць	35,6	1	39,7	6	8	4	93	2	1,5	3	36	5	8	1	2

Разлік пунктаў эканамічнага росту Брэсцкай вобласці паказвае, што па розных крытэрыях прыярытэты належаць розным галінам. Так, па ўдзельнай вазе галіны вядучыя пазіцыі займаюць харчовая прамысловасць, машынабудаванне, лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасць. Найменшая колькасць стратных прадпрыемстваў

назіраецца ў электраэнергетыцы, паліўнай прамысловасці і прамысловасці будаўнічых матэрыялаў. Па ўзроўні рэнтабельнасці і суме прыбытку перадавыя пазіцыі займаюць лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасць, машынабудаванне і харчовая прамысловасць. Дамінуючых прадпрыемстваў больш за ўсё ў хімічнай, лёгкай і харчовай прамысловасці. Па комплексу эканамічных паказчыкаў лідзіруюць харчовая, лясная і дрэваапрацоўчая прамысловасць, па сумарным крытэрыі (пунктах росту) да вядучых галін рэгіёна варта аднесці лясную і дрэваапрацоўчую, харчовую прамысловасць і машынабудаванне, якія і з'яўляюцца прыярытэтнымі галінамі для першачарговай актывізацыі інавацыйнай дзейнасці ў рэгіёнах.

Заклучэнне

1. Прамысловы комплекс Брэсцкай вобласці характарызуецца ўстойлівым развіццём з індэксам тэмпаў росту ад 90 да 150%, за выключэннем эканамічнага крызісу 1990–1995 гг. Аднак эфектыўнасць яго развіцця застаецца на ўзроўні 8–10% рэнтабельнасці, што не забяспечвае працэс пашыранага ўзнаўлення.

2. У галінах прамысловасці адзначаецца тэндэнцыя паніжэння структурных зрухаў. Гэта значыць, што пераразмеркавальныя працэсы, звязаныя з фарміраваннем рынкавых структур, стабілізаваліся і сфарміраваўся прамысловы комплекс у структуры 2000–2006 гг.

3. Найбольшы ўплыў на павышэнне ўзроўню сацыяльна-эканамічнага развіцця ў рэгіёнах аказвае шматгаліновая спецыялізацыя, аднак больш за 60% рэгіёнаў з'яўляюцца монаструктурнымі. Да прыярытэтных галін развіцця прамысловасці ў рэгіёнах адносяцца: харчовая, машынабудаванне, будаўнічых матэрыялаў, лясная і дрэваапрацоўчая.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гиоргидзе, З.И. Белоруссия за десять пятилеток / З.И. Гиоргидзе, Л.Ф. Герасценко. – Минск : Наука и техника, 1982. – 161 с.
2. Ткачев, С.П. О некоторых особенностях выявления закономерностей развития переходной экономики / С.П. Ткачев // Механизм формирования национальной экономики и проблемы экономического роста: Материалы науч.-практ. конф.– Минск : БГЭУ, 2001. – В 2 ч. Ч. 1. С. 156–161.
3. Нехорошева, Л.Н. Научно-техническое развитие и рынок. – Минск : БГЭУ, 1996. – 212 с.
4. Методология формирования концепции развития промышленности Республики Беларусь / Л.И. Нехорошева, [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2000. – 260 с.
5. Popper, S. Wagner C. New Foundation for Growth: The US Innovation System Today and Tomorrow, 2002. – P.13.

Filipenko E. Regional Economy: the Analysis of a Branch Structure of an inDustrial Region Summary

The article gives the analysis of the last 35 years of the development of the sectoral industrial complex of Brest region, with growth rate ranging from 90 % to 150 %. And the economic crisis of 1991-1995. The author has substantiated the priorities in the development of industries. Thus, in power engineering, machine-building, fuel and food industries there were 8 cycles; in chemical industry and the production of building materials 7 cycles can be distinguished; and, finally, there were 6 cycles in forestry, timber and light industries. Beginning from 1990 certain structural changes took place, and by 2006 the industrial complex had been formed, where the prevailing industries were food industry (36,8%), machine-building (19,7%), forestry and timber industry (11,7%). These industries are developed in different areas, where multisectoral specialization proves to be more effective. In Brest region the most important industries are forestry and timber industry, machine-building, food industry and the production of building materials.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.03.09

УДК 658.5

М.В. Варакулина**УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА БРЕСТСКОЙ
ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье дается общая характеристика состояния системы ЖКХ в Брестской области и обосновывается актуальность решения кадровой проблемы на современном этапе. Автор приходит к выводу об исключительной социальной значимости повышения эффективности функционирования отрасли ЖКХ, анализируя данные по Брестской области. На примере анализа системы управления персоналом предприятий ЖКХ Брестской области автор раскрывает основные проблемы по таким направлениям, как развитие персонала, система материального стимулирования, относительно слабая сопричастность работников, формирование эффективного организационного оформления системы управления персоналом, система мониторинга состояния системы управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства. Особое внимание уделяется необходимости внедрения в практику управления персоналом на предприятиях ЖКХ методологии международных стандартов качества ИСО серии 9000. В результате проведенного исследования автором предлагаются некоторые направления совершенствования системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ Брестской области.

Введение

Реформирование жилищно-коммунальной сферы выступает одной из наиболее важных государственных программ, на реализацию которой оказывает влияние ряд факторов, в том числе эффективность управления первичным звеном системы – предприятием жилищно-коммунального хозяйства.

В жилищно-коммунальную сферу ежегодно направляются значительные ресурсы и это не только субсидии, но и значительные трудовые ресурсы. Это требует акцентирования внимания на таких аспектах, как окупаемость вложений. В настоящее время многими авторами, научными коллективами делаются попытки обоснования развития данной отрасли народного хозяйства. Однако без изменения методологии и реформирования инструментария на конкретном предприятии ожидать реформирования всей системы не представляется возможным.

Система ЖКХ в стране представлена двумя основными подсистемами: ЖКХ в крупных и средних городах (с численностью населения более 200 человек) и ЖКХ в районах, малых городах, небольших населенных пунктах. Следует отметить, что последняя подсистема, по мнению автора статьи, является наиболее проблемной.

Итоги деятельности предприятий ЖКХ Брестской области показывают, что по г. Бресту удельный вес возмещения субсидиями по теплоснабжению составляет 12,2%, по водоснабжению – 0,0%, по очистке стоков – 7,5%, по жилфонду – 21,1%. Если рассматривать аналогичные показатели по районам Брестской области, то в районах показатели находятся в диапазоне соответственно по теплоснабжению – от 20,7 до 50,1%, по водоснабжению – от 0,05 до 56,3%, по очистке стоков – от 0,0 до 93,3%, по жилфонду – от 0,0 до 61,1%. Представленные данные свидетельствуют о том, что затраты государства в системе ЖКХ в основном концентрируются именно в районах и малых городах.

Таким образом, по мнению автора, на современном этапе особое значение приобретает выделение специфики функционирования предприятий ЖКХ в районах и малых городах, а главное, выявление основных причин, приводящих к такому разрыву в развитии подсистем данной отрасли.

Одновременно следует учесть, что численность населения Брестской области, проживающего в сельской местности и малых городах, составляет приблизительно

58,8%. Следовательно, решение проблем в сфере ЖКХ в рассматриваемой системе окажет влияние на значительную часть населения страны.

Анализ практики функционирования предприятий жилищно-коммунального хозяйства Брестской области свидетельствует, что одной из наиболее сложных проблем является кадровая проблема, включающая в себя не только сложные условия труда работников предприятий данной сферы, но и недостаточный уровень квалификации (прежде всего руководителей и специалистов), ограниченное использование современных управленческих технологий и т. д.

Общая постановка проблемы

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство предприятий ЖКХ осуществляют свою деятельность по территориальному принципу. Как правило, в крупных и средних населенных пунктах функционируют специализированные предприятия (например, КУМПП «Брестское городское ЖКХ», ПКУП «Коммунальник» г. Брест, Брестское КУП ВКХ «Водоканал», КУП «Брестское котельное хозяйство», КУП «ЖРЭУ г. Бреста», КУП «Брестгорсвет» и т. д.), которые отвечают за функционирование отдельного элемента системы ЖКХ в населенном пункте: теплоснабжение, водоснабжение и т. д.

Такая организация позволяет данным предприятиям эффективно осуществлять производственно-хозяйственную деятельность: четкая постановка цели, специализация производственной базы, специализация персонала – все это позволяет более грамотно и качественно выполнять поставленные задачи. Одновременно данная система организации позволяет использовать специализацию в рамках конкретного предприятия в сфере основных и дополнительных функций менеджмента (например, планирование маркетинга, планирование финансов и т. д.). Еще одним немаловажным аспектом выступает достаточно высокий уровень концентрации потребителей, отсутствие так называемого территориального разброса.

В малых городах и сельской местности предприятия ЖКХ также функционируют по территориальному принципу, но их потребители не концентрируются в конкретном населенном пункте, а распределены (часто неравномерно) по всей территории района, которая может составлять несколько тысяч квадратных километров (например, Березовский район – 1411 км², Столинский район – 3341 км², Малоритский район – 1374 км² и т. д.). Вместе с тем большой территориальный охват не обеспечивается большой численностью потребителей и, следовательно, значительными объемами.

Таким образом, с одной стороны, коммунальные унитарные многоотраслевые производственные предприятия (КУМПП) ЖКХ районов по объемам выполняемых работ могут быть отнесены к малым и средним предприятиям, с другой стороны, они обслуживают значительные территории. Это приводит к определенным противоречиям в организации эффективной работы, связанным с численностью персонала, его специализацией, многопрофильностью производственной базы. Данные противоречия оказывают отрицательное воздействие как на качество оказываемых услуг, так и на конечные результаты деятельности предприятий ЖКХ.

Характеристика системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ

Система управления предприятием может быть представлена как совокупность восьми подсистем: подсистема управления политикой предприятия, подсистема управления маркетингом, подсистема управления реализационной деятельностью, подсистема управления закупочной деятельностью, подсистема управления персоналом, подсистема управления качеством, подсистема управления производством, подсистема управления финансами предприятия. Эти подсистемы находятся в тесной взаимосвязи

друг с другом. Одновременно каждая подсистема имеет свою специфичную среду функционирования.

Среда функционирования системы управления персоналом субъекта системы ЖКХ может быть представлена так, как показано на рисунке 1.

Среда функционирования системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ представлена, с одной стороны, внутренней средой, состоящей из персонала (руководителей, специалистов и рабочих-исполнителей). С другой стороны, среда функционирования включает внешнюю среду, состоящую из коммерческой среды (банки, средства массовой информации, страховые компании, учреждения образования и т. д.), некоммерческой среды (профсоюзы, центры занятости, союзы и ассоциации), органов государственного управления и управляющих организаций, которые выделены в отдельный блок, поскольку осуществляют непосредственное руководство деятельностью данных предприятий.

Представленные на рисунке составляющие среды системы управления персоналом определяют факторы, которые в той или иной степени влияют на систему управления персоналом предприятия. Таким образом, можно выделить: факторы внутренней среды предприятия; факторы, определяемые коммерческими организациями; факторы, определяемые некоммерческими организациями; факторы государственного регулирования; **факторы, определяемые управляющими организациями.**

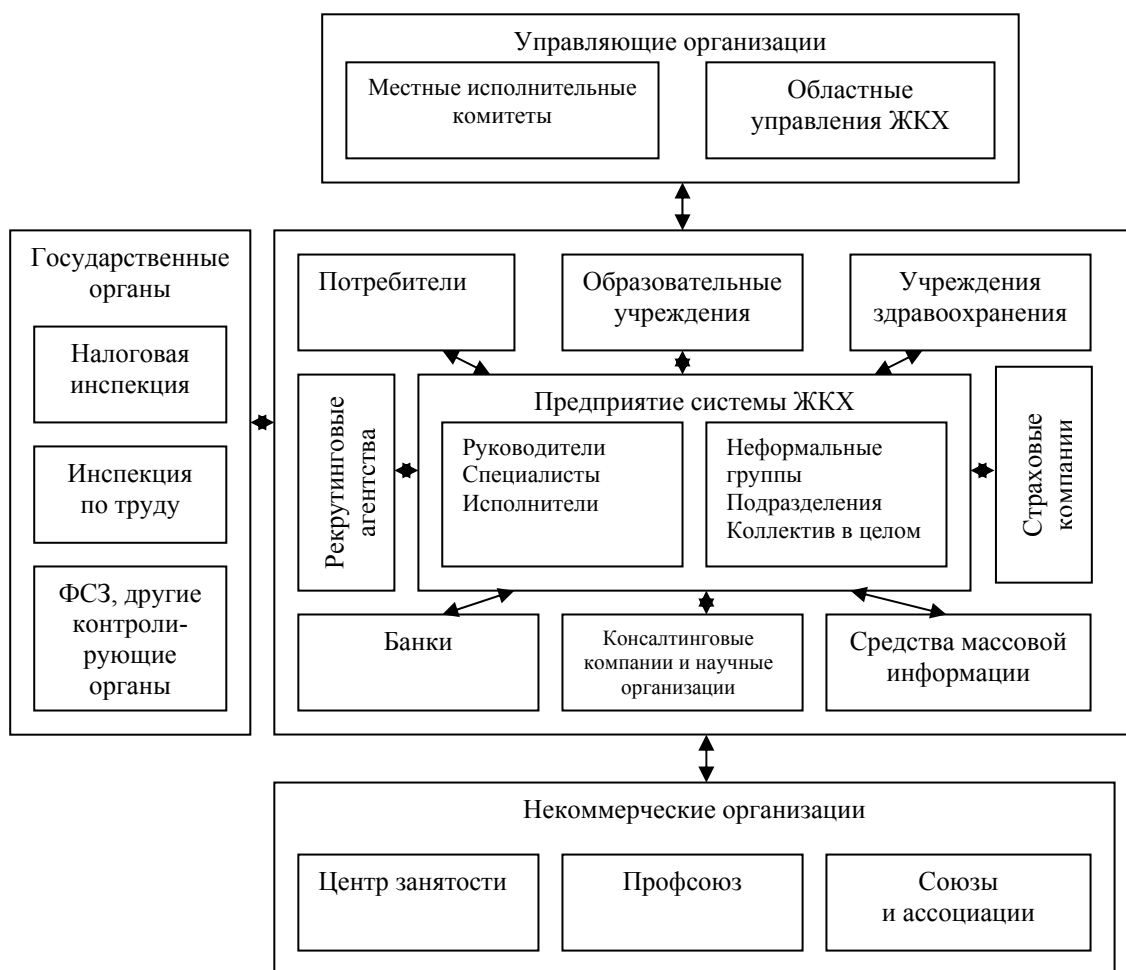

Рисунок 1 – Среда функционирования системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ

Если исходить из рассмотрения системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ с позиций системного подхода и учитывая составляющие среды системы управления персоналом на предприятии, то можно предположить, что эффективность реализации кадровой функции на предприятии ЖКХ во многом зависит от среды ее функционирования.

Действительно, если провести комплексный анализ всех составляющих, то вскрывается ряд проблем как внутреннего, так и внешнего по отношению к конкретному предприятию состояния.

Что касается внутренних проблем, то это, прежде всего, состояние персонала рассматриваемых предприятий. Ситуационно-комплексная оценка руководителей и специалистов предприятий ЖКХ Брестской области (всего было проанализировано 11 предприятий), проведенная сотрудниками «Брестского института технологий регионального управления», показывает, что эффективность труда руководителей и специалистов данным предприятиям находится на уровне 75,5 и 66% соответственно. Оценка деловых качеств составила соответственно 66,4 и 61,1%. Сложность выполненных работ находится на уровне 67,8 и 59,9% соответственно. А такой параметр, как результаты труда, составляет соответственно 65,7% у руководителей и 60,9% у специалистов. Оценка рабочих данных предприятий проводилась по параметрам: соответствие квалификации профилю выполняемых работ (85,6%) и результаты труда (65,2%).

Таким образом, на основании приведенных выше данных можно предположить, что одной из основных проблем управления персоналом на предприятиях ЖКХ выступает недостаточная квалификация и результативность труда работников. Наиболее проблемным, по мнению автора статьи, является низкий уровень квалификации руководителей и специалистов. Проблема продиктована в большей степени производственной, а не управленческой направленностью образования, что свойственно всем малым и средним предприятиям. Однако анализ работы по развитию персонала предприятий системы ЖКХ показал, что у них в целом отсутствует проработанная система развития персонала, которая охватывала бы вопросы повышения квалификации, переподготовки и подготовки специалистов с учетом практики хозяйственной деятельности. Возможности получения необходимого профессионализма и опыта оценивается только в 10,5% из 100%.

Кроме вышеперечисленных проблем, обращают на себя внимание низкая эффективность системы материального стимулирования на анализируемых предприятиях. Так, система формирования основной заработной платы, по результатам проведенного исследования, развита недостаточно – на 34%. Можно говорить, что работников не устраивает степень достаточности заработной платы (49,5%) и ее действенность (17,2%). Также недостаточно определена зависимость заработной платы от сроков выполнения труда (38%), зависимость ее от производительности труда (50%) и от оказания услуг (60,5%). Зависимость заработной платы от качества выполнения труда и основания для ее начисления немного ниже и составляют 34,4 и 36% соответственно.

Функция премирования развита слабо – всего 23,6%. Хотя имеются различные положения о премировании, сотрудники этого реально не ощущают, так как практически получают только ежемесячную премию, которая у них ассоциируется с зарплатой. Система премирования требует изменения. Совсем не устраивают работников способы начисления премий и ее низкая эффективность (3 и 24,5% соответственно). Премия необходимой мотивирующей роли не выполняет и превратилась в небольшой, мало заметный довесок к основной зарплате. В целом система депремирования в организациях практически не развита (13,8%).

И, наконец, немаловажным в построении эффективной системы управления персоналом является кадровое, материально-техническое, научное, финансовое обеспечение деятельности, а также ее грамотное организационное оформление. Для близких к

малым средних предприятий характерны некоторые общие черты, такие, как: неглубокие знания по управлению, технически ориентированное образование управляющих, отсутствие возможности замены персонала, персональное разделение труда, высокая концентрация функций управления, ограниченная сфера делегирования полномочий, незначительное число занятых, в том числе с высшим образованием. Также для них характерно: отсутствие достаточного ресурсного обеспечения для эффективного управления персоналом, отсутствие возможности разделения труда и специализации в сфере управления персоналом, достаточно слабое планирование персонала, отсутствие возможности создания специализированных подразделений по работе с персоналом (как правило, в штатном расписании присутствует только должность инспектора по кадрам), отсутствие возможности найма сотрудников со специальным образованием в сфере управления персоналом, отсутствие возможностей воздействия на все мотивы к производительному труду, ограниченные возможности обучения вне предприятия с отрывом от производства и т. д.

Анализ системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ позволяет выделить как сильные, так и слабые стороны последней. К сильным сторонам системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ, предопределенным самой спецификой данных предприятий, можно отнести: эффективные коммуникации, отсутствие проблем с координацией деятельности работников предприятия, высокая степень сплоченности трудового коллектива, возможность взаимозаменяемости сотрудников, гибкость, возможность импровизации в принятии управленческих решений.

К слабым сторонам системы управления персоналом на предприятии системы ЖКХ можно отнести: отсутствие достаточного ресурсного обеспечения, отсутствие возможности функционального разделения труда в сфере управления персоналом, ограниченность в возможности воздействия на все мотивы к производительному труду, отсутствие возможности создания специализированного подразделения по управлению персоналом и, как следствие, интуитивное принятие решений по вопросам управления персоналом.

Устойчивая работа на рынке предполагает, что уровень управляемости организации должен находиться в диапазоне от 100 до 80%. В данной зоне управляемости все службы (отделы) и все менеджеры (руководители) настроены на решение вопросов развития организации и работают с учетом требований международных стандартов качества ИСО серии 9000:2000. Повсеместное качество, реализуемое требованиями стандартов ИСО серии 9000, предполагает качественное управление человеческими ресурсами. В общем система управления персоналом на предприятиях ЖКХ Брестской области развита на 29,6%. Можно предположить, таким образом, что без изменения существующего положения уровень развития остальных параметров, таких, как маркетинг, финансы, закупки, реализация, производство, качество будет продолжать ухудшаться.

Перспективы решения существующих проблем

Повышение эффективности и надежности функционирования жилищно-коммунальных систем жизнеобеспечения, качества предоставляемых услуг систем жизнеобеспечения, качества предоставляемых услуг и обеспечение экономических и организационных условий для технологической модернизации, безубыточного функционирования жилищно-коммунального хозяйства определено постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 720 от 07.06.2006 г.

В «Программе развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь на 2006–2010 годы (в ред. постановления Совмина от 14.05.2007 г. № 580)» предусматривается «реформирование экономических отношений и развитие рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства».

Практически тот результат оценки состояния системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ Брестской области, который был получен по итогам обследования, проведенного сотрудниками ООО «БИТРУ», свидетельствует об общей готовности предприятий и, прежде всего, их сотрудников к реализации намеченных в Программе мероприятий.

При нормальном уровне управляемости (диапазон 80–100%) предприятию требуется в среднем 3–4 года для перестройки системы управления производственной деятельностью, освоения рынка и выхода на безубыточное состояние с возможностью существенного сокращения или отказа от государственного субсидирования и дотирования. Однако, как показывает практика, фактическое состояние прежде всего системы управления персоналом вряд ли позволит проделать этот путь безболезненно и с минимальными потерями.

В данной ситуации, по мнению автора статьи, предприятиям целесообразно сконцентрироваться именно на решении кадровой проблемы. При таком подходе повышение эффективности состояния остальных составляющих системы управления предприятие ЖКХ будет происходить с некоторой долей автоматичности. Автор, однако, не умаляет необходимости разработки комплексных программ по повышению уровня управляемости всеми специальными функциями управления.

Основными направлениями развития системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ, по мнению автора статьи, должны стать:

1. Совершенствование системы материального стимулирования работников. Прежде всего, необходимо кардинально изменить подход к основаниям для начисления премий. В качестве основных критериев должны стать такие параметры, как: отсутствие обращений в диспетчерскую службу, связанных с возникновением поломок и т. д., выполнение показателей по энергосбережению, снижение водопотребления, снижение потерь в сетях, рост дополнительных платных услуг населению и т. д.

2. Совершенствование системы развития персонала на предприятиях ЖКХ. Требуется выстроить рациональную систему, органично состоящую из таких элементов, как: развитие персонала на рабочем месте (возможность повышения профессионального опыта), развитие персонала вне рабочего места, но на предприятии (работа в группах и т. д.), развитие персонала вне с отрывом от производства вне предприятия (курсы, семинары) и, наконец, использование возможностей получения сотрудниками предприятия специального образования с использованием заочной формы обучения в учебных заведениях Брестской области и страны. Развитием должны быть охвачены практически все сотрудники предприятия. Однако необходим дифференцированный подход. Так, например, Брестский институт технологий регионального управления подготовил программу дифференцированного обучения руководителей и специалистов специально для предприятий ЖКХ Брестской области.

3. Качественное изменение подхода к управлению персоналом на предприятии, усиление кадровых служб, в том числе за счет найма квалифицированных специалистов в сфере управления персоналом или переобучения работающих специалистов. Традиционные кадровые службы, функционирующие на предприятиях ЖКХ, представляют собой образец классического подхода, применявшегося в советской практике. Однако в то время имел место очень сильный идеологический аспект. Сейчас он, к сожалению, утрачен. На предприятиях, как правило, не ведется работа по формированию сопричастности работников к делам предприятия, слабо развиты семейные династии, практически не уделяется внимания вопросам формирования эффективной организационной культуры. Решение данных вопросов могло бы быть возложено на сотрудников службы управления персоналом при условии наличия соответствующего опыта и квалификации. Следует отметить, что в определенной степени все руководители и специа-

листы предприятия должны постепенно пройти обучение по вопросам управления персоналом, поскольку каждый из них выступает как в роли объекта управления, так и в роли субъекта управления персоналом.

4. Построение научно-обоснованной организационной структуры системы управления персоналом с учетом специфики функционирования предприятия ЖКХ. Данное направление тесно связано с предыдущим и нацелено на организацию эффективного информационного обеспечения, рациональное распределение полномочий, прав, обязанностей, построение системы связей и т. д. При организационном построении следует учитывать специфику самой системы ЖКХ, которая состоит из двух составляющих: жилищное хозяйство и коммунальное хозяйство. Каждое из этих направлений достаточно специфично и требует индивидуального подхода. Только сбалансировав эти две составляющие, можно ориентироваться на высокий конечный результат.

5. Внедрение системы мониторинга эффективности реализации функции управления персоналом на предприятии ЖКХ. Система мониторинга основана на показателях, характеризующих комплексную оценку коллектива предприятия системы ЖКХ. Данная система должна отвечать требованиям оперативности, простоты и достоверности. С данной точки зрения она должна основываться на максимум пяти показателях, выход которых за уровень естественных отклонений будет свидетельствовать о появлении отрицательных тенденций в системе управления персоналом. При оценке системы целесообразно отслеживать состояние данных индикаторов в режиме еженедельных оценок. В соответствии с теорией и практикой использования индикаторов для оценки состояния системы при выходе их значения за установленные пределы руководству предприятия необходимо провести комплексную развернутую оценку по всем параметрам с целью выявления причин отклонения.

Заключение

Таким образом, на основании анализа, проведенного автором, можно сделать следующие выводы и заключения:

1. Проблема управления персоналом на предприятиях ЖКХ является одной из наиболее острых на современном этапе (уровень управляемости 29,6%), уступая лишь системе управления маркетингом (18,8%) и системе управления реализацией (25,9%). Одновременно она является достаточно актуальной в социальном отношении. Система ЖКХ – основа обеспечения жизнедеятельности населения. Таким образом, от того, как настроена система управления персоналом на предприятиях ЖКХ, зависит уровень выполнения социальных стандартов, определенных законодательством Республики Беларусь.

2. Низкая эффективность системы управления персоналом на современном этапе на предприятиях ЖКХ во многом определена качественными характеристиками сотрудников предприятия. Следовательно, повышение эффективности системы напрямую связано с разработкой и реализацией программы развития сотрудников с использованием всех форм и методов.

3. Ограничения по ресурсам, в том числе человеческим, не позволяют выстроить развернутой организационной структуры управления персоналом, что требует использования гибких структур с вовлечением всех сотрудников в решение задач управления персоналом.

4. Необходимость внедрения методологии международных стандартов качества ИСО серии 9000, а также реализации остальных мероприятий комплексной программы развития ЖКХ Республики Беларусь потребует применения новых инструментов и, прежде всего, мониторинга состояния системы управления персоналом в практике хозяйственной деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

Решение поставленных задач выступает логичным продолжением исследования, проведенного автором в данной статье.

***Varakulina M.V.* Personnel Management at the Enterprises of the Housing and Communal Services in Brest Region: Problems and Perspectives**

In this article the general characteristic of the condition of the system of Housing and Communal Services in Brest region is given and the importance of the decision of a personnel problem at the present stage is proved. The author comes to the conclusion about the exclusive social importance of the increasing of efficiency of functioning of the branch of Housing and Communal Services, analyzing statistics in Brest region. On an example of the analysis of the system of the personnel management at the enterprises of Housing and Communal Services in Brest region, the author reveals the basic problems in such directions, as development of personnel, system of material stimulation, rather weak sense of workers' participation, making of an effective organizational form of a system of the personnel management, system of monitoring of a condition of the system of the personnel management at the enterprises of the Housing and Communal Services. Special attention is given to the necessity of introduction into personnel management the methodology of international quality standards of a series 9000 at housing communal services. As a result of the investigation made by the author some directions for the improvement of the system of personnel management at housing communal enterprises are suggested.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.04.09

ПРАВА

УДК 347.919

О.А. Чичурина

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ В РАМКАХ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (В АСПЕКТЕ ЧАСТНОГО ПРАВА)

В статье рассматривается специализированный механизм разрешения частноправовых споров в сфере интеллектуальной собственности, реализуемый в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в его организационной и процессуальной составляющей. Анализируются особенности процессуальных процедур, применяемых Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству, исследуется их нормативная основа. Проводится сопоставление правовой природы арбитражной (третейской) процедуры и процедур, реализуемых Центром ВОИС. Отмечается квазиарбитражный характер специальной процедуры, опосредующей разрешение споров, связанных с регистрацией и использованием доменных имен. Обосновывается актуальность информации о деятельности Центра ВОИС для участников современного гражданско-правового оборота Республики Беларусь.

Введение

Установление нормального порядка гражданско-правового оборота зависит от ряда факторов, к которым в первую очередь относят надлежащее урегулирование соответствующих отношений материальным законодательством и создание эффективного процессуального механизма защиты прав и законных интересов участников оборота. Материально-правовому регулированию отношений интеллектуальной собственности уделяется много внимания в современной юридической науке. Процессуально-правовой аспект данной проблемы исследован значительно меньше, несмотря на то, что именно юрисдикции в области интеллектуальной собственности отличаются существенной спецификой и оригинальностью конструкций. Сказанное в полной мере относится и к национальным конструкциям правосудия в сфере интеллектуальной собственности, и к соответствующим наднациональным формам.

Целью данной работы является исследование наднационального механизма разрешения частноправовых споров в сфере интеллектуальной собственности, реализованного в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в том числе соответствующих процессуальных процедур. Данная проблематика является весьма специальной и практически не выступает предметом исследования в национальной юридической науке. Однако она представлена в ряде публикаций российских специалистов в области права интеллектуальной собственности (В. Райкина, А. Серго, А. Минкова, В. Талимончик).

Постановка и анализ проблемы

Наряду с национальной процедурой разрешения частноправовых споров, которая реализуется посредством систем национального правосудия, в XX веке начала формироваться в качестве альтернативы ей соответствующая наднациональная процедура. Последняя осуществляется в рамках специализированных международных организаций, при которых создаются юрисдикционные структуры, и обладает существенной спецификой.

Примером подобной альтернативной процедуры является деятельность Международного центра по разрешению инвестиционных споров при Международном банке реконструкции и развития, образованного в соответствии с Вашингтонской конвенцией

1965 года для разрешения конфликтов между иностранным частным лицом (инвестором) и государством-реципиентом при наличии письменного соглашения сторон о передаче спора на рассмотрение данного органа. К настоящему времени накоплена определенная практика, позволяющая утверждать, что Международный центр по разрешению инвестиционных споров не является «декоративной» структурой и обращение к нему продуктивно [2, с. 291–294].

При этом наднациональные юрисдикционные структуры, подобные Центру, следует отличать от третейских (арбитражных) судов, созданных в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 года в государствах-участниках этой конвенции преимущественно для разрешения споров внешнеэкономического характера в порядке альтернативы государственному суду. Третейские суды (в Беларуси – Международный арбитражный (третейский) суд при Белорусской торгово-промышленной палате) учреждаются на территории конкретного государства и косвенно взаимодействуют с национальной системой правосудия. Структуры же, подобные Центру, несмотря на то, что во многом функционируют по принципам третейского суда, имеют ярко выраженный наднациональный характер и централизованную компетенцию, что во многом предопределяет их авторитет.

Право интеллектуальной собственности весьма динамично развивается в последнее время и как международная нормативная система, и на уровне национальных законодательств. Многими исследователями отмечается своеобразный «бум» интеллектуальной собственности, который охватил экономически развитые страны во второй половине прошлого века. При этом развитие материально-правового регулирования, равно как и увеличение по мере усложнения правового оборота числа споров в данной области, обуславливают поиск наиболее целесообразных и эффективных конструкций правосудия. Пожалуй, именно в сфере интеллектуальной собственности правосудие отличается особой специфичностью и оригинальностью национальных форм [6, с. 164–167]. Однако вряд ли является секретом то обстоятельство, что национальному суду того или иного государства при рассмотрении спора с участием иностранного элемента далеко не всегда удается оставаться действительно беспристрастным, поэтому проблема внесударственных юрисдикционных органов, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, где такие споры весьма распространены, остается актуальной.

На наднациональном уровне механизм разрешения споров, связанных с защитой права интеллектуальной собственности, стал создаваться с 90-х годов XX века в рамках ВОИС. ВОИС, как известно, образована на основе Стокгольмской конвенции 1967 года как специализированное учреждение ООН и в настоящее время насчитывает более 180 государств-участников. Указанный механизм к настоящему времени не получил широкой известности, поэтому интересен для изучения. Рассмотрим ниже его существенные черты.

В немногочисленных публикациях по рассматриваемому вопросу выделяются следующие признаки процедуры разрешения споров в рамках ВОИС, позволяющие характеризовать ее именно как уникальный механизм, взаимосвязанную и автономную систему элементов [5, с. 265–266]:

1. Система разрешения споров в рамках ВОИС организационно и функционально обособлена от иных направлений деятельности ВОИС. В 1994 году ВОИС создала Центр по арбитражу и посредничеству, который, в свою очередь, принял ряд процессуальных правил (Правила посредничества, Арбитражные правила, Правила ускоренного арбитража).

2. Предлагается разнообразие способов мирного разрешения споров: арбитраж, ускоренный арбитраж, посредничество. При этом в основе применения всех указанных способов лежит соглашение сторон.

3. Существуют определенные взаимосвязи между применением способов разрешения споров в рамках ВОИС. В частности, стороны могут применять такую процедуру, как «посредничество-арбитраж».

Абсолютное своеобразие механизма разрешения споров, созданного в рамках ВОИС, состоит в том, что Всемирная организация интеллектуальной собственности стала первой международной организацией системы ООН, которая предложила систему взаимосвязанных процедур для урегулирования и разрешения споров между невластными субъектами. До этого межгосударственные организации, будучи преимущественно субъектами международного публичного права, предлагали средства мирного разрешения споров для государств (Международный Суд ООН), а затем стали применять процедуры разрешения споров между государствами и частными (невластными) субъектами (упомянутый выше Международный центр по урегулированию инвестиционных споров).

Объективная необходимость в учреждении наднациональной процедуры урегулирования и разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности обусловлена, кроме всего прочего, сложностью правового регулирования, появлением и широким внедрением в правовой оборот новых объектов (компьютерных программ, баз данных, фонограмм, исполнений), что требует интернационального единства подходов в правоприменении, а также высокой специализированной квалификации арбитров.

Организационной составляющей обозначенного механизма является Центр по арбитражу и посредничеству, обладающий особым правовым положением в системе ВОИС, созданный как структурное подразделение Международного Бюро ВОИС, но административно ему не подчиняющийся. Все процессуальные вопросы Центр решает независимо и самостоятельно.

Процессуальной составляющей механизма разрешения споров в рамках ВОИС является ряд процессуальных правил: Правила посредничества, Арбитражные правила [1, с. 32–56], Правила ускоренного арбитража. Каждые из этих правил соответствуют определенной процедуре, применяемой Центром, из которых две условно можно определить как процедуры разрешения споров (арбитражное производство и ускоренное арбитражное производство), а одну – как процедуру урегулирования споров (посредничество).

Условием возбуждения арбитражного производства является письменное соглашение сторон спора о применении Арбитражных правил ВОИС (рекомендуемый текст такого соглашения помещен на сайте ВОИС). Арбитражное производство по Арбитражным правилам ВОИС начинается с получения Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству ходатайства истца об арбитражном производстве, которое может сопровождаться иском заявлением. В течение 30 дней с даты получения копий указанных документов ответчик направляет свой ответ в Центр.

В соответствии со ст. 59(б) Правил правом, применяемым к арбитражу, должно быть третейское право места проведения арбитража, если стороны прямо не договорились о применении иного третейского права и такое соглашение допускается местом проведения арбитража. Под третейским правом места проведения арбитража понимается право государства, на территории которого проводится заседание арбитража, в том числе международные договоры по вопросам арбитражного разбирательства, в которых соответствующее государство участвует.

Согласно Арбитражным правилам ВОИС, арбитр, как правило, один, но стороны могут согласовать любое количество арбитров. Сам порядок арбитражного производства не обладает существенными отличиями от порядка разбирательства спора в международном третейском суде, реализуемого в том числе и в Беларуси. Некоторые его особенности связаны с материально-правовой спецификой споров в сфере интеллектуальной собственности. Так, в качестве доказательств могут быть представлены результаты

экспериментов, проведенных сторонами (ст. 49 Арбитражных правил). При этом сторона, которая проводила эксперименты, должна направить письменное уведомление другой стороне, отражающее цель эксперимента, применяемые методы, результаты и экспертное заключение. Другая сторона вправе заявить ходатайство о проведении повторного эксперимента. Повторный эксперимент назначается арбитражем и проводится с участием другой стороны.

Ст. 51 Правил предусматривает совместное представление сторонами технического базового руководства, содержащего основы научной, технической и иной специализированной информации, необходимой для понимания существа дела, а также образцов, рисунков и иных материалов, необходимых арбитражу или сторонам при рассмотрении дела.

Явной особенностью арбитражной процедуры в Центре ВОИС является полное сохранение конфиденциальности: информация, касающаяся арбитража, включается только в статистические данные о деятельности Центра.

Решения арбитража ВОИС исполняются по правилам Нью-Йоркской конвенции 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. В связи с этим интересно заметить, что ни Арбитражные правила ВОИС, ни рекомендуемые арбитражные соглашения не связывают компетенцию Центра с участием государств гражданства или места жительства (нахождения) сторон в ВОИС, что также нетипично для подобных органов. Поэтому представляется, что в его юрисдикцию входит рассмотрение любых частноправовых споров в сфере интеллектуальной собственности вне учета указанного фактора.

Стороны не всегда заинтересованы в применении арбитражной процедуры, поскольку это может быть сопряжено с длительными сроками и значительными расходами. Так, к примеру, только регистрационные и административные расходы, предшествующие арбитражному разбирательству, составляют 12 000 долл. США, а собственно арбитражный сбор устанавливается по согласованию между сторонами и арбитрами в пределах от 300 до 600 долл. США за час разбирательства [4].

Альтернативной процедурой является ускоренный арбитраж ВОИС, главные отличия которого заключаются в следующем:

- разбирательство осуществляется одним арбитром;
- непосредственные арбитражные слушания по Правилам ускоренного арбитража не могут продолжаться более трех дней, в то время как в общих Правилах этот срок не определен;
- существенно сокращены все процессуальные сроки с тем, чтобы ускоренное арбитражное производство было проведено в течение 3 месяцев, в то время как срок арбитражного производства по общим Правилам может достигать 9 месяцев;
- расходы на ускоренное арбитражное производство почти вдвое меньше расходов на обычное арбитражное производство.

Посредничество – третья процессуальная процедура, реализуемая Центром ВОИС, – регулируется Правилами посредничества, состоящими из 27 статей, в которых определяется порядок назначения посредника, условия о конфиденциальности, а также основания прекращения процедуры посредничества.

Центр ВОИС не играет активной роли в посредничестве, сама его процедура согласуется сторонами. Посредник может проводить встречи как с каждой стороной в отдельности, так и с обеими сторонами, вправе требовать от сторон любую информацию, которая необходима для посредничества. Наиболее желательным результатом посредничества, который, как показывает практика, достигается в большинстве случаев, является заключение сторонами мирового соглашения. Однако с учетом ситуации посредник может предло-

жить сторонам и более сложную процедуру, которая, с его точки зрения, должна привести к более продуктивному разрешению спора (как правило, арбитраж).

Правила посредничества ВОИС детально регламентируют специальные положения о конфиденциальности:

– на встречах сторон с посредником не допускаются какие-либо записи любым способом;

– все лица, вовлеченные в посредничество, обязаны подписать письменное обязательство о конфиденциальности;

– после окончания посредничества все материалы, используемые в процессе, должны быть возвращены стороне, их представившей, без права копирования, а все заметки сторон должны быть уничтожены.

Особая процедура применяется Центром ВОИС по спорам, связанным с доменными именами. Именно эти споры составляют основную массу дел, рассматриваемых Центром: к настоящему времени их рассмотрено свыше 10 000. В качестве применимого права Центр использует акты, принятые Корпорацией по распределению сетевого пространства в Интернет (ICANN), – Единообразную политику по разрешению споров в области доменных имен от 26.08.1999 и процедурные Правила для единообразной политики по разрешению споров в области доменных имен от 24.10.1999.

Поскольку ICANN является неправительственной организацией, то акты, ею принятые, могут носить только характер рекомендательных, т. е. стороны по соглашению могут избрать данный акт для регулирования конкретного отношения между ними или не делать этого. Однако, как показывает практика, Единообразная политика целиком имплементируется в соглашения, заключаемые при регистрации доменных имен между регистратором и обладателем прав на доменное имя. При этом лицо, чьи права могут быть нарушены регистрацией доменного имени, в таком соглашении не участвует.

Поскольку основанием обращения в Центр ВОИС является соглашение о регистрации доменного имени, соглашения непосредственно между сторонами спора о передаче дела на рассмотрение Центра не требуется, то фактически отсутствует арбитражная оговорка. В данном случае истец выражает свое согласие на рассмотрение спора Центром ВОИС путем подачи искового заявления, а потенциальный ответчик – значительно ранее, подписав соглашение с регистратором доменного имени.

Процедура, предусмотренная Единообразной политикой, не исключает возможности для стороны прибегнуть к судебному разбирательству в государственном суде, чем также отличается от арбитражной процедуры в Центре ВОИС, а также процедуры в третейских судах и иных органах третейского типа.

В публикациях по данному вопросу отмечается несовершенство Единообразной политики как фактически единственного нормативного акта, регулирующего сферу регистрации и использования доменных имен: недостаточное количество материально-правовых норм, их предельно общий и оценочный характер, неспособность охватить все аспекты регулируемых отношений, неурегулированность фундаментального вопроса о наличии арбитражного соглашения между сторонами спора как условия передачи его на рассмотрение Центра ВОИС [5, с. 280–281]. Но так или иначе, многочисленные споры в сфере регистрации и использования доменных имен, поступающие в Центр, рассматриваются им на основании указанного рекомендательного акта, поскольку иная нормативная основа просто отсутствует. Как показывает практика, по содержанию споры о доменных именах сводятся к обсуждению вопроса о том, не нарушаются ли права истца на товарный знак.

Следует заметить, что Единообразную политику и Правила по ее применению использует не только Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству, но и другие арбитражи (Национальный Арбитражный Форум США, Азиатский Центр по разрешению

доменных споров, Институт CPR по разрешению споров, Нью-Йорк) [3, с. 28]. В то же время саму процедуру, в рамках которой они реализуются, некоторые исследователи вполне удачно называют квазиарбитражным производством [5, с. 283], учитывая ее особенности, кратко отмеченные выше. Можно также согласиться с выводом о том, что решения Центра ВОИС по спорам о доменных именах не подлежат принудительному исполнению в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 года, поскольку отсутствует правовое основание признания данных актов как решений арбитражного (третейского) суда – третейское соглашение.

Представляет ли интерес информация о деятельности Центра по арбитражу и посредничеству ВОИС, рассмотренная выше, для современного белорусского правового оборота? Полагаю, представляет, причем актуальность данной информации будет повышаться. Изучение данных, помещенных на официальном Интернет-сайте Центра показывает, что основными его «клиентами» в рамках процедур посредничества и арбитража пока являются субъекты из экономически развитых стран (Франции, Германии, Ирландии, Израиля, Японии, Нидерландов, Швейцарии, Великобритании и др.). Отсутствие в этом списке постсоветских государств объясняется и относительной неразвитостью торгового оборота в этих странах, и ограниченными финансовыми возможностями их субъектов, и их недостаточной информированностью, и недоверием к зарубежным, а также международным юрисдикциям.

Однако, согласно статистике Центра ВОИС, с 2000 по 2009 годы среди дел в сфере доменных имен регулярно имеется по одному делу в год, где ответчиком выступает резидент Республики Беларусь, а в 2008 году было рассмотрено три таких дела. Явно растет число исков о доменных именах, предъявленных к ответчикам, происходящим из Российской Федерации (в 2007 году – 30 дел, в 2008 году – 41 дело, в текущем 2009 году – 25 дел) [4].

Обозначенная тенденция связана, главным образом, с тем обстоятельством, что, как было сказано выше, для обращения в Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству по доменному спору фактически достаточно волеизъявления истца. Поэтому для ответчика в большинстве случаев полной неожиданностью выступает привлечение его к участию в деле в юрисдикционном органе международной организации, равно как и связанные с этим последствия в виде значительных арбитражных расходов (которые, к слову, по доменным спорам ниже, чем в общем арбитражном производстве, но в самом минимальном виде по шкале составляют 1500 долл. США).

Об этом следует помнить тем более, что кажущаяся неурегулированность отношений, связанных с регистрацией и использованием доменных имен, в том числе и на уровне национального белорусского законодательства, порождает иллюзию безнаказанности у тех субъектов, которые хотят недобросовестно воспользоваться чужой деловой репутацией (например, путем регистрации в качестве своего доменного имени чужого товарного знака, известного на рынке, или обозначения, сходного с ним до степени смешения).

Заключение

Основные выводы, следующие из вышеизложенного:

1. В рамках ВОИС создан специализированный механизм разрешения споров, включающий организационную составляющую в виде юрисдикционного органа (Центра по арбитражу и посредничеству) и процессуальную составляющую (ряд процессуальных правил, регулирующих процедуры, применяемые Центром).

Центр по арбитражу и посредничеству ВОИС является юрисдикционной структурой специализированной межгосударственной организации по урегулированию и разрешению споров между невластными субъектами в сфере интеллектуальной собст-

венности. Компетенция Центра ВОИС реализуется посредством ряда процессуальных процедур, к которым относится посредничество, арбитражное производство и ускоренное арбитражное производство. Процедуры, применяемые в рамках ВОИС, отличаются своеобразием, однако в целом Центр ВОИС функционирует по принципам коммерческого (третейского) арбитража.

2. Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству применяет особую (квазиарбитражную) процедуру разрешения споров, связанных с доменными именами, главной особенностью которой является отсутствие арбитражного соглашения (арбитражной оговорки) сторон спора в качестве обязательной предпосылки обращения к Центру за защитой. Вместе с тем споры, связанные с регистрацией и использованием доменных имен, составляют основную массу дел, рассматриваемых данным органом, что актуализирует информацию о его деятельности и особенностях процедур, применяемых им, с точки зрения ее ценности для участников гражданско-правового оборота Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражные правила ВОИС // Журнал международного частного права. – 2004. – № 2(44). – С. 32–56.
2. Богуславский, М.М. Международное частное право. Элементарный курс / М.М. Богуславский. – М. : Юристъ, 2004. – 317 с.
3. Райкин, В. Споры о доменных именах отечественный и зарубежный опыт / В. Райкин, А. Серго // Хозяйство и право. – 2003. – № 6. – С. 26–52.
4. Schedule of Fees and Costs Arbitration / Expedited Arbitration / WIPO [Электронный ресурс]. – Geneva, 2009. – Режим доступа : <http://www.wipo.int/amc/en/>. – Дата доступа : 03.08.2009.
5. Талимончик, В.П. Механизм разрешения споров в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности / В.П. Талимончик // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы : сб. статей / М.М. Богуславский, А.Г. Светланов. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – С. 265–284.
6. Чичурина, О.А. Право интеллектуальной собственности: отраслевые средства защиты и подведомственность споров / О.А. Чичурина // Промышленно-торговое право. – 2006. – № 4. – С. 160–180.

Chichurina O.A. Disputes Settlement by the World Intellectual Property Organization (in Aspect of the Private Law)

In the article specialized mechanism of settlement of private disputes by the WIPO (the World Intellectual Property Organization) in the sphere of intellectual property is investigated. The WIPO Arbitration and Mediation Center as the organ established for the resolution of international commercial disputes between private parties is shown. Specialties of procedure used by the WIPO Center are analyzed. Trial activity of the WIPO Arbitration and Mediation Center and national courts of arbitration is compared. Special character of procedure of cases of domain names in Internet is noted. The Importance of information concerning the WIPO Center for Belarus is underlined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.09.09

УДК 346.546

С.Л. Ермакович

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье автором проводится сравнительно-правовой анализ отдельных положений законодательства Республики Беларусь, США, Европейского Союза, ряда стран СНГ, регулирующего вопросы ценообразования с учетом его последних изменений. Анализируется эффективность действующего антимонопольного законодательства страны, направленного на противодействие ценовым злоупотреблениям, выявляются некоторые его недостатки и вносятся предложения по их устранению.

Введение

В отечественной юридической литературе отсутствуют комплексные исследования по проблемам монополистического ценообразования. Процесс изучения данной проблематики находится в начальном состоянии, однако некоторые аспекты затрагиваются в отдельных публикациях заместителя Министра экономики Республики Беларусь А. Тура, сотрудников Департамента ценовой политики Министерства экономики Республики Беларусь. Среди российских ученых-правоведов, занимающихся указанной выше проблемой, следует отметить К. Тотьева и В. Еременко, а среди представителей дальнего зарубежья – М. Портера, А. Нила и др.

Основной целью данной публикации является правовой анализ сущности монополистического ценообразования и выявления правовых способов противодействия этому явлению. Достижение поставленной цели предполагает решение таких задач, как определение понятия и признаков монополистического ценообразования и внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь в этой сфере.

Методологическую основу исследования составляет теория познания и основанные на ней методы исследования, такие, как формально-логический, сравнительно-правовой, системного и комплексного анализа.

Правовые проблемы противодействия ценовым злоупотреблениям хозяйствующих субъектов

Сегодня в Республике Беларусь осуществляется переход к социально ориентированной рыночной экономике, в том числе посредством преодоления монополизма и создания конкурентных отношений. Конкуренция является базовым механизмом рыночных отношений, главной движущей силой современного делового и торгового оборота, благодаря чему достигаются наилучшие социальные и деловые результаты. Однако она не способна к саморегуляции в необходимой степени, не может быть обеспечена нормальным развитием рыночной экономики. Диалектика этого развития такова, что конкуренция неизбежно приводит к появлению монополии, то есть крупных хозяйствующих субъектов, приобретающих значительную власть на товарных рынках. Монополия является внутренне необходимым, существенным свойством процесса конкуренции [1, с. 20]. К тому же хозяйствующие субъекты стремятся к приобретению совместной рыночной власти, созданию и сохранению крупных интегрированных структур, чтобы доминировать на товарном рынке, усиливать и использовать свое экономическое превосходство для ограничения конкуренции. Это приводит к сдерживанию производства, снижению его эффективности и потере экономического богатства.

В белорусском законодательстве, как и в законодательстве большинства стран, доминирующее положение презюмируется при достижении хозяйствующим субъектом (группой хозяйствующих субъектов) определенной рыночной доли, которая представляет собой количественную оценку хозяйствующего субъекта на рынке, определяемую как выраженное в процентах отношение объема реализованных хозяйствующим субъектом товаров к общему объему реализации данных и взаимозаменяемых товаров на соответствующем рынке. Для сравнения, в США, большинстве стран Западной Европы принадлежащая хозяйствующим субъектам доля на рынке является важным, но не решающим фактором при решении вопроса о наличии доминирующего положения. Его установление осуществляется в каждом конкретном случае на основе всесторонней оценки товарного рынка, положения и поведения на нем конкретных хозяйствующих субъектов во взаимосвязи с другими участниками. При этом требуется уяснение главного: располагают ли хозяйствующие субъекты возможностью действовать самостоятельно, в значительной степени игнорируя действия своих конкурентов, поставщиков и покупателей [2, с. 24]. Такой подход к установлению доминирующего положения представляется более объективным.

Установление факта доминирования хозяйствующих субъектов в нашей стране служит основанием для включения их в Государственный реестр хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках (далее – Реестр) [3]. Он формируется Департаментом ценовой политики Министерства экономики Республики Беларусь, а также управлениями ценовой политики облисполкомов и Минского горисполкома и существует на двух уровнях – республиканском и местном. По состоянию на 1 января 2009 г. в Реестре на республиканском уровне состояло 149 хозяйствующих субъектов-монополистов, а на местном уровне – 398, всего – 547 [4, с. 28]. По своей организационно-правовой форме это преимущественно открытые акционерные общества и унитарные предприятия, как частные, так и казенные.

Целью формирования Реестра является ведение антимонопольного контроля за деятельностью доминирующих хозяйствующих субъектов, рыночная сила которых позволяет им осуществлять различные монополистические злоупотребления.

Наиболее значительную часть из них составляют ценовые злоупотребления. Об этом свидетельствует как отечественная антимонопольная практика, так и мировая практика антимонопольного регулирования в целом. Это вполне закономерно, поскольку именно цена товара выступает главным объектом интереса хозяйствующих субъектов, определяющего сумму получаемой в итоге прибыли.

Особая роль в противодействии ценовым и любым другим злоупотреблениям на товарных рынках нашей страны со стороны хозяйствующих субъектов-монополистов принадлежит антимонопольному законодательству, ядро которого составляет Закон Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. в редакции Закона от 10 января 2000 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» с последующими изменениями и дополнениями (далее – антимонопольный Закон) [5].

Как следует из антимонопольного Закона, ценовые злоупотребления со стороны доминирующего хозяйствующего субъекта могут выражаться в необоснованном и преднамеренном повышении или снижении цен, а также в установлении (поддержании) цены для получения монополично высокой прибыли или устранения конкурентов (абз. 3, 4 п. 1 ст. 5).

Поскольку в данном случае речь идет о манипулировании ценами со стороны монополиста, то такие цены называются монопольными. Легальное определение монопольной цены содержится в Инструкции по выявлению монопольных цен, утвержденной постановлением Министерства предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь от 28 апреля 2000 г. № 10 с последующими изменениями и дополнениями

(далее – Инструкция [6]. Под монопольной ценой в данной Инструкции понимается цена, которая устойчиво отклоняется от ее возможного уровня на конкурентном рынке и устанавливается доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом или вступившими в соглашение хозяйствующими субъектами в целях реализации своих экономических интересов за счет злоупотребления монопольной властью – необоснованного и преднамеренного повышения (снижения) цен, а также принятие иных мер, искусственно вызывающих их рост или падение (п. 3). Данное отклонение не связано с увеличением издержек доминирующего хозяйствующего субъекта на производство новой или модифицированной продукции с новыми потребительскими свойствами, привлекательными для потребителя. Оно является результатом экономически необоснованных преднамеренных действий монополиста и подлежит устранению с помощью мер правового характера.

Отклонение монопольной цены от средневзвешенной цены на товарном рынке может происходить как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Поэтому видами монопольных цен, являющихся объектом внимания и анализа антимонопольных органов, выступают монопольно высокая или монопольно низкая цена.

Под монопольно высокой ценой в Инструкции понимается цена, если ее уровень выше среднего, сложившегося на аналогичные или взаимозаменяемые товары (группу товаров) на 25 и более процентов, либо рентабельность превышает ее уровень на те же товары (группу товаров) на 25 и более процентов (п. 5).

Как показывает проведенный нами анализ, монопольно высокая цена устанавливается монополистом на рынке с целью компенсации необоснованных затрат и (или) получения существенно большей прибыли, чем это было бы возможно в сопоставимых условиях или условиях конкуренции.

Вместе с тем величина существенно большей прибыли в ее количественном (процентном) выражении для различных товарных рынков является неодинаковой. В Республике Беларусь сегодня имеется большое количество хозяйствующих субъектов с низкой рентабельностью. В этих условиях достаточно монополисту «несущественно» (менее 25 процентов) поднять цены, чтобы существенно ограничить конкуренцию, в том числе заставить отдельных хозяйствующих субъектов уйти с рынка и, наоборот, поднятие цены более чем на 25 процентов не обязательно может быть вызвано злоупотреблением доминирующим положением. В условиях развитой конкуренции на товарном рынке и, соответственно, большего покупательского спроса, доминирующий хозяйствующий субъект может выйти на рынок с аналогичным либо взаимозаменяемым товаром более высокого качества и улучшенными потребительскими свойствами при сохранении прежних (или незначительном увеличении) издержек на его производство. Такой товар может вызвать предпочтения определенной группы потребителей, но при наличии большого количества продавцов и покупателей аналогичных и взаимозаменяемых товаров это не может привести к существенному ограничению конкуренции. В этой связи и рентабельность хозяйствующего субъекта, доминирующего на рынке, может превышать средний ее уровень на 25 процентов и более, и ее нельзя в данном случае считать результатом монополистической деятельности доминирующего хозяйствующего субъекта.

Кроме того, мы полагаем, что не существует прямой зависимости между монопольно высокой ценой и уровнем рентабельности монополиста. Хозяйствующий субъект-доминатор может иметь рентабельность 25 и более процентов даже в том случае, когда установленные им цены на свои товары не будут превышать средний уровень цен на аналогичные товары на рынке. Причиной этого может быть значительное снижение издержек производства и продажи товаров по сравнению с конкурентами.

В целом же искусственное ограничение рентабельности хозяйствующих субъек-

тов является антирыночной мерой, поскольку оно снижает уровень мотивации хозяйственной деятельности и искажает действие рыночных законов. Нами не установлено факта, когда бы антимонопольное законодательство США, Европейского Союза, стран СНГ относилось к злоупотреблению доминирующим положением превышением хозяйствующим субъектом уровня рентабельности и цен на определенную процентную величину. Для разных товарных рынков эти показатели не будут совпадать.

В этой связи заслуживает также критического отношения постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2003 г. № 273 «Об уровне рентабельности товаров (работ, услуг) организаций и индивидуальных предпринимателей, включенных в Государственный реестр хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках» с последующими изменениями и дополнениями [7]. Этим постановлением с некоторыми исключениями установлены предельные уровни рентабельности товаров (работ, услуг), производимых и реализуемых монополистами на территории Республики Беларусь. Чтобы оно имело «рыночный» характер, следовало бы предельные уровни рентабельности рассматривать только в качестве ориентировочного показателя для выявления монополистической деятельности доминирующих хозяйствующих субъектов. В целом можно заключить, что установление императивных количественных показателей уровня рентабельности и монополю высокой цены является недостатком национального антимонопольного законодательства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос установления монополю низкой цены. Под монополю низкой ценой в Инструкции по выявлению монопольных цен понимается цена, которая при устойчивом спросе за счет преднамеренного снижения доходов (прибыли) в краткосрочном периоде затрудняет доступ на рынок другим хозяйствующим субъектам и тем самым ограничивает конкуренцию на рынке данного товара (п. 6). Заметим, что монополю низкая цена может иметь своим результатом не только затруднение доступа на рынок, но и устранение конкурентов с рынка. Ее может установить доминирующий хозяйствующий субъект, выступающий как в качестве продавца товара, так и в качестве покупателя.

Антимонопольное законодательство запрещает устанавливать монополю низкие цены потому, что наносится ущерб другим хозяйствующим субъектам. Они не могут удержаться на рынке или войти на него из-за низких цен. Казалось бы, чрезвычайно низкие цены должны быть выгодными для потребителей. Однако монополист через определенное время, когда большинство конкурентов уйдет с рынка, устанавливает очень высокие цены на свои товары, но противостоять ему уже никто не может. Кроме того, монополист, оставшись на рынке один, утрачивает заинтересованность в повышении эффективности производства. В результате наносится ущерб развитию экономики и интересам потребителей.

Не вдаваясь в анализ процедуры выявления монопольных цен, которая носит экономический характер, следует отметить одно важное обстоятельство, которое не нашло отражения в анализируемой нами Инструкции по выявлению монопольных цен. В юридической литературе отмечается, что выявление монопольных цен должно опираться на изучение реальной динамики цен во взаимосвязи с инфляционными процессами [8, с. 58]. Инфляция искажает цены. Прибыль монополиста, в том числе и всех других хозяйствующих субъектов, зависит от инфляционного изменения цен и получают ее только те доминирующие хозяйствующие субъекты, цены на продукцию которых растут значительно более высокими темпами. Если отраслевой уровень инфляции превосходит уровень цен, устанавливаемых монополистом, или устанавливаемые монополистом цены соответствуют или даже несколько превосходят темпы инфляции, то в такой ситуации понятия «монополю цена» и «монополю прибыль» становятся условными.

Настоящее, по нашему мнению, необходимо отразить в Инструкции по выявлению монопольных цен в целях повышения эффективности работы антимонопольных органов по пресечению монополистической деятельности, совершаемой путем ценовых злоупотреблений.

Ценовые злоупотребления также возможны на основе антиконкурентных соглашений и согласованных действий хозяйствующих субъектов. Склонность последних к сговору подчеркивал еще Адам Смит. Он писал: «Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечения и веселья без того, чтобы их разговор не кончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен» [9, с. 255].

Однако в данном случае речь идет не об индивидуальном, а коллективном доминировании. Возможность достижения такой ситуации подтверждается экономической практикой и теорией антимонопольного законодательства. В юридической литературе подчеркивается, что при отсутствии монополиста его роль могут играть несколько предприятий, договорившихся о совместной деятельности в той или иной сфере рыночных отношений [10, с. 479].

Ценообразование на основе антиконкурентных соглашений и действий, как и на основе злоупотребления доминирующим положением, является наиболее опасной из всех самых опасных форм монополистической деятельности, поскольку оно оказывает концентрированное негативное воздействие как на отдельные хозяйствующие субъекты, так и на публичные интересы в экономической сфере в целом. «Даже самые ярые противники антимонопольной политики не могут найти оправдание фиксации цен» [11, с. 372]. По этой причине оно является объектом повсеместного запрета. За него предусматриваются наиболее высокие штрафные санкции и другие жесткие меры юридической ответственности. Такой подход, к примеру, характерен для США, где особенно сильно преследуется сговор между конкурентами об установлении единой, обычно монопольно высокой цены на товар или услугу [12, с. 70]. При этом подобные злоупотребления не требуют доказательства их противоправности и признаются незаконными изначально, а ответчики лишены возможности оправдывать такие ограничения конкуренции их разумностью [13, с. 43].

Отражением большой вредоносности данной формы монополистической деятельности стало утверждение Министерством предпринимательства и инвестиций Республики Беларусь Постановлением от 28 апреля 2000 г. № 9 Инструкции по выявлению и пресечению антиконкурентных соглашений (согласованных действий) о ценах (далее – Инструкция о ценах) [14]. Согласно ей объектами ценовых соглашений являются цены и тарифы на товары и услуги, которые могут распространяться на сырье, другие производственные ресурсы, промежуточную и конечную продукцию, внутренние, экспортные или импортные цены (п. 3). Для выявления ценовых соглашений и действий предусматривается анализ соответствующих параметров товарного рынка. Если в ходе анализа выяснится, что участники ценовых соглашений и действий не в состоянии оказывать решающее влияние на конкуренцию, затруднять доступ на рынок другим хозяйствующим субъектам или иным образом ограничивать свободу их экономической деятельности, то дальнейший анализ должен быть прекращен (п. 6.3).

В этой связи мы полагаем, что решающее влияние на конкуренцию неизбежно в тех случаях, когда в результате антиконкурентных соглашений и согласованных действий на товарном рынке возникает ситуация коллективного доминирующего положения. Выявление такой ситуации должно быть главным ориентиром антимонопольных органов при расследовании ими всех форм ценовых злоупотреблений на основе антиконкурентной практики хозяйствующих субъектов, состоящих в антиконкурентном сговоре.

Особую трудность составляет доказательство ценовых и любых других антиконкурентных соглашений и действий, поскольку их участники по понятным причинам не намерены их афишировать. Прямые экономические и юридические доказательства в таких случаях, как правило, отсутствуют.

В этой связи наиболее настораживающим обстоятельством для антимонопольных органов является одномоментность и параллелизм действий хозяйствующих субъектов, например, одномоментное повышение цен на определенные товары и услуги, а также отсутствие экономического обоснования роста цен.

Однако в данном и во всех других случаях требуется установление факта параллелизма действий именно на основе сговора, поскольку параллелизм действий также возможен как спонтанная реакция хозяйствующих субъектов на изменившуюся рыночную ситуацию, вызванную, к примеру, дефицитом товаров, увеличением налогов, ограничением импортных поставок сырья, ростом цен на энергоносители и т. д. На это обращается внимание и в Инструкции о ценах (п. 8). Подобный нескоординированный параллелизм действий состава монополистического правонарушения не образует.

Выводы

1. Предлагаем внести в п.6.3 Инструкции о ценах следующее положение:

«если в результате анализа выяснится, что участники ценовых соглашений и согласованных действий создают ситуацию коллективного доминирующего положения, то дальнейший анализ следует прекратить, поскольку это является подтверждением существенного ограничения конкуренции на товарном рынке».

2. Наличие императивных показателей уровня рентабельности и монопольно высокой цены, устанавливающих факт монополистического ценообразования, представляется нецелесообразным. Императивный характер этих показателей следует исключить и использовать их только в качестве ориентира при выявлении монополистического ценообразования.

3. Также представляется целесообразным принятие на уровне нормативного правового акта методики выявления монопольных цен во взаимосвязи с инфляционными процессами.

На наш взгляд, реализация в практике антимонопольного регулирования вышеуказанных предложений и рекомендаций по пресечению ценовых злоупотреблений на товарных рынках будет способствовать более успешной борьбе с отечественными монополистами в целях развития и поддержания конкуренции – одного из главных условий эффективного экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин, В.В. Конкуренция: современные тенденции, проблемы становления / В.В. Акишин. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. – 154 с.

2. Конкурентная политика ЕЭС в едином рынке / отв. ред. А.Ю. Борко. – М. : Право, 1995. – 88 с.

3. Об утверждении Положения о Государственном реестре хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках : Постановление Министерства предпринимательства и инвестиций Респ. Беларусь, 7 июля 2000 г., № 13 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 74. – 8/3751; 2002. – № 126. – 8/8730; 2005. – № 18. – 8/12009; 2006 – № 19 – 8/13788.

4. Анненкова, Е. Антимонопольное регулирование / Е. Анненкова // Ценообразование. Главный бухгалтер. – 2009. – № 3. – С. 27–29.

5. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 364-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 8. – 2/139; 2002. – № 138. – 2/903; 2008. – № 14. – 2/1414.

6. Об утверждении инструкции по выявлению монопольных цен : постановление Министерства предпринимательства и инвестиций Респ. Беларусь, 28 апр. 2000 г., № 10 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 51. – 8/3471; 2002. – № 141. – 8/8848; 2005. – № 18. – 8/12009.

7. Об уровне рентабельности товаров (работ, услуг) организаций и индивидуальных предпринимателей, включенных в Государственный реестр хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 февр. 2003 г., № 273 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 28. – 5/12060; 2003. – № 123. – 5/13309; 2006. – № 130. – 5/22734.

8. Тотьев, К.Ю. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность / К.Ю. Тотьев // Хозяйство и право. – 1998. – № 6. – С. 57–61.

9. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит – М. : Наука, 1993. Т. 1, кн. 1–3. – 569 с.

10. Право Европейского Союза : учеб. для вузов / Под. ред. С.Ю. Кашкина. – М. : Юрист, 2003. – 925 с.

11. Самуэльсон, П.А. Экономика : учебник пособие для вузов / П.А. Самуэльсон ; под общ. ред. проф. Л.С. Тарасевича. – 15 -е изд. – М. : Бином-КноРус, 1997. – 799 с.

12. Никеров, Г.И. Антимонопольное регулирование в США: 115-летний опыт и его итоги / Г.И. Никеров // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 69–76.

13. Еременко, В.И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран / В.И. Еременко – М. : ВНИИПИ, 1997. – 180 с.

14. Об утверждении инструкции по выявлению и пресечению антиконкурентных соглашений (согласованных действий) о ценах : постановление Министерства предпринимательства и инвестиций Респ. Беларусь, 28 апр. 2000 г., № 9 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 51. – 8/3470; 2002. – № 77. – 8/8220; 2005. – № 18. – 8/12009.

Ermakovich S.L. Legal Aspects of Counteraction to Monopoly Pricing in Trade Markets of the Republic of Belarus

This article focuses on legal comparative analysis of some provisions of the Republic of Belarus, USA, European Union, and some CIS countries' legislation on pricing with regard to latest changes. The efficiency of current Belarusian antimonopoly legislation on counteracting pricing abuse is analyzed, weak points are picked out, and measures to eliminate them are suggested.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.10.09

УДК 342.7

Д.С. Береговцова

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В АСПЕКТЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ЖИЗНЬЮ И НОВЕЙШЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящей статье рассматривается важнейшая составляющая права на жизнь – право на распоряжение жизнью в контексте применения к лицу современных медицинских технологий. Особое внимание уделяется такой форме распоряжения жизнью, как эвтаназия. С этой целью автор исследует новейшее медицинское законодательство Республики Беларусь и приходит к выводу о наличии в нём существенных недостатков и противоречий и о необходимости его дальнейшего совершенствования. Кроме того, в статье исследуются различные подходы к трактовке понятия «эвтаназия» и различные классификации разновидностей эвтаназии, а также проблемные вопросы пассивной эвтаназии в Республике Беларусь.

Введение

Жизнь – универсальная ценность, важнейшее неотъемлемое естественное свойство индивидуума, вытекающее из его природы и социальных условий жизнедеятельности.

Право на жизнь занимает центральное место в системе прав и свобод человека, являясь важнейшим условием и предпосылкой их реализации. Данное право, начиная с принятия Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [1], так или иначе присутствует во всех значимых международно-правовых документах по правам человека. Кроме того, оно также получило закрепление в конституциях подавляющего большинства государств. Не является исключением и Конституция Республики Беларусь, в соответствии с которой каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от противоправных посягательств (ст. 24) [2].

Эвтаназия как форма права на распоряжение жизнью

При рассмотрении данного субъективного права неизбежно встаёт вопрос о его содержании. В современной юридической литературе существуют различные подходы к его решению. Некоторые исследователи, например Л.Н. Линик, рассматривают право на жизнь как право на защиту жизни и «содействие» жизни, оказываемое государством в смысле обеспечения необходимых условий существования [3, с. 36], другие, в частности Н.В. Кальченко, С.Г. Стеценко как право на неприкосновенность жизни и право на свободное распоряжение жизнью [4, с. 10; 5, с. 341]. Необоснованно расширяет содержание данного права Л.И. Геращенко, которая отмечает, что в рамках медицины право на жизнь следует рассматривать как: 1) право на сохранение дара жизни (право ребенка на рождение, право женщины на деторождение); 2) право на поддержание жизни (право на соответствующий уровень медицинской помощи); 3) право на смерть (право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью) [6, с. 8]. Интересной представляется позиция М.Н. Малеиной, которая выделяет в содержании права на жизнь несколько аспектов (правомочий), в том числе на сохранение жизни (индивидуальности) и правомочие по распоряжению жизнью [7, с. 50].

Таким образом, важнейшим структурным элементом права на жизнь подавляющее большинство авторов признают право на распоряжение жизнью. Формами такого распоряжения, как правило, признаются добровольное поставление лицом своей жизни в опасность и, значительно реже, эвтаназия. Данное обстоятельство связано в первую очередь с тем фактом, что законодательства абсолютного большинства государств,

равно как и представители научной и медицинской общественности, крайне негативно относятся к возможности самостоятельно решать вопрос о прекращении жизни, прибегнув для этого к помощи врачей.

Не является исключением в данном вопросе белорусское законодательство, которое последовательно, начиная с 2002 г., вводило запрет эвтаназии под угрозой уголовной ответственности (ст. 38 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в ред. от 11 января 2002 г.) [8].

В очередной редакции Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 20 июня 2008 г. эвтаназия по-прежнему остаётся вне закона [9].

Вместе с тем анализ двух вышеупомянутых редакций применительно к исследуемой проблеме позволяет выявить ряд принципиальных изменений, которые претерпел Закон. В первую очередь это касается определения самого понятия «эвтаназия». Заметим также, что в зависимости от его определения меняется и подход к проблеме.

Однако, прежде чем проводить анализ положений белорусского законодательства, рассмотрим, как определяется эвтаназия в юридической литературе и законодательстве некоторых зарубежных государств, учитывая при этом, что проблема дефиниции эвтаназии тесно связана с вопросом, какие именно действия являются эвтаназией в собственном смысле этого слова и какие ошибочно отождествляются с данным явлением.

В переводе с греческого термин «эвтаназия» («эвтанасия», «эйтаназия», «эфтаназия») значит «легкая, безболезненная смерть». Впервые это понятие было использовано Ф. Бэконом, который указывал, что долг врача не только в восстановлении здоровья, но и в облегчении страданий и мучений, причиняемых болезнью, когда уже нет никакой надежды на спасение и уже сама эвтаназия является счастьем [10, с. 268].

Различают «активную» эвтаназию, когда используют средства, ускоряющие наступление смерти (передозировка лекарства, смертельная инъекция и др.) и «пассивную» эвтаназию, которая выражается в отказе от мер, способствующих поддержанию жизни. К активной эвтаназии также часто относят ассистируемый суицид, когда врач только помогает больному совершить самоубийство. Ряд исследователей говорит также о существовании таких разновидностей, как «добровольная», «недобровольная», а также «непреднамеренная» эвтаназия [11, с. 6]. Различие между ними проводится в зависимости от наличия или отсутствия дееспособности и самостоятельного волеизъявления лица, в отношении которого она проводится. «Добровольной» эвтаназия производится по просьбе дееспособного пациента, в том числе и предварительно выраженной (до болезни и (или) утраты дееспособности). «Недобровольная» совершается в отношении недееспособного больного на основании волеизъявления его родственников либо опекунов (попечителей). «Непреднамеренная» осуществляется в отношении вполне дееспособного лица, однако без получения его согласия.

По нашему мнению, если рассматривать эвтаназию в качестве возможности безнадежно больного самостоятельно распоряжаться своей жизнью, то главным её отличительным признаком должна быть «добрая воля» самого пациента, т. е. его просьба об ускорении смерти (а не его родственников, знакомых, опекунов, попечителей), а следовательно, выделение таких разновидностей эвтаназии, как «недобровольная» и «непреднамеренная» является попыткой чересчур широкой её трактовки. Что же касается ассистируемого суицида, то здесь, по мнению автора, отсутствует другой важный признак эвтаназии, а именно – выполнение акта эвтаназии медицинским работником, т. к. все действия, направленные на прекращение страданий, выполняет сам пациент, но при содействии медика в приготовлении смертельной инъекции.

Что же касается «пассивной» эвтаназии, то следует отметить, что в настоящее время, как и в случае с активной эвтаназией, отсутствует некая однозначная трактовка, что же именно следует под ней понимать. Так, по мнению ряда исследователей, напри-

мер Н.Е. Крыловой, в случае «пассивной» эвтаназии медицинский работник не совершает тех действий, которые могли бы продлить жизнь больного, т. е. пассивно санкционирует умирание в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного [12, с. 20]. Однако если согласиться с подобной трактовкой, то приходится признать, что фактически пассивная эвтаназия легализована в большинстве стран мира, включая Республику Беларусь, в законодательстве которых, равно как и в нормах международного права, закреплено право пациента (в том числе и безнадежно больного) на отказ от медицинского вмешательства и лечения. Российский юрист М.Н. Малейна, комментируя данное право, правильно отмечает, что обязанность лечебного учреждения по оказанию медицинской помощи не абстрактна, а возникает перед конкретным пациентом в определенном объеме только после того, когда пациент выразит свое желание получить помощь. Иное видение данной проблемы означало бы, что врачи могут ворваться в квартиру к больному и принудительно оказать ему медицинскую помощь. [13, с. 276].

Таким образом, решение об отказе от дальнейшего лечения (например, от принятия лекарств, от хирургической операции), принятое тяжело больным человеком, по нашему мнению, прежде всего является одним из способов реализации права на телесную неприкосновенность. Следует отметить, что подобного мнения придерживается и белорусский законодатель, формулируя определение эвтаназии в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении». Что же касается случаев отключения врачами жизнеподдерживающего оборудования, то подобное действие хотя и является способом отказа пациента от лечения, но зато предполагает наличие активных действий со стороны медицинского персонала по отключению такого оборудования и может быть рассмотрено, по нашему мнению, в качестве классического и единственного примера пассивной эвтаназии.

Как уже было отмечено выше, законодательное определение эвтаназии в нашей стране впервые было дано в новой редакции Закона Республики Беларусь «О здравоохранении». Под ней понималась «добровольная, согласованная с врачом смерть неизлечимого больного с помощью специальных обезболивающих средств» (ст. 38) [8]. Проанализировав данное определение, несложно заметить наличие в нём ряда существенных недостатков. Во-первых, белорусский законодатель отождествлял эвтаназию исключительно с её «активной» формой. Во-вторых, исходя из данного определения, эвтаназия могла осуществляться только с помощью специальных обезболивающих средств. Вместе с тем возникал вопрос, как же быть со случаями, когда использовались иные медикаментозные средства, например снотворные лекарства?

Пытаясь устранить указанные недостатки, законодатель предложил принципиально новое определение эвтаназии. В соответствии со ст. 31 ныне действующей редакции Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» под эвтаназией следует понимать удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием [9].

Анализ данного определения позволяет сделать вывод, что белорусский законодатель на сей раз воспринял широкую трактовку эвтаназии, при которой наказуемым является не только непосредственно действие, но и бездействие медицинских работников по отношению к пациенту, т. е. в Республике Беларусь эвтаназия отождествляется не только с её активной, но и с пассивной формой.

Однако подобное понимание эвтаназии ведёт к законодательной коллизии. Так, в соответствии со ст. 45 того же Закона «О здравоохранении» пациент либо его законные представители имеют право отказаться от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, за исключением случаев, предусмотренных на-

стоящим Законом. При отказе от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, пациенту лечащим врачом в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия отказа. Отказ от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, оформляется записью в медицинской документации и подписывается пациентом и лечащим врачом [9].

Возникает закономерный вопрос, если неизлечимо больной пациент воспользуется своим правом и откажется от медицинской помощи, то что должен будет делать медицинский работник: оказывать ему эту помощь принудительно и нарушать статью 45 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» или с уважением отнестись к законному праву пациента (которое, заметим, признано во всем мире), рискуя, однако, быть подвергнутым уголовной ответственности.

Заключение

Выход из сложившейся ситуации может быть только один. Представляется необходимым внести изменения в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» и изложить ч. 1 ст. 31 Закона в следующей редакции: «Эвтаназия – акт преднамеренного лишения жизни неизлечимого больного, надлежащим образом информированного о результатах таких действий, совершенный медицинским работником в соответствии с осознанной и недвусмысленно выраженной просьбой такого больного с помощью использования специальных медикаментозных средств, а также прекращением искусственных мер по поддержанию жизни путём отключения аппарата «сердце – лёгкие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая Декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. ассамблеи, 10 декабря 1948 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / подгот. В.В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 1–5.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
3. Линик, Л.Н. Конституционное право на жизнь: введение в теорию / Л.Н. Линик. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1995. – 210 с.
4. Кальченко, Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н.В. Кальченко ; Высш. следств. шк. М-ва внутр. дел России. – Волгоград, 1995. – 25 с.
5. Стеценко, С.Г. Медицинское право : учебник / С.Г. Стеценко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 572 с.
6. Геращенко, Л.И. Медицинские аспекты проблемы прав человека (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Л.И. Геращенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1996. – 18 с.
7. Малеина, М.Н. О праве на жизнь / М.Н. Малеина // Совет. государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50–59.
8. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.01.2002 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
9. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология

3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

10. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Бэкон. – 2-е изд., испр. и доп.– М. : Мысль, 1977. – Т. 1. – 567 с.

11. Проблема прав тяжелобольных и умирающих в отечественном и зарубежном законодательствах / Ю.М. Шевченко [и др.]. – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2002. – 60 с.

12. Крылова, Н.Е. Эвтаназия : уголовно-правовой аспект / Н. Е. Крылова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2002. – № 2. – С.17–37.

13. Малеина, М.Н. Уйти достойно / М.Н. Малеина // Биоэтика: принципы, правила, проблемы : сб. ст. / Рос. акад. наук, Рос. нац. ком. по биоэтике, Ин-т человека ; отв. ред. и сост. Б.Г. Юдин. – М., 1998. – С. 275–280.

Berahautsova D.S. Legal Problems of Right on Life in the Aspect of Disposing of Life and Newest Medical Legislation of the Republic of Belarus

The main constituent of the right to life – the right to dispose life in the context of using modern medicine technologies is considered in the article. Special attention is given to such form of life disposal as euthanasia. With this aim the author considers the latest medicine legislation of the Republic of Belarus and comes to the conclusion that there are substantial drawbacks and contradictions in it and it is necessary to modify it. Furthermore, different approaches to the interpretation of the concept “euthanasia” and different classifications of euthanasia varieties, as well as problem questions of passive euthanasia in the republic of Belarus are investigated in the article.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.09.09

УДК 343.43

Е.А. Коротич

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются проблемные аспекты теории объекта преступления. На основе анализа существующих концепций объекта преступления дается определение объекта преступлений против личной свободы человека и называются его сущностные характеристики. В статье раскрываются преимущества и подчеркивается практическое значение устоявшейся трактовки объекта преступления как общественного отношения, конкретизация которой и была использована при определении природы объекта посягательств на личную свободу человека.

Введение

В юридической литературе (как отечественной, так и зарубежной) наблюдается весьма широкий спектр мнений относительно того, чему причиняется либо создается угроза причинения вреда в случае совершения преступлений против личной свободы человека. В качестве объекта этих преступлений, как правило, называются физическая свобода и свобода поступать сообразно со своей волей (Н.А. Бабий) [14, с. 182], личная свобода человека (А.В. Донцов, Э. Саркисова) [2, с. 14; 10, с. 37] либо более широко – его свобода в целом (И.Д. Измайлова) [3, с. 62], интересы личной свободы человека (А. Кибальник, С.М. Кулушев) [4, с. 44; 5, с. 16], а также общественные отношения, обеспечивающие личную свободу человека (В.В. Марчук, В. Лаевский, Р.М. Снахова, С.Н. Потапкин) [8, с. 42; 7, с. 14; 11, с. 16; 9, с. 37] и др. Не меньшая поливариантность отличает подходы и тех авторов, которые склонны рассматривать в качестве непосредственного объекта исследуемой группы преступлений личную свободу человека как таковую. Так, в одних случаях личная свобода определяется в качестве социальной ценности, гарантированного государством блага (А.Г. Блажнов) [1, с. 61], в других – содержание личной свободы раскрывается через призму общественного отношения (М.Р. Снахова) [11, с. 17], существует трактовка личной свободы как состояния человека, с одной стороны, и его естественного права на физическую неприкосновенность, с другой (Э. Саркисова, Н.И. Ретнева) [10, с. 37]. Отмеченное многообразие подходов к определению сущности объекта преступлений против личной свободы является следствием не только и даже не столько отсутствия правовой дефиниции личной свободы, сколько недостатками самой концепции объекта преступления.

Теория объекта преступления в силу особой значимости последнего, причем не только с точки зрения уголовно-правовой доктрины, но и практики применения и совершенствования уголовного закона, относится к числу наиболее разработанных на теоретическом уровне, а потому, казалось бы, должна иметь завершенный как по форме, так и по содержанию характер. Однако современное состояние уголовно-правовой мысли показывает, что именно в вопросах определения объекта преступления фактически отсутствует единство подходов; существующие концепции настолько содержательно диаметрально, что не способствуют нивелированию проблемных аспектов теории объекта преступления. Очевидно, что недостатки профессионально-доктринального анализа вопросов определения сущности и содержания объекта

Научный руководитель – В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

преступления находят отражение в противоречивых правотворческих и правоприменительных решениях. Относительно исследуемой группы преступлений последнее замечание, в частности, проявляется в том, что ряд преступных деяний отнесен к системе преступлений против личной свободы человека без достаточного учета основного непосредственного объекта, общественная опасность некоторых преступлений данной системы не получила должной уголовно-правовой оценки со стороны законодателя, что отразилось на характере правовых последствий, предусмотренных уголовным законом за совершение этих преступлений, глава 22 Уголовного кодекса /далее – УК/ Республики Беларусь сконструирована с нарушением принципа систематизации преступлений по признаку родового объекта, в связи с чем нельзя говорить о внутренней функциональной взаимосвязи и структурном единстве объединяемых данной главой преступлений (соответственно, и норм об ответственности за их совершение).

Исходя из того, что «верное в общем – верно и в отдельных случаях», для определения сущности объекта преступлений против личной свободы представляется необходимым изучение существующих теоретико-правовых подходов относительно понятия и содержания объекта преступления в целом. В теории уголовного права общепризнанно, что объект любого преступления (как элемент состава преступления) представляет собой «то, на что направлено преступное деяние, чему оно причиняет или может причинить ущерб» [12, с. 85]. Относительно же определения того, чему именно причиняется либо создается угроза причинения вреда в результате преступного посягательства, в науке уголовного права сложилось несколько заслуживающих внимание концептуальных подходов, содержание которых сводится к следующему.

Достаточно долгое время теория уголовного права придерживалась единой концепции объекта преступления в качестве общественного отношения. Данная концепция, ставшая в этом смысле традиционной, во многом определяет развитие белорусской науки уголовного права в исследуемой области и в настоящее время. Правда, следует оговориться, что подобная трактовка объекта преступления получила последовательное отражение лишь в исследованиях по Общей части уголовного права, что же касается работ, посвященных рассмотрению конкретных составов преступлений (в том числе учебной литературы по Особенной части), то в них, как правило, указание на общественные отношения в качестве объекта того или иного посягательства либо отсутствует вообще, либо носит характер «дежурного» упоминания, предваряющего фактическое исследование того блага, субъективного права, интереса и т. д., которое, по мнению авторов, непосредственно подвергается негативному воздействию в случае совершения конкретного преступного деяния. Такая непоследовательность современной теории в некоторой мере может быть оправдана тем, что в отличие от советской школы уголовного права, которой и обязана своим появлением концепция объекта преступления как общественного отношения, у отечественной уголовно-правовой доктрины отсутствует нормативная основа для подобной трактовки объекта преступного деяния: если в актах уголовного законодательства советского периода общественные отношения так или иначе назывались либо в качестве объекта уголовно-правовой охраны, либо в качестве объекта преступления при законодательном определении последнего, то в действующем УК Республики Беларусь ни в ст. 2 или ч. 1 ст. 11, ни в нормах Особенной части уголовного закона общественные отношения в качестве объекта причинения вреда отражения не получили. Более того, уголовный закон оперирует такими категориями, большинство из которых ни при каких условиях собственно общественными отношениями признаны быть не могут (таковы, в частности, жизнь, здоровье, личная свобода человека, природная среда и т. д.). Безусловно, отсутствие единой, научно обоснованной терминологии не могло не создать препятствий для формирования унифицированного представления об объекте преступления на теоретическом уровне. Как

следствие, ряд исследователей, объявив концепцию общественного отношения в качестве объекта преступления «содержательной абстракцией», искусственной конструкцией с «ярко выраженным идеологическим подходом», пришли к выводу о целесообразности определения объекта преступления посредством использования таких категорий, как социально значимые ценности, интересы, блага. Подобный подход к определению сущности объекта преступного посягательства получил отражение и в учебной литературе. Так, по мнению авторов Курса уголовного права (Том 1. Учение о преступлении), объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред [6, с. 209].

В данном определении, прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы, по сути, синонимичные понятия, а таковы с точки зрения этимологии понятия «ценность» и «благо», приводят в качестве нетождественных категорий, характеризующих различные составляющие объекта преступления. И хотя недостатки терминологического обозначения, как правило, не имеют принципиального значения для уяснения сущности исследуемого явления, в то же время они свидетельствуют о несовершенстве соответствующей концепции с формальной точки зрения. Следует отметить, что приведенная концепция не лишена недостатков и предметного характера: понятия «благо» и «ценность», не говоря уже об их взаимозаменяемости, неприемлемы для объяснения сущности объекта преступления в силу их содержательной неопределенности. Поясним наше замечание. Очевидно, что уголовный закон охраняет только то, что представляет ценность для общества, является благом. С этой позиции ценностью признается и сам человек, а также его права, свободы и гарантии их реализации, что непосредственно следует из ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь; ценными могут быть признаны и общественные отношения (например отношения собственности). Иными словами, концепция объекта преступления в качестве социальной ценности (правового блага) имеет весьма не конкретизированный характер. Возможно, осознание последнего обстоятельства и предопределило то, что в приведенном выше учебном определении объекта преступления разъяснение сущности последнего достигается посредством использования, наряду с понятиями «ценность» и «благо», категории «интерес». Не менее спорной представляется и концепция объекта преступления в качестве правоохраняемого интереса: последний, являясь «категорией сознания, а не бытия», в объективной действительности сам по себе не существует и выступает лишь «побуждающим фактором (стимулом) для вступления субъекта в социальные отношения», предопределяя направленность и характер взаимосвязи между элементами общественного отношения. Несмотря на имеющиеся недостатки, концепция объекта преступления в качестве правоохраняемого интереса получила развитие в некоторых работах, посвященных исследованию преступлений против личной свободы. В частности, конкретизированным отражением данной концепции является предложенная российским ученым С.М. Кулушевым трактовка объекта похищения человека как защищаемых и охраняемых уголовным законом интересов личной (физической и моральной) свободы [5, с. 16].

Изменение приоритетов в системе объектов уголовно-правовой охраны, обусловленное конституционным провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью общества и государства, предопределило появление новых (более радикальных) концепций объекта преступления. В частности, Г.П. Новоселов приходит к выводу о том, что «объект преступления – тот, против кого оно совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается

угроза причинения вреда» [13, с. 135]. В силу своей «ярко выраженной гуманистической направленности» данная концепция нашла сторонников и среди ученых, занимающихся проблематикой уголовно-правовой охраны личной свободы человека. При всей кажущейся очевидности и простоте анализируемый подход имеет существенные недостатки, которые не позволяют рассматривать его в качестве универсального и которые, как представляется, способны породить феномен отчуждения науки от практики в исследуемой области. Во-первых, подобная трактовка объекта преступления в действительности применима только к преступным посягательствам, непосредственно направленным против человека. Во-вторых, концепция признания человека основным объектом каждого преступного посягательства актуализирует проблему систематизации преступлений в рамках Особенной части УК. В-третьих, рассматриваемая концепция фактически уравнивает характер и степень общественной опасности всех преступлений, что, в свою очередь, затрудняет решение вопроса о критериях дифференциации мер ответственности за их совершение. Кроме того, представляется не вполне корректным, особенно в свете исходной аргументации, называть человека объектом. Как правило, в любой отрасли права, несмотря на существующие различия в смысловом наполнении используемых категорий, за физическим лицом (человеком) признается статус субъекта. Учитывая же то обстоятельство, что сторонники рассматриваемой концепции считают не обоснованным разграничение понятий объекта и предмета преступления, фактически можно говорить о том, что данная концепция, по сути, отождествляет человека – участника общественных отношений, носителя субъективных прав и обязанностей – с вещами, низводит его до положения неодушевленных предметов объективного мира.

Поиски универсальной концепции объекта преступления, обусловленные недостатками существующих теорий и не прекращающимися дебатами на сей счет, предопределили появление еще одного подхода – признание объектом преступного посягательства конкретных сфер жизнедеятельности людей, которые находятся под охраной уголовного закона. Не вызывает сомнения тот факт, что преступление, будучи отношением между людьми, совершается в той или иной сфере их жизнедеятельности, однако это не дает основания утверждать, что оно при этом посягает на саму сферу. Очевидно, что основу жизнедеятельности человека и общества в целом в любой сфере составляют социальные связи, которые отражают содержание отношений между людьми по поводу различных явлений объективного мира. Нарушая данные связи, преступление, тем самым, может оказать негативное воздействие на среду существования и жизнедеятельности человека (группы лиц), однако такое воздействие будет иметь опосредованный характер. Кроме того, как таковая «сфера жизнедеятельности» в реальной действительности не существует – реальны лишь те отношения, которые наличествуют в ней, соответственно, понести ущерб от преступного деяния сфера как таковая не может. Представляя собой некую абстрактную конструкцию, она позволяет лишь дать обобщающую характеристику определенной группе однородных общественных отношений в целях решения различного рода прикладных задач, например, обеспечения надлежащего и всестороннего правового регулирования определенной категории отношений. На первый взгляд представленная трактовка объекта преступления означает ничто иное, как возврат к традиционному пониманию объекта преступления как общественного отношения. Однако, исходя из того, что содержание сфер жизнедеятельности конкретизируется сторонниками рассматриваемой концепции посредством указания на жизнь, здоровье, достоинство личности, природную среду, общественные и государственные установления, их деятельность, условия функционирования и т. д., правильнее говорить о сочетании в рамках данной концепции различных позиций относительно трактовки объекта преступления, получивших «прописку» в уголовно-правовой док-

трине. В практическом отношении такой комбинированный подход, по сути, ничего принципиально нового не дает: поскольку исходные концепции не позволяют абсолютно определенно ответить на вопрос, чему именно причиняется вред в результате совершения преступления, то, соответственно, основанная на данных концепциях трактовка также не сможет разрешить проблемные вопросы теории объекта преступления.

Представленные выше концепции отличает то, что, по сравнению с традиционной трактовкой объекта преступления, они основываются исключительно на характеристике объекта преступного посягательства как явления реальной действительности. Если же придерживаться нормативной конструкции преступления, то в этом контексте приоритетное значение приобретает исследование объекта как элемента состава соответствующего преступления, представляющего собой понятие об объекте реального преступного посягательства, сформулированное на базе обобщения имманентно присутствующих данному объекту признаков. С нашей точки зрения, только конструкция объекта в качестве общественного отношения позволяет обеспечить адекватное соответствие объекта как элемента состава того или иного преступления объекту соответствующего реального преступного посягательства. Признание общественных отношений объектом преступления предопределено и законами логики. Поясним наше замечание. Функциональное назначение права состоит в том, что оно, исходя из определения правовой нормы, регулирует и охраняет отношения между людьми, их социально значимое поведение. Очевидно, то, что не поставлено под охрану правовых норм, не может служить основанием для правовых претензий и для возникновения отношений ответственности. Отсюда закономерно следует, что преступление, будучи посягательством на правоохраняемый объект, тем самым причиняет или создает угрозу причинения вреда именно общественным отношениям. Помимо того, что трактовка объекта преступления в качестве общественного отношения имеет существенное теоретическое значение, она в большей степени, нежели иные подходы, оправдана и с практической точки зрения: только в контексте исследования общественного отношения становится возможным понять социальную направленность, сущность преступления, оценить его общественную опасность, выявить механизм причинения вреда правоохраняемому объекту, а также разграничить смежные преступные посягательства. Не случайно многие авторы, придерживаясь иной трактовки объекта преступления, тем не менее не отрицают значимости концепции объекта в качестве общественного отношения.

Анализ специальной литературы показывает, что концепция объекта преступления в качестве общественного отношения ставится под сомнение или даже подвергается резкой критике, как правило, в тех случаях, когда речь идет об объекте преступлений против человека. В частности, А.В. Наумов, отмечая, что «во многих случаях трактовка объекта преступления как определенных общественных отношений вполне справедлива», в то же время делает оговорку, что относительно «преступлений против личности» данная трактовка «не срабатывает». Аналогичной точки зрения придерживаются и иные авторы. Так, И.Д. Измайлова указывает на то, что «понятие объекта преступления в качестве общественного отношения ... неприменимо в тех случаях, когда посягательство осуществляется на естественные права человека» [3, с. 54]. Представляется, что авторы такого рода суждений упускают из виду тот факт, что человек есть единство биопсихосоциальных свойств и признаков, в связи с чем присущие ему жизнь, здоровье, личная свобода и т. д. имеют не только биологические характеристики, но и социальное наполнение: указанные и иные блага реализуются исключительно в рамках общественных отношений. Так, например, вне общественных отношений невозможно осознание самого факта наличия личной свободы, ее уровня и форм проявления, не говоря уже о правовой охране. Не случайно И.Д. Измайлова, подвергая критике концепцию общественного отношения как объекта преступления, в то же время предлагает рассматривать в качестве непосредственного объекта торговли людьми свободу человека «саму

по себе, но охраняемую в рамках определенных общественных отношений». В действительности уголовно-правовое значение имеет не сама по себе личная свобода человека (правовое благо), а те общественные отношения, в которых она реализуется и которые, в конечном счете, позволяют судить о характере совершенного деяния. Поясним наше утверждение. Личная свобода как гарантированное государством субъективное право может быть представлена в качестве своего рода центра, относительно которого существуют различные области общественных отношений. Общим для данных областей является предмет – личная свобода человека, правомочия которой непосредственно и реализуются в рамках соответствующих общественных отношений. Специфика же каждой предметной области определяется содержанием отношений, которое, в свою очередь, зависит от характера правового регулирования данных отношений. Следовательно, порядок и правовые последствия воздействия на личную свободу будут зависеть от того, в каких отношениях реализуются составляющие ее правомочия. Совершенно очевидно, что интернирование лица в период вооруженного конфликта, ограничение личной свободы преступника в порядке реализации права на необходимую оборону и торговля людьми будут иметь различную правовую оценку и вызывать разные правовые последствия, хотя негативному воздействию подвергается одно и то же правовое благо – личная свобода человека. Это – во-первых. Во-вторых, совершенно очевидно, что определение сущности и содержания объекта преступления требует единообразия относительно всех составов преступлений: нельзя признавать в одних случаях объектом преступного посягательства общественные отношения (например, отношения собственности при краже, грабеже и т. д.), а в других – нечто иное (к примеру, блага или субъективные права в случае совершения преступлений против человека). И, в-третьих, в контексте суждений А.В. Наумова и ряда других авторов закономерно возникает вопрос относительно того, что следует признавать при таком подходе общим объектом преступления. С нашей точки зрения, объединение на уровне общего объекта преступного деяния общественных отношений и правовых благ как таковых представляется весьма сомнительным, не говоря уже о том, что определять объект преступлений против человека посредством категории «благо», не пытаясь при этом дать юридического понятия этой категории, значит привносить и в без того проблемную дискуссию об объекте преступления неюридический оттенок.

Таким образом, трактовка объекта преступления как общественного отношения имеет несомненные преимущества относительно иных подходов к определению сущности объекта преступного деяния. Вместе с тем такое, в общем, верное понимание объекта, с нашей точки зрения, нуждается в некоторой конкретизации. Дело в том, что общественные отношения как таковые могут быть как социально полезными, так и социально вредными; одни из них являются предметом правового регулирования, другие, напротив, находятся вне сферы правового поля. Очевидно, что далеко не все отношения, складывающиеся в обществе, могут стать объектом причинения вреда, наказуемого в уголовно-правовом порядке. Специфика уголовного права в целом и его метода правового регулирования в частности предопределяет то, что под охрану уголовного закона поставлены только наиболее значимые общественные отношения, имеющие ценностное содержание. В силу такой значимости и ценности эти отношения по определению не могут находиться вне сферы правового регулирования, в связи с чем представляется целесообразным уточнить рассматриваемую концепцию посредством указания на правовой характер общественных отношений как объекта преступлений против личной свободы человека, т. е. называть в качестве такового правоотношение.

В контексте сказанного объектом преступлений против личной свободы следует признавать правоотношения, возникающие по поводу реализации правомочий личной свободы человека, которым причиняется либо создается угроза причинения вреда. Специфика данных правоотношений, с нашей точки зрения, проявляется в следующем: 1) исследуемые правоотношения возникают по поводу нематериального блага – личной свободы человека, понимаемой в качестве субъективного права, гарантированного государством; 2) данные

правоотношения опосредуют государственную политику признания, соблюдения и защиты конституционного права каждого человека на свободу и личную неприкосновенность; 3) значимость объекта, по поводу которого возникают данные правоотношения, позволяет рассматривать последние в качестве ценности, поставленной под охрану уголовного закона; 4) данные правовые отношения в силу широкого круга юридических возможностей, составляющих содержание личной свободы, тесно связаны с правоотношениями, обеспечивающими реализацию иных субъективных прав и свобод человека, и в то же время независимы от них, в связи с чем могут быть условно выделены в особую группу однородных общественных отношений, подлежащих охране уголовно-правовыми средствами, – так называемую сферу личной свободы человека; 5) исходя из специфики правовой связи, лежащей в основе рассматриваемых правоотношений, последние относятся к категории абсолютных правоотношений. В свою очередь, абсолютный характер данных правоотношений не предполагает обязательного участия в них специальных субъектов, в силу чего уголовный закон, как правило, не ставит наступление уголовной ответственности за преступления против личной свободы человека в зависимость от наличия каких-либо особых признаков у участников данных правоотношений – потерпевшего и субъекта преступления (речь идет об основных составах преступлений против личной свободы человека). Исключение составляет, пожалуй, только норма ст. 184 УК Республики Беларусь; 6) негативное изменение исследуемых правоотношений вследствие совершения любого из преступлений рассматриваемой системы влечет возникновение новой социальной связи, составляющей содержание правоохранительного отношения между государством и лицом, совершившим преступление против личной свободы человека.

Выводы

1. Проблема определения объекта преступлений против личной свободы человека является частью общей проблемы определения понятия и сущности объекта преступления. Несмотря на то, что учение об объекте преступления относится к числу наиболее разработанных учений доктрины уголовного права, современное состояние уголовно-правовой мысли показывает, что именно в вопросах определения сущности данного элемента состава преступления фактически отсутствует единство подходов. Очевидно, что недостатки профессионально-доктринального анализа проблемных вопросов объекта преступления получают отражение в противоречивых правотворческих и правоприменительных решениях. Относительно преступлений против личной свободы последнее замечание, в частности, проявляется в том, что общественная опасность некоторых преступлений данной группы не получила должной уголовно-правовой оценки со стороны законодателя, глава 22 УК Республики Беларусь сконструирована с нарушением принципа систематизации преступлений по признаку родового объекта, в связи с чем нельзя говорить о структурном единстве объединяемых данной главой преступлений, и др.

2. Анализ существующих концепций объекта преступления позволяет сделать вывод о том, что конструкция объекта в качестве общественного отношения имеет несомненные преимущества и позволяет обеспечить адекватное соответствие объекта как элемента состава того или иного преступления объекту соответствующего реального преступного посягательства.

3. В силу того, что общественные отношения, возникающие по поводу реализации личной свободы человека, по определению не могут находиться вне сферы правового регулирования, представляется целесообразным уточнить рассматриваемую концепцию посредством указания на правовой характер общественных отношений как объекта преступлений против личной свободы человека, т. е. называть в качестве такового правоотношения по поводу личной свободы, которым причиняется либо создается угроза причинения вреда в случае совершения преступлений исследуемой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блажнов, А.Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект : дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Блажнов. – Омск, 2005. – 165 л.
2. Донцов, А.В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект : автореф. дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Донцов ; Ростовский юрид. институт МВД России. – Ростов-на-Дону, 2003. – 29 с.
3. Измайлова, И.Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми: дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.Д. Измайлова. – М., 2007. – 220 л.
4. Кибальник, А. Новые преступления против личной свободы / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 44–45.
5. Кулушев, С.М. Уголовная ответственность за похищение человека и нарушение права на свободу личности : автореф. дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.М. Кулушев ; Казахский гуманитарно-юрид. ун-т. – Алматы, 2004. – 28 с.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М. : ИКД Зерцало-М, 2002. – Том 1: Учение о преступлении. – 624 с.
7. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
8. Марчук, В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В. Марчук // Судовы веснік. – 2002. – № 4. – С. 41–45.
9. Потапкин, С.Н. Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву : дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Н. Потапкин. – Н.-Новгород, 2003. – 219 л.
10. Саркисова, Э.К. вопросу о свободе человека как объекте преступных посягательств / Э. Саркисова, Н. Ретнева // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 3. – С. 35–38.
11. Снахова, М.Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы : автореф. дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Р. Снахова ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2002. – 29 с.
12. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий, [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
13. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М. : Инфра. М – Норма, 1997. – 768 с.
14. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н.А. Бабия. И.О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

Korotich E.A. The Object of the Crimes Against Personal Freedom According the General Doctrine About the Object of a Crime

The problem aspects of the theory of object of a crime are investigated in the article. On the basis of the analysis of existing concepts of object of a crime the author defines and names essential characteristics the object of the crimes against personal freedom. The main advantages and a value of the settled treatment of the object as a public relation have been revealed in the article. This treatment of the object has been used at definition of the nature of object of encroachments on personal freedom.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.10.09

УДК 347.1:681.3

А.В. Ананько

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье определяется сущность категории «электронного гражданского правоотношения». Автор проанализировал подходы и определения гражданского правового отношения в Интернете и выявил пробелы в науке гражданского права, касающиеся гражданских правовых отношений в Интернете; предложил авторскую категорию «электронное гражданское правоотношение»; проанализировал правовую природу электронных гражданских правоотношений; научно обосновал понятие электронного гражданского правоотношения; осуществил классификацию электронных гражданских правоотношений.

В силу динамичности развитие мирового сообщества, а вместе с ним и белорусского общества, отмечается появления новых видов правовых отношений, в том числе гражданских. Это обуславливает необходимость разработки понятийно-категориального аппарата науки гражданского права, а также совершенствования национального законодательства.

В настоящее время все большее количество лиц вступают в гражданские правоотношения в Интернете. Природа таких отношений характеризуется наличием определенных особенностей как в структуре, так и в связанных с ним явлениях, как то юридические факты. Эти особенности, на наш взгляд, довольно существенны, чтобы выделить отдельный вид в системе гражданско-правовых отношений – электронные гражданские правоотношения.

Целью настоящего исследования является определение сущности электронного гражданского правоотношения. Для достижения обозначенной цели будут решены следующие задачи: проанализированы подходы и определения гражданского правоотношения в Интернете с целью выявления пробелов в науке гражданского права; проанализирована правовая природа электронных гражданских правоотношений; научно обосновано понятие электронного гражданского правоотношения; осуществлена классификация электронных гражданских правоотношений.

Исследование сущности электронных гражданских правоотношений обуславливает необходимость рассмотрения вопроса понятия гражданского правоотношения в целом и электронного правоотношения в частности. Теория правового отношения, а также теория гражданского правоотношения издавна подвергались пристальному изучению со стороны ученых-юристов. Этому вопросу посвящено множество трудов. В частности, данной темой занимались такие крупные ученые, как: С.С. Алексеев [1; 2; 3], В.К. Бабаев [4], Н.Г. Александров [5; 6], О.С. Иоффе [7; 8], Ю.К. Толстой [9], Е.А. Суханов [10], Р.О. Халфина [11], А.А. Пиантковский [12], О.А. Красавчиков [13], С.Н. Братусь [14], В.Ф. Чигир [15; 16], В.А. Витушко [17], В.А. Тархов [18], С.Ф. Кечекьян [19] и другие. Однако в юридической науке нет единого мнения по многим аспектам классической теории правоотношения.

Анализ фундаментальных разработок общей теории права и гражданского права выявил разноплановость подходов к определению понятий «правоотношение» и «гражданское правоотношение», а также их классификаций, что обусловлено, на наш взгляд, дифференциацией когнитивных интересов исследователей. Для настоящего исследования обозначим его пределы, определив понятие гражданского правоотношения, которое впоследствии экстраполируем на отношения в виртуальном пространстве. По нашему мнению, наиболее полным, основанным на достижениях юридической науки,

является определение гражданского правоотношения В.А. Витушко, согласно которому гражданское правоотношение – это «индивидуально регламентированное нормами гражданского права общественное отношение между взаимосвязанными данными нормами и интересами лицами по осуществлению или защите имущественных и личных прав гражданско-правовыми способами и средствами» [17, с. 297–298].

Анализ тематики диссертационных исследований, проведенных в странах бывшего СССР, показывает, что большинство работ посвящено вопросам авторского права и индивидуализации в Интернете. К ним, в частности, относятся исследования таких авторов, как С.А. Бабкин, Д.В. Бойко, С.А. Воропаев, А.В. Алешин, А.М. Липкес, А.С. Ешич, О.П. Бойко, П.В. Бабарыкин, В.И. Скиба, С.А. Воропаев, С.В. Коростелева, С.Б. Бреус, З.Ю. Милютин, Ю.Л. Немец, П.В. Бабарыкин. Второе место по проявленному научному интересу принадлежит вопросам правового регулирования электронной коммерции (авторы А.А. Исманжанов, Е.М. Макарова, Е.Л. Паперно, А.В. Зажигалкин, В.Ю. Моченов, И.В. Костюк, Н.В. Миненкова, С.В. Петровский). В Республике Беларусь защищена только одна диссертационная работа, касающаяся правовых отношений в Интернете, причем в ней рассмотрена гражданско-процессуальная проблематика [20]. И только диссертации С.В. Малахова, Н.А. Дмитрик и Т.Ю. Кулик посвящены отдельным аспектам гражданских правоотношений в Интернете.

С.В. Малахов представляет данный вид гражданских правоотношений как общественное отношение, входящее в предмет правового регулирования одной отрасли права (информационного права), попавший в предмет правового регулирования гражданского права [21, с. 5]. Следует отметить, что автор указанной работы больше внимания посвятил исследованию истории и природы Интернета, а гражданские правоотношения в Интернете рассматриваются им через призму технологической основы виртуального пространства как «существующее в Интернете информационное отношение, относящееся к предмету гражданского права, а следовательно, участники которого юридически равны» [21, с. 5]. С таким подходом трудно согласиться, поскольку автор включает в предмет правового регулирования гражданского права информационное отношение, тем самым допускает возможность дублирования в правовом регулировании. Представляется, что С.В. Малахов, анализируя общественное отношение, которое складывается в Интернете и имеет, как и любое общественное отношение, многомерный комплексный характер, эту многомерность рассмотрел в одной плоскости. С.В. Малахов делает вывод, что гражданские правоотношения в Интернете – это имущественные отношения, связанные и не связанные с ними личные неимущественные и построенные на началах координации организационные отношения, относящиеся к предмету гражданского права и, следовательно, урегулированные гражданско-правовыми нормами, содержащимися в различных нормативных актах [22, с. 90].

Другой точки зрения придерживаются юристы-практики. К примеру, М.А. Якушев рассматривает интернет-отношение как виртуальное отношение в Интернете, урегулированное нормами права и этики [23].

Однако Л.В. Горшкова не согласна с исключительным характером отношений в Интернете и считает, что более правильно использовать понятие «правоотношения в сети Интернет», которое означает урегулированные нормами многих отраслей права общественные отношения, которые складываются по поводу использования сети Интернет [24, с. 36–37]. Надо отметить, что автор ошибочно отождествляет отношения по поводу использования сети Интернет и отношения в сети Интернет. Поскольку первые – это отношения между пользователем сети Интернет и провайдером, который предоставляет пользователю доступ к сети Интернет, в то время как правоотношения в сети Интернет – это правоотношения между подключенными Интернет-пользователями.

Как видно, в науке общей теории права и науке гражданского права нет единого подхода к определению сущности правоотношений, возникающих и/или существующих в Интернете. Для обозначения гражданских правоотношений в виртуальном пространстве применяются различные и зачастую громоздкие конструкции, не дающие всестороннего понимания данного явления правовой реальности: Интернет-отношения; правоотношения, реализуемые в Интернете; правоотношения, имеющие место в Интернете и др., в которых зачастую даже учеными-цивиристами больший акцент делается на информационный аспект и необоснованно оставляется на заднем плане гражданско-правовой характер названных отношений. Таким образом, актуальным является выработка единой правовой категории, отражающей сущность данного феномена правовой реальности.

А теперь следует обратить свое внимание на выявленные юридической наукой виды правовых отношений в Интернете. Здесь также отмечается многообразие подходов. Так, исследуя отношения, формирующиеся в процессе использования Интернета, А.А. Тедеев классифицирует их на экономические и неэкономические отношения. Ключевым отличием первых является их возмездность [25, с. 24]. Представители науки международного права, как правило, указывают на трансграничные и национальные правоотношения в Интернете [26, с. 9]. Авторы, исследовавшие электронную коммерцию, выделяют такой вид правоотношений в Интернете, как предпринимательские [27, с. 8].

И.М. Рассолов как один из ведущих ученых, продвигающих идею Интернет-права, предлагает сразу несколько классификаций правоотношений в Интернете: 1) по государственной принадлежности: между отечественными гражданами; между отечественными и зарубежными юридическими лицами (провайдерами); между провайдерами и отечественными пользователями Интернета; между отечественными юридическими лицами и иностранными гражданами; между отечественными и зарубежными разработчиками сетей; между специалистами; 2) по субъектам: «между разработчиками трансграничных информационных сетей и их партнерами; между специалистами, производящими и распространяющими информацию в Интернете»; между названными специалистами и «потребителями информации в Интернете; между провайдерами (операторами) и государственным органом, в компетенцию которого входит выдача лицензий на оказание онлайн-услуг; между провайдерами (операторами) и пользователями (клиентами) сетями для своих собственных нужд и др.»; 3) по целям возникновения: «внутренние (внутрисистемные, внутриорганизационные); внешние» [28, с. 15]. Надо отметить, что классификация И.М. Рассолова, приведенная первой, не в полной мере отвечает выбранному критерию, поскольку в нее вмешивается посторонний критерий – объект правоотношений.

По мнению С.В. Малахова, в Интернете имеют место все виды (имущественные, личные неимущественные и организационные) гражданских правоотношений, которые характеризуются информационным характером [22, с. 70, 76].

Итак, можно сделать вывод, что классификации правоотношений в Интернете детерминированы направленностью научных исследований ученых, а следовательно, узко специализированы. В силу этого, а также поскольку они в основной своей массе касались больше информационного аспекта правоотношений в Интернете либо правоотношений, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности, а также электронной коммерции, то можно констатировать наличие белых пятен в характеристиках данного правового явления.

Интернет, представляя собой виртуальное пространство человеческой деятельности, обеспечивает возможность субъектам права вступать между собой в правовые отношения, регулируемые нормами различных отраслей права [25, с. 24]. Среди право-

отношений в Интернете гражданским принадлежит значительное место, поскольку только они могут возникать и существовать целиком в виртуальной среде.

Однако до сих пор в науке гражданского права нет достаточно емкого понятия, определяющего правовые отношения в Интернете. С целью единообразить подход в рассмотрении таких отношений и, соответственно, пополнить понятийно-категориальный аппарат гражданского права, нами введено понятие электронного гражданского правоотношения [36]. Кроме того, понятие «интернет-отношение» шире, поскольку оно охватывает как электронные отношения, так и отношения между интернет-пользователями и провайдерами доступа.

Определение гражданского правоотношения в Интернете попытался дать С.В. Малахов [21, с. 5], с которым мы не можем согласиться по следующим причинам: во-первых, информационные правоотношения, являются предметом самостоятельной отрасли права – информационного права; во-вторых, в нем нарушена логика – вывод об отнесении к предмету гражданского права должен следовать из характеристик правоотношения, а не наоборот; в-третьих, первичным в данном электронном гражданском правоотношении является осложненность его электронным элементом, которая опосредуется электронным обменом данными, который является лишь технологической характеристикой; в-четвертых, в определении автор сужает количество объектов до одного – информации, которая является лишь одним из объектов электронного гражданского правоотношения.

Что делает гражданское правоотношение электронным гражданским правоотношением? Сочетание электронных элементов в структуре гражданского правоотношения. Именно осложненность гражданского правоотношения одним или несколькими электронными элементами превращает его в электронное гражданское правоотношение. Под электронным элементом мы понимаем элемент структуры гражданского правоотношения, возникающий и существующий в виртуальном пространстве.

Об электронном характере субъекта можно говорить пока с некоторой условностью, так как электронность проявляется в интегрированности его в виртуальном пространстве через свое компьютерное рабочее место, являющееся частью виртуального пространства.

Кроме того, рассматриваемые нами гражданские правоотношения определяются нами как электронные, а не как цифровые, поскольку цифровая форма является адаптированным для человеческого восприятия формой представления электронных сигналов.

Специфической чертой электронных гражданских правоотношений является их вненациональность, так как виртуальное пространство не имеет национальной привязки. Однако вненациональность не означает исключение электронных правоотношений из сферы действия национального права. То есть правовая природа электронных правоотношений характеризуется отсутствием фактических национальных границ при сохранении их подчинения нормам права национального права определенного государства.

С учетом вышесказанного под электронным гражданским правовым отношением понимается взаимная гражданско-правовая связь двух и более лиц по поводу имущественных, нематериальных или виртуальных благ, которая порождается обстоятельствами, возникающими и существующими в виртуальном пространстве (Интернете) и имеет место в виртуальном пространстве полностью или в существенной части, что опосредуется электронным обменом данными, и вследствие чего характеризуется вненациональным характером.

Развитие Интернета приводит к возникновению новых общественных отношений, которые отражают специфику его деятельности. Уже сейчас по своей социальной значимости эти общественные отношения требуют нормативного обеспечения.

Исследование правовой природы электронных гражданских правоотношений требует отграничения их от смежных правоотношений в Интернете. Чаще всего электронное гражданское правоотношение отождествляется с информационным правоотношением, под которым понимается общественное «отношение, возникающие при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий» (ст. 1 Закона Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации [30]). Это происходит, потому что большинство авторов при исследовании электронных правоотношений на первое место выдвигают парадигму о том, что виртуальные объекты гражданских прав представляют собой закодированные и структурированные определенным образом массивы информации, которые интерпретируются техническими средствами с помощью специального программного обеспечения и представляются в формах, доступных для восприятия человека, и поэтому все действия с виртуальными объектами представляются как действия с информацией. Мы считаем такой подход односторонним, выявляющим лишь одну сторону явления. Исходя из подобной посылки информационным правоотношением можно признать, например, правоотношение подряда, в котором подрядчик обязан из соснового щита и мебельной фурнитуры, принадлежащих заказчику, сделать шкаф. Материальные объекты можно представить в качестве массива информации о материалах, их структуре, фактуре, цвете, отделке, качестве, размерах, назначении, влажности, массе, пространственных и других параметрах, воспринятой органами чувств человека и обработанной его мозгом. Исполняя обязанности по договору, подрядчик перерабатывает материалы и создает новую вещь, чем изменяет первоначальный массив информации о материальных объектах и создает новый массив, который потребляется заказчиком и другими лицами, лично воспринимающими данную информацию безвозмездно. Таким образом, получается, что правоотношение подряда можно квалифицировать как информационное правоотношение. Но все-таки первичным остается гражданско-правовой характер правоотношения подряда, сущность которого определяется правовой природой его объекта. Так что, на наш взгляд, можно говорить об информационном аспекте любого правоотношения, в том числе и электронного гражданского, а не об информационных правоотношениях в Интернете.

Максимизация прибыли путем сокращения издержек за счет использования в производственной деятельности ресурсов, в том числе и людских, по минимальной цене, а также появление и совершенствование Интернета привело к появлению и расширению практики дистанционному (удаленному) выполнению трудовых обязанностей. В связи с этим необходимо отграничить электронные гражданские правоотношения от электронных трудовых правоотношений. В науке гражданского права проблемы отграничения отношений подряда, поручения, по оказанию услуг от трудового договора достаточно исследованы [16, с. 303–304; 627], и предложенные решения вполне применимы к электронным правоотношениям.

Рассматривая электронные обязательственные правоотношения в разрезе целей вступления в правоотношения можно выделить:

а) *коммерческие электронные правоотношения*. Субъектами таких правоотношений являются субъекты хозяйственной деятельности, которые используют приобретаемые блага для предпринимательской и иной деятельности, не связанной с личным, домашним и семейным потреблением. Целью вступления в электронные гражданские правоотношения для таких субъектов является ведение коммерческой деятельности от продажи товаров или оказания услуг другим субъектам предпринимательства. В частности, к таким отношениям относятся: отношения по поводу приобретения места на интернет-сервере для размещения интернет-магазина.

б) *коммерческо-потребительские электронные правоотношения*. В таких правоотношениях, с одной стороны, коммерсант получает коммерческую выгоду, а с другой стороны – потребитель приобретает блага для личного, семейного, домашнего и иного подобного использования. То есть хозяйствующий субъект передает в собственность или во временное пользование имеющиеся у него блага (произведенные или приобретенные), выполняет работы или оказывает услуги конечному потребителю за плату. Например, приобретение электронной версии книги в интернет-магазине;

в) *некоммерческие электронные правоотношения*. Под ними понимаются отношения, которые не преследуют цели систематического получения прибыли с дальнейшим обращением ее в личный доход. Некоммерческие электронные правоотношения подразделяются на *частные (в узком смысле) электронные правоотношения* (в качестве субъектов выступают некоммерсанты. Целью вступления в такие отношения является удовлетворение собственных потребностей. Такие отношения носят, как правило, разовый характер. Например, приобретение бывшей в употреблении вещи на Интернет-аукционе) и *социальные электронные правоотношения* (осуществляются в интересах общества и государства).

Коммерческие и коммерческо-потребительские электронные правоотношения как формы осуществления экономической деятельности позволяют выделить экономический аспект, определяющий порядок вступления в названный вид правоотношений. В связи с этим коммерческие электронные правоотношения можно разделить на *монопольные, конкурентные и монополистические электронные правоотношения*. Монопольные электронные правоотношения подразумевают наличие на рынке одного субъекта, предоставляющего определенного типа блага, выполняющего определенный тип работ или оказывающего определенного типа услуги при отсутствии субститута. Как правило, условия вступления в такие отношения определяются законодательством и монополистом. Не следует путать монопольные электронные правоотношения с монополистической деятельностью, под которой понимаются противоречащие антимонопольному законодательству действия (бездействие) хозяйствующих субъектов, государственных органов, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции, а также причиняющие вред правам, свободам и законным интересам потребителей [31, с. 286]. Примером могут послужить отношения по пользованию доменного имени второго уровня белорусского сегмента Интернета, в которых субъектом-монополистом является Государственный центр безопасности информации при Президенте Республики Беларусь, который делегировал полномочия по регистрации техническим регистраторам [32]. Конкурентные электронные правоотношения складываются между субъектами на условиях установленных законодательством и конкурентной средой. Такие отношения составляют большую часть коммерческих электронных правоотношений. В условиях когда субъекту, чьи юридические обязанности определяют сущность правоотношения, противостоит один потенциальный контрагент, такое правоотношение является монополистическим. К данному виду электронных правоотношений относятся те, которые основаны на заказах для государственных нужд. Для Республики Беларусь проведение аукционов по заказам для государственных нужд является делом будущего, поэтому примером может послужить Российская Федерация, где согласно ст. 10 Федерального закона Российской от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ, размещение заказа может осуществляться путем проведения торгов в форме аукциона в электронной форме [33].

Как было сказано выше, электронное гражданское правоотношение должно иметь в своей структуре электронный элемент. Таким образом, можно говорить о том, что данный вид правоотношений может полностью или частично существовать в виртуальном пространстве. Из этого следует возможность выделить следующие виды электронных правоотношений:

а) *полностью электронные гражданские правоотношения*. Правоотношения данного вида возникают и существуют только в виртуальном пространстве, что означает: возникновение в Интернете соответствующего юридического факта, который порождает гражданское правоотношение, характеризующееся тем, что поведение его субъектов имеет место в Интернете по поводу виртуальных объектов гражданских прав. Например правоотношения по использованию доменного имени;

б) *частично электронные гражданские правоотношения*. В отличие от группы правоотношений, составляющий первый вид, данные правоотношения порождаются юридическими фактами, имевшими место в Интернете, и в определенной части поведение субъектов переносится в материальную юридическую среду, либо одна часть прав реализуется и, соответственно, одна часть обязанностей выполняется в виртуальном пространстве, другая же – в материальном пространстве. Например, приобретенный товар по договору купли-продажи, заключенному путем электронного обмена данными в Интернете, будет доставляться в материальном пространстве [34, с. 53].

Далее важным критерием классификации электронных гражданских правоотношений является возмездность. По данному основанию можно выделить *возмездные* и *безвозмездные* электронные гражданские правоотношения. К первым относятся электронные гражданские правоотношения, в которых субъекты связаны между собой обязанностью одного из них передать плату или иное встречное предоставление другому. К таковым относятся, например, отношения купли-продажи виртуального товара. К безвозмездным электронным гражданским правоотношениям относятся те, в которых благо передается в собственность или во временное пользование, либо выполняется работа, либо оказывается услуга бесплатно. Например, услуги бесплатного сервиса электронной почты. Безвозмездные электронные гражданские правоотношения можно подразделить на *абсолютно безвозмездные* и *относительно безвозмездные*. К абсолютно безвозмездным электронным гражданским правоотношениям относятся те, в которых одна сторона вообще не имеет каких-либо обязанностей, не связанных с предоставляемым ему благом, оказываемой ему услугой, выполняемой для него работой. Например отношения дарения виртуального блага. Относительно безвозмездные гражданские правоотношения подразумевают возложение на субъекта нематериальной обязанности, как правило, не связанной с предоставляемым ему благом, оказываемой ему услугой, выполняемой для него работой. Относительно безвозмездные отношения, как правило, складываются для реализации субъектом, который передает благо, оказывает услугу или выполняет работу, маркетинговой политики его клиентов или его собственной. Например, упомянутые правоотношения, связанные с бесплатным сервисом электронной почты WWW.TUT.BY, являются относительно безвозмездными, поскольку согласно п. 4.2.8 Соглашения о порядке предоставления бесплатных услуг белорусским порталом TUT.BY [35], Научно-производственное частное унитарное предприятие «Надежные программы», являющееся собственником портала WWW.TUT.BY, имеет право изменять наличие и количество строк рекламной информации, присоединяемой к электронным почтовым сообщениям пользователя сервиса. Таким образом, корреспонденция пользователя бесплатного сервиса становится способом распространения рекламы Научно-производственного частного унитарного предприятия «Надежные программы» или его клиентов. Кроме того, согласно п. 2.2 Соглашения о порядке предоставления бесплатных услуг белорусским порталом TUT.BY оказываемые услуги предоставляются в форме «КАК ЕСТЬ». Что означает для пользователя, что он вынужден быть потребителем рекламы, размещенной в виде баннеров и другой форме в его персональном разделе пользователя бесплатных сервисов портала TUT.BY. Таким образом, получатель бесплатных услуг портала TUT.BY в действительности «платит» тем, что распро-

страняет и потребляет рекламу Научно-производственного частного унитарного предприятия «Надежные программы» и его клиентов.

По объектам субъективных гражданских прав электронные гражданские правоотношения можно классифицировать на: 1) *обязательственные*, к которым относятся отношения, вытекающие из договоров (купли-продажи, мены, дарения, возмездного и безвозмездного оказания услуг, подряда и др.) и совершения неправомерных внедоговорных действий (причинения вреда, неосновательного обогащения); 2) *квазивещные*, связанные с владением, пользованием и распоряжением виртуальными квазивещами, то есть электронными объектами, имеющими в виртуальном пространстве значение, аналогичное вещам в материальном пространстве (электронные деньги, файлы информации и др.); 3) *отношения интеллектуальной собственности*, складывающиеся по поводу использования объектов промышленной собственности, авторского права и смежных прав.

Появление нового технологического пространства – виртуального, как качественно новой среды общественных отношений, привело к возникновению в нем правового слоя, т. е. электронных правовых отношений. В системе таких отношений значительную часть составляют гражданские электронные правоотношения. С развитием возможностей технологической среды, составляющей материальную основу Интернета, электронный обмен данными преобразовался из средства возникновения правоотношений в способ их существования. Этот процесс окончательно завершился с обновлением природы структурных элементов правоотношения в общем и гражданского правоотношения в частности.

Заключение

Таким образом, в науке общей теории права и науке гражданского права нет единого подхода к определению сущности гражданских правоотношений, возникающих и/или существующих в Интернете. В связи с этим предлагается использовать для их обозначения категорию «электронное гражданское правовое отношение», которая определяется как взаимная гражданско-правовая связь двух и более лиц по поводу имущественных, нематериальных или виртуальных благ, которая порождается обстоятельствами, возникающими и существующими в виртуальном пространстве (Интернете) и имеет место в виртуальном пространстве полностью или в существенной части, что опосредуется электронным обменом данными и вследствие чего характеризуется вненациональным характером.

Электронные гражданские правоотношения можно классифицировать:

I. По цели вступления на: а) *коммерческие электронные правоотношения*. Целью вступления в электронные гражданские правоотношения для таких субъектов является ведение коммерческой деятельности от продажи товаров или оказания услуг другим субъектам предпринимательства; б) *коммерческо-потребительские электронные правоотношения*. В таких правоотношениях, с одной стороны, коммерсант получает коммерческую выгоду, а с другой стороны – потребитель приобретает блага для личного, семейного, домашнего и иного подобного использования; в) *некоммерческие электронные правоотношения*. Некоммерческие электронные правоотношения подразделяются на *частные (в узком смысле) электронные правоотношения* (целью вступления в такие отношения является удовлетворение собственных потребностей) и *социальные электронные правоотношения* (осуществляются в интересах общества и государства).

II. По среде существования на: а) полностью электронные гражданские правоотношения, которые возникают и существуют только в виртуальном пространстве (например правоотношения по пользованию доменным именем); б) частично электронные

гражданские правоотношения, которые, в отличие от группы правоотношений, составляющих первый вид, порождаются юридическими фактами, имевшими место в Интернете, и в определенной части поведение субъектов переносится в материальную юридическую среду, либо одна часть прав реализуется и, соответственно, одна часть обязанностей выполняется в виртуальном пространстве, другая же – в материальном пространстве.

III. По правовой природе на: а) возмездные; б) безвозмездные. Безвозмездные электронные гражданские правоотношения можно подразделить на *абсолютно безвозмездные* и *относительно безвозмездные*. К абсолютно безвозмездным электронным гражданским правоотношениям относятся те, в которых одна сторона вообще не имеет каких-либо обязанностей, не связанных с предоставляемым ему благом, оказываемой ему услугой, выполняемой для него работой. Относительно безвозмездные гражданские правоотношения подразумевают возложение на субъекта нематериальной обязанности, как правило, не связанной с предоставляемым ему благом, оказываемой ему услугой, выполняемой для него работой. Относительно безвозмездные отношения, как правило, складываются для реализации субъектом, который передает благо, оказывает услугу или выполняет работу, маркетинговой политики его клиентов или его собственной.

IV. По объектам субъективных гражданских прав на: 1) *обязательственные*, к которым относятся отношения, вытекающие из договоров (купли-продажи, мены, дарения, возмездного и безвозмездного оказания услуг, подряда и др.) и совершения неправомерных внедоговорных действий (причинения вреда, неосновательного обогащения); 2) *квазивещные*, связанные с владением, пользованием и распоряжением виртуальными квазивещами, то есть электронными объектами, имеющими в виртуальном пространстве значение, аналогичное вещам в материальном пространстве; 3) *отношения интеллектуальной собственности*, складывающиеся по поводу использования объектов промышленной собственности, авторского права и смежных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Гражданское право в современную эпоху / С.С. Алексеев. – М. : Юрайт, 1999. – 40 с.
2. Алексеев, С.С. Об объекте права и правоотношения / С.С. Алексеев // Вопросы общей теории советского Права / С.С. Алексеев [и др.] ; под ред. С.Н. Братуся. – М. : Госюриздат, 1960. – С. 284–308.
3. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
4. Бабаев, В.К. Социалистические правовые отношения : учеб. пособие / В.К. Бабаев. – Владивосток : Боевая вахта, 1972. – 59 с.
5. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 176 с.
6. Александров, Н.Г. Правовые отношения в социалистическом обществе / Н.Г. Александров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1959. – 44 с.
7. Иоффе, О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении / О.С. Иоффе // Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М., 2000. – С. 649–695.
8. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. / О.С. Иоффе // Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М., 2000. – С. 508–648.
9. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 87 с.

10. Гражданское право : учебник для студентов вузов по спец. «Правоведение» : в 2 т. / А.М. Беляков [и др.] ; отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : БЕК, 1993. – Т. 1. – 383 с.
11. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М., 1974. – 351 с.
12. Пиантковский, А.А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного / А.А. Пиантковский // Сов. государство и право. – 1958. – № 5. – С. 25–36.
13. Советское гражданское право : учеб. для вузов : в 2-х т. / под общ. ред. О.А. Красавчикова. – М. : Высш. шк., 1985. – Т. 1. – 544 с.
14. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
15. Чигир, В.Ф. Сделки в гражданском праве. – Минск : Амалфея, 2006. – 172 с.
16. Гражданское право. : учебник / А.В. Каравай [и др.]; под ред. В.Ф.Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.
17. Витушко, В.А. Курс гражданского права / В.А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 1. – 413 с.
18. Тархов, В.А. Гражданское право: общая часть / В.А. Тархов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 331 с.
19. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 187 с.
20. Паферова, О.А. Рассмотрение в судах гражданских дел по спорам, связанным с нарушениями авторского права в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / О.А. Паферова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 21 с.
21. Малахов, С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Малахов ; Моск. открытый соц. ун-т. – М., 2001. – 21 с.
22. Малахов, С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Малахов. – Москва, 2001. – 173 л.
23. Якушев, М.А. Интернет и право / М.А. Якушев // Законодательство. – 1997. – № 1. – С. 66–79.
24. Горшкова, Л.В. Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л.В. Горшкова. – Москва, 2005. – 184 л.
25. Тедеев, А.А. Информационное право: право Интернета / А.А. Тедеев. – М. : Эксмо, 2005. – 301 с.
26. Горшкова, Л.В. Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л.В. Горшкова ; Моск. гос. юрид. академия. – М., 2005. – 30 с.
27. Макарова, Е.М. Проблемы правового регулирования использования Интернета в предпринимательской деятельности: автореф. дис. . канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.М. Макарова ; Моск. гос. юрид. академия. – Москва, 2007. – 22 с.
28. Рассолов, И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы : автореф. дис. . докт. юрид. наук : 12.00.14 / И.М. Рассолов ; Рос. правов. акад. Мин-ва юстиции Рос. Фед. – М., 2008. – 37 с.
29. Гражданское право : учебник : в 2 т. / А.В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2002. – Т.1. – 1008 с.
30. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Эталонный банк данных [Электронный ре-

сурс]. / Нац. правовой портал. - Минск, 2009. - Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10800455>. - Дата доступа : 25.06.2009.

31. Правовое регулирование хозяйственной деятельности : Учебник / А.В. Ананько [и др.] ; под общ. ред. В.А. Витушко, Р.И Филипчик. - Минск : Книжный Дом, 2009. - 832 с.

32. Правила регистрации и делегирования доменных имен в домене ВУ, утв. Приказом Государственного центра безопасности информации при Президенте Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 83 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. - 2006. - № 205. - 7/663.

33. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон Российской Федерации, 21 июл. 2005 г., № 94-ФЗ // Национальная Ассоциация участников электронной торговли [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.nauet.ru/docs.php?sub=13&news=50&p=0>. - Дата доступа : 25.06.2009.

34. Свердлык, Г.А. Гражданские правоотношения в Сети / Г.А. Свердлык, С.В. Малахов // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 53-54.

35. Соглашение о порядке предоставления бесплатных услуг белорусским порталом TUT.BY // УП «Надежные программы», 2000-2009 [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://profile.tut.by/newtut.html>. - Дата доступа : 25.06.2009.

36. Ананько, А.В. Электронные правоотношения как часть предмета науки и учебной дисциплины гражданского права // Юридическое, экономическое образование и наука на пороге нового тысячелетия : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 ноября - 01 дек. 2000 г. - Минск : БИН-С, 2001. - С. 67.

Ananko A.V. Essence and Kinds of Electronic Civil Legal Relations

The article defines the essence of the concept "electronic civil legal relation". The author has analyzed approaches and definitions of civil legal relation on the Internet and revealed blanks in the science of civil law concerning civil legal relations on the Internet; offered the author's category of "electronic civil legal relations"; analyzed legal nature of electronic civil legal relations; scientifically proved the concept of electronic civil legal relations; made classification of electronic civil legal relations.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.07.09

УДК 373.13(075.9)

В.С. Дуванова

ПРОЕКТНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАТЕМАТИКИ В 9-11 КЛАССАХ: ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье проводится обоснование целесообразности использования метода проектов при обучении математике учащихся старших классов. В основе метода проектов лежит развитие познавательных интересов учащихся, формирование умений самостоятельно конструировать знания, ориентироваться в информационном пространстве, анализировать полученную информацию, выдвигать гипотезы, принимать решения. В статье выделены темы по математике, которые можно изучать методом проектов, проведено структурирование учебного материала, сформулированы индивидуальные творческие задания.

Введение

Образование XXI века – это образование, стержнем которого является развивающая доминанта, что предполагает воспитание человека, способного к самообразованию и саморазвитию, умеющего критически мыслить, обрабатывать информацию, использовать знания для творческого решения возникающих проблем. Из школы должен выходить человек, который не только научился усваивать знания и использовать их на практике, но усвоивший также способы добывания этих знаний, грамотно обрабатывающий полученную информацию; обладающий критическим творческим мышлением, способностью к генерации новых идей, умеющий стратегически мыслить, принимать решения и осуществлять их реализацию.

Не менее важны для будущей продуктивной трудовой деятельности коммуникабельность, наличие умений налаживать контакты с представителями различных социальных групп, быстрая адаптация к изменениям, происходящим в обществе.

В настоящее время в обществе осознана необходимость модернизации учебных предметных сред вообще и предметной среды «математика» в частности; школа остро нуждается в строго научном проектировании и точном воспроизведении педагогических действий, гарантирующих успешное обучение и воспитание, направленных на реализацию поставленных задач. Острота проблемы усугубляется наличием противоречия между потребностью общества в большом количестве выпускников, усвоивших математику и способных творчески ее применять, и количеством учащихся, проявляющих интерес к ее углубленному изучению.

Ретроспективный анализ становления и развития проектного обучения

Идея внесения исследовательского стимула в обучение с целью повышения его успешности получила развитие в работах многих известных философов и педагогов. Еще французский философ Ж. Руссо советовал строить обучение ребенка на решении поставленных вопросов: «Пусть он узнает не потому, что вы ему сказали, а потому, что сам понял; пусть он не выучивает науку, а выдумывает ее».

В конце XIX столетия поиски западных педагогов были направлены на повышение эмоциональной привлекательности учения. Приверженцы гуманистического направления в философии и образовании обратили свое внимание на метод проектов как на способ преобразования абстрактного, оторванного от жизни знания, направленного на выучивание теоретических знаний, в систему школьного обучения, основанного на «делании»; организации целесообразной деятельности ученика как способа самостоятельного познания окружающей действительности. Наиболее полно идея извлечения

знаний из практической деятельности и личного опыта была реализована в реформе школьного образования, предложенной известным американским педагогом, психологом и философом Дж. Дьюи, теоретической базой которой была «прагматическая педагогика», получившая развитие в работах В.Х. Килпатрика и Э. Коллингса.

В России идеи проектного обучения также нашли своих последователей. В 1905 году под руководством С.Т. Шацкого была создана группа педагогов-исследователей, активно использующих проектирование при работе с детьми. Во многих регионах создавались и функционировали юношеские научно-технические общества и малые академии наук, деятельность которых в основном сводилась к реализации в среде старшеклассников модели функционирования академических исследовательских коллективов. В упрощенном виде реализовалась практика решения исследовательских задач в научно-исследовательских лабораториях.

В российской методике математики формируется новый подход, в соответствии с которым обязательным и основным этапом при обучении математике является наблюдение и эксперимент. Новый метод обучения получил названия: «практический, опытно-экспериментальный» (В.А. Герд), «естественно-научный» (А.П. Пинкевич), «опытно-показательный метод», «метод лабораторных уроков» (К.П. Ягодовский), «исследовательский» (Б.Е. Райков). Наиболее полно идеи метода проектов были реализованы А.С. Макаренко, разработавшего основы логики педагогического мышления. В 1930 году Наркомпрос утвердил программы, построенные на основе комплексов-проектов, в которых большое место отводилось практическим делам – «проектам». Однако бессистемность и чрезмерная прагматичность в обучении математике привели к тому, что выпускники не имели достаточной подготовки по математике для успешной учебы в вузах. В результате в 1931 году метод проектов получил осуждение в постановлении ЦК ВКП(б) и в течение полувека не использовался как самостоятельный метод обучения.

В начале XXI века в постсоветском образовательном пространстве возрождается интерес к методам обучения, основанным на становлении и развитии субъектной позиции учащихся. В учительской среде активно обсуждается проблема построения образовательного процесса, включающего в себя две основные черты: систематическую помощь саморазвитию и всестороннее развитие личности. Основное внимание уделяется моделированию в образовательном пространстве школы условий для становления и развития субъектной позиции учащихся. В исследованиях современных психологов (Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой, В.И. Слабодчикова, В.А. Лабунской и др.) доказано, что субъектная позиция человека проявляется в согласованной Я-концепции личности, в адекватной самооценке, в гибкой системе отношений с внешним миром, в ответственности за собственные поступки и жизнь, в стремлении к самореализации.

Методические вопросы организации проектно-исследовательской деятельности освещались в работах В.И. Гусева, В.А. Далингера, Г.И. Саранцева. Однако следует отметить отсутствие исследований по проблеме особенностей применения метода проектов при изучении математики. Мы поставили перед собой задачу восполнить имеющийся пробел.

В современном образовании Республики Беларусь сложились условия для востребованности метода проектов, особенно в связи с развитием идей стандартизации образования и с появлением и интенсивным развитием сетевых и информационно-коммуникационных технологий. В современной дидактике проектная деятельность используется как компонент системы образования, дополняющий другие виды обучения.

Организация проектной деятельности при изучении математики

В 2007–2008 годах под руководством кафедры методики преподавания математики была проведена опытно-экспериментальная работа исследовательской группы лицея № 1 г. Бреста по теме «Метод проектов в преподавании математики в профильных классах третьей ступени». К этому времени в лицее были созданы предпосылки для активного использования метода проектов в учебно-воспитательном процессе:

- педагогический коллектив добился определенных успехов в развитии общих учебных умений учащихся;
- был накоплен опыт применения адаптивного способа обучения и коллективных творческих дел;
- имелось необходимое на первом этапе методическое обеспечение;
- педагогический коллектив имел соответствующую мотивацию и в основном был подготовлен к инновационной деятельности;
- созданная исследовательская группа проявила заинтересованность в освоении метода проектов, в проведении экспериментальной работы.

Целью исследования являлось создание в процессе преподавания математики оптимальных условий для эффективного развития и самореализации личности каждого ученика на основе концептуальных идей метода проектов.

Реализация поставленной цели предполагала решение следующих задач:

- диагностика и оценка состояния учебно-воспитательного процесса в собственной педагогической практике;
- создание комплекса заданий для организации проектной деятельности учащихся при изучении отдельных тем математики;
- формулировка методических рекомендаций по использованию метода проектов при обучении математике на основе системного анализа и обобщения опытно-экспериментальной работы.

В качестве рабочей гипотезы были приняты следующие положения:

- использование метода проектов в процессе изучения школьного курса математики предоставляет возможность превратить абстрактную математику в интересную и лично значимую науку, имеющую практическое значение;
- проектная деятельность позволяет каждому ученику проявить самостоятельность и способствует формированию жизненных компетенций: гражданской, предпринимательской, социальной, коммуникационной, компетенции сбережения здоровья и других.

Исследовательская группа сформулировала основные требования к использованию метода проектов в обучении математике: наличие значимой в исследовательском или творческом плане проблемы, которая охватывает достаточно большой объем изучаемого материала и требует для своего решения исследовательского поиска; наличие интересных заданий. Большое значение при этом имеет также практическая, теоретическая, познавательная ценность прогнозируемых результатов; возможность организации самостоятельной (индивидуальной, парной, групповой) деятельности учащихся по достижению конечной цели проекта.

В результате обсуждения организации эксперимента на заседаниях педагогической мастерской «Метод проектов – педагогика сотворчества» и анализа материалов панорамы-презентации, где было представлено методическое обеспечение использования метода проектов при изучении математики, были предложены темы для организации проектного изучения. Перечислим их: арифметическая и геометрическая прогрессии – творческое название проекта «Из прошлого в настоящее»; тригонометрические функции – творческое название «Инженерное проектирование при изучении тригонометрии»; многогранники – творческое название «Мировая гармония»; тела вращения –

творческое название «Совершенные строения в саду геометрии». Остановимся более подробно на проекте изучения геометрической прогрессии в девятом классе.

Тип проекта – исследовательский.

Деятельность учащихся направлена на решение проблемы, результат которой заранее неизвестен. Проект по своей структуре аналогичен научному исследованию: постановка проблемы; планирование поисково-исследовательских действий; сбор информации, анализ, подготовка и оформление результатов проекта; публичная презентация результатов; рефлексия; формулировка выводов.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что история прогрессий берет свое начало в глубокой древности. Наиболее существенный вклад в развитие учения о последовательностях внесли древние греки. В настоящее время последовательности используются фармацевтами, строителями, музыкантами, гомеопатами. При подготовке проекта учащиеся получают возможность приобретения знаний из различных областей и источников, приобщаются к получению реального, имеющего социальный и личностный смысл результата.

На подготовительном этапе осуществления проекта обсуждалась идея подготовки проекта, определялись правила работы, текущая отчетность, формировались группы и распределялись задания. Всего была сформировано семь групп, которые получили следующие задания:

- собрать исторические сведения о последовательностях;
- разработать уроки по изучению арифметической прогрессии;
- разработать уроки по изучению геометрической прогрессии;
- инсценировать легенду о шахматной доске (по Я. Перельману);
- исследовать использование чисел Фибоначчи в живой природе (золотая пропорция);
- разработать урок по изучению бесконечно убывающей геометрической прогрессии;
- исследовать возможности использования прогрессий в технике, промышленности и медицине.

Кроме этого, были выбраны координатор проекта и технический редактор. Роль координатора – провести обмен мнениями по реализации проекта, оценить степень готовности групп. В обязанности технического редактора входило осуществление выбора макета и шаблона компьютерного оформления, помощь в подготовке мультимедийных презентаций.

Результаты учебной деятельности учащихся по данной теме, наблюдения за ходом работы на этапе подготовки проекта и на этапе презентации полученных результатов позволяют сделать вывод, что проектная деятельность формирует не только знания по предмету, но и способствует формированию общеучебных умений. Прежде всего, это умения выдвигать гипотезы, формулировать проблемы, искать пути их решения, устанавливать причинно-следственные связи, обобщать, систематизировать знания, аргументировать выводы.

Приведем высказывание одного из участников проекта, которое отражает настроение всех учеников класса: «Работа над проектом дала мне возможность лучше усвоить материал по данной теме, узнать о практическом применении прогрессий, решать интересные задачи.

Хотелось бы также отметить, что учение о прогрессиях, как и прогрессии, бесконечно. И может быть, открыв что-то новое, мы получим ту формулу, которая давно интересовала человечество и которая даст нам новые, более совершенные технологии в науке и технике».

В 11 классе методом проектов изучалась тема «Тела вращения» (тип проекта – информационно-прикладной). На этапе подготовки проекта класс разбивался на творческие группы по 7–9 человек, каждой творческой группой формулировались цели проекта. В результате организационной работы были выделены три крупные темы по изучению цилиндра, конуса и сферы, определена структура содержания учебного материала. Например, по теме «Цилиндр. Его элементы. Сечения цилиндра. Площадь поверхности. Объем» были выделены пять блоков: историческая справка; использование цилиндра в различных областях человеческой деятельности; вывод формул объема цилиндра (применение интеграла) и площади поверхности цилиндра (применение теории пределов); решение задач на комбинацию цилиндра и призмы, цилиндра и пирамиды. Кроме этого, предполагалось создание итогового теста по теме и выполнение творческих индивидуальных заданий. Аналогичная структура изучения материала предлагалась и по двум другим темам.

На этапе презентации проектов наибольший интерес вызвали индивидуальные творческие задания: великая задача древности (удвоение куба); конические сечения Аполлония; конус и баллистика; компьютерная модель психологического состояния человека; сферическая геометрия; задача о 14 «целующихся шарах»; шар и египетская мифология и другие.

Заключительным этапом работы творческой группы была диагностика эффективности экспериментальной работы, анализ динамики уровня самостоятельности учащихся, их ответственности за процесс и результаты учения.

В качестве ведущих критериев анализа и оценки эффективности экспериментальной работы творческой группы были выделены следующие показатели.

1. Критерии реализации и самореализации личности школьника:

- динамика положительной школьной мотивации учащихся;
- обновление системы ценностей;
- динамика интересов и потребностей учащихся;
- уровни самостоятельности и самодеятельности;
- динамика рефлексивной самооценки;
- уровни достижений (успешность учения, динамика развития общих учебных умений и навыков, статус в коллективе, продуктивность межличностного общения);
- уровень преодоления затруднений (в личностном самоопределении и самореализации, в общении, в физическом и психическом развитии).

2. Критерии личностного роста педагогов:

- динамика развития инновационного мышления;
- продуктивность экспериментальной деятельности;
- уровни достижений (успешность предметной деятельности, наличие авторских разработок);
- умение работать в команде;
- уровни преодоления профессиональных затруднений, барьеров общения, трудностей экспериментального исследования.

3. Критерий нравственной и социальной защищенности педагогов и учащихся:

- чувство собственного достоинства;
- толерантность;
- готовность к преодолению трудностей;
- культура делового общения.

Уровень и качество решения намеченных задач глубоко и всесторонне обсуждался на заседаниях методического объединения учителей математики г. Бреста. Панограма опыта подготовки проектов по математике была представлена на научно-практической конференции учащихся лицея.

Общий вывод, который сделан в результате обсуждения: проектное обучение позволяет сосредоточиться на создании творческого окружения, на организации глубокого понимающего общения школьников между собой и с учителем, что создает атмосферу самостоятельности и сотрудничества.

Выводы

Реализация метода проектов как одного из видов педагогики сотрудничества перспективна при изучении математики; данная форма организации изучения материала вызывает неподдельный интерес, повышает результативность урока.

В процессе подготовки и осуществления проектов у учащихся формируются умения по самостоятельному добыванию и осмыслению новых знаний, их систематизации и структурированию.

Благодаря работе над проектами развиваются следующие способности учащихся: самостоятельность мышления, инициативность, генерирование идей.

В процессе проектной деятельности формируются умения ставить и решать проблемы, устанавливать причинно-следственные связи, систематизировать и обобщать знания.

Работа над проектами помогает развивать лидерские качества и коммуникабельные способности учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, Е.Н. Метод проектов в обучении математики / Е.Н. Антонова // Математика. – 2008. – № 13. – С. 48.
2. Полат, Е.С. Новые педагогические информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат [и др.]. – М. : Академия, 2001. – 272 с.
3. Запрудский, Н.И. Современные школьные технологии / Н.И. Запрудский. – Минск : Р-ВИТ, 2006.
4. Концепция модернизации образования на период до 2010 года // Официальные документы в образовании. – 2002. – № 4. – С. 3–31.

Duvanova V.S. Design Studying of Mathematics at 9-11 Classes: Skilled-Experimental Aspect

There is substantiation of expediency method of project usage at mathematical training for senior pupils, carried out in the article. The method of project is based on the development of pupils cognitive interests, the formation of the abilities to construct knowledge material independently, to orient in the information space, to analyze the received information, to hypothesize and make decisions. The article contains the specific themes in mathematics (for senior pupils), which can be studied by the project method, the authors have carried out teaching material structurization and formulated individual creative tasks.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.10.09

УДК 378.14:51

О.Н. Пирютко**ПОРТФОЛИО СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ВУЗА КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена актуальной проблеме современной теории обучения будущих учителей математики, в частности, организации индивидуальной траектории развития студентов в сфере их профессионального становления. Акцентируется внимание на портфолио студентов как основном средстве решения указанной проблемы; теоретически обоснована эффективность использования портфолио студентов математического факультета с позиций системного подхода. Практическая часть исследования представлена различными моделями портфолио, разработанными студентами, а также их содержательным материалом (например, разделы математики, которые в школьном курсе не рассматриваются). Выделены различные направления индивидуальной траектории развития студентов, которые находят отражение в конкретных видах портфолио. Инновационными являются представленные методические приемы, основанные на привлечении личного опыта студентов (например, метафоры как «дидактический посредник» в обучении математике). Содержание статьи будет интересно методистам, учителям математики и студентам педагогических специальностей.

Ключевые слова: портфолио, системный подход, самоконтроль, технология, развитие.

Введение

На современном этапе развития математического образования система подготовки учителей математики в педагогическом вузе требует применения различных технологий, которые ориентированы на индивидуальную траекторию профессионального развития студента. Существенные различия в уровне математической подготовки поступивших на математический факультет, в понимании сущности профессиональной деятельности учителя, в готовности к восприятию, переработке и применению информации, в возможностях творческого подхода к реализации поставленных задач требуют разработки индивидуальных траекторий развития студентов. Технология поэтапного формирования портфолио студента позволяет построить и реализовать его индивидуальную траекторию развития.

Понятие «портфолио» применимо к различным сферам человеческой деятельности, что можно объяснить неоднозначностью используемых определений указанного понятия. Портфолио (в переводе с итальянского) означает «папка с документами», «папка специалиста».

Портфолио (в самом широком смысле слова) можно трактовать как:

- способ фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений человека в определенный период его работы (обучения);
- коллекция работ и результатов человека, которая демонстрирует его усилия, прогресс и достижения в различных областях.

В настоящее время понятие «портфолио» чаще всего соотносят со сферой образования. Традиционно портфолио понимается как набор работ, в котором выражаются индивидуальные достижения студента. На сегодняшний день существуют многообразные определения этого понятия и его функций. Мы будем рассматривать портфолио как современную образовательную технологию, в основе которой используется метод аутентичного оценивания результатов образовательной и профессиональной деятельности.

Определяя портфолио как одну из технологий профессионального обучения, С.И. Заир-Бек, И.О. Загашев в монографии «Критическое мышление: технология развития. Перспективы для высшего образования» отмечают, что в современной педагогической практике различают портфолио разных видов: практико-ориентированные (в ос-

нове – анализ практической деятельности); проблемно-ориентированные (в основе – решение проблемы); тематические (в основе – анализ различных аспектов темы) [1, с. 266].

Считаем целесообразным детализировать типизацию портфолио (в зависимости от целей создания):

– «Портфолио документов» – рассматривают как портфель сертифицированных (документированных) индивидуальных образовательных достижений;

– «Портфолио работ» – представляет собой собрание различных творческих, проектных, исследовательских работ студента, а также описание основных форм и направлений его учебной и творческой активности;

– «Портфолио отзывов» – включает в себя характеристики отношения студента к различным видам деятельности, представленные преподавателями, тьюторами, возможно, одноклассниками, работниками системы дополнительного образования, а также письменный анализ самого студента своей конкретной деятельности и ее результатов;

– «Проблемно-исследовательский портфолио» – связан с написанием реферата, научной работы, подготовкой к выступлению на конференции;

– «Тематический портфолио» – создается в процессе изучения какой-либо большой темы, раздела, учебного курса.

Однако об использовании портфолио в вузе говорят лишь отдельные документы и факты, информация носит, скорее, проблемный или проектный характер, чем описательный и методический. Поэтому, рассматривая тему использования портфолио в вузе, можно говорить лишь о практике, а не о методических и нормативных разработках.

Некоторые рекомендации по структуре, оформлению и презентации портфолио предложены в литературе [2]. Но технология формирования портфолио, направленного на профессиональное становление студентов на различных этапах учебной деятельности и различных уровнях учебных достижений, не разработана.

Каким образом индивидуализировать подготовку студента, переведя обучаемого из плоскости объекта, на который направлены усилия преподавателя, в пространство субъекта, осознающего все этапы саморазвития, точно ориентированного на достижение реального, определенного результата? Полнота контроля и самоконтроля во многом зависят от того, как обучаемый представляет результат, каков у него образ результата действия, насколько он видит пространство возможных затруднений, проблем, ошибок. Зачастую «образом» будущей профессии служит любимый учитель, а пространством действий – организация внеучебных мероприятий. В системе комплексной подготовки студента к будущей профессиональной деятельности реализуются многие направления. В курсах элементарной математики и методики преподавания математики в качестве основных выделяются следующие базовые линии: создание теоретической базы математического образования будущего учителя математики; формирование навыков решения задач элементарной математики и обобщенных приемов познавательной деятельности; формирование методических знаний, соответствующих современным тенденциям математического образования; достижение достаточной степени компетентности в решении теоретических и практических задач школьного математического образования.

Для поэтапной проверки готовности студента к педагогической деятельности учителя математики на кафедре математики и методики преподавания математики БГПУ имени М. Танка применяется портфолио студента двух видов:

– с представлением на первом экзамене (перед учебной педагогической практикой);

– с представлением на последнем курсовом экзамене (перед производственной педагогической практикой).

Экзамен по методике преподавания математики не может быть просто формальной проверкой знаний по двум-трем вопросам билета. Необходима полная характеристика определенного этапа развития и становления будущего учителя математики, которая предполагает и оценку саморазвития, и самоконтроль. Но саморазвитие, самоконтроль при традиционных формах контроля присутствуют крайне ограниченно, выражены, как правило, в формальном подсчете среднего балла успеваемости.

Технология создания портфолио как средства создания индивидуальной траектории развития, контроля и корректировки ее на различных этапах обучения представляет собой оформленный результат пролонгированного процесса организации различных видов деятельности студентов (исполнительской, творческой, аналитической, инновационной), способствующих как формированию компетентности учителя математики, так и развитию его исследовательских умений.

Организация работы над портфолио проводится с первого курса. После вводных занятий по элементарной математике преподаватель знакомит студентов с обоснованием и методикой работы над портфолио, предоставляет практические рекомендации по его составлению. Студенты определяют цели составления и оформления портфолио, планируют свою деятельность по исследованию проблемы, затем в течение семестра работают над портфолио в соответствии с личным планом.

Система предлагаемых заданий на первом курсе касается, прежде всего, накопления содержательного материала и набора первоначальных методических приемов, которые позже, при изучении систематического курса методики преподавания математики, будут осознаны как элементы сложной системы методических знаний.

Содержательный материал касается, во-первых, системы задач для изучения некоторых разделов элементарной математики, которые в школьном курсе не рассматриваются. Например, «Метод математической индукции», «Доказательство неравенств», «Делимость многочленов», «Геометрические неравенства» – это, с одной стороны, сложные для изучения вопросы, а, с другой стороны, они необходимы (в силу своей роли) для становления математической культуры студента.

Во-вторых, начинает создаваться база интересных, оригинальных задач по всему курсу элементарной математики. Основное требование к набору задач – приведение решений каждой задачи возможно большим числом способов, выделение нестандартных приемов решения.

Методические приемы при решении задач и формировании новых знаний касаются накопления когнитивных схем с использованием личного опыта студентов. Например, одним из приемов привлечения личного опыта студентов, является использование метафоры как «дидактического посредника» в обучении математике. Метафоры образуют непредсказуемые межфреймовые связи большой эвристической силы, обеспечивающие концептуализацию определенного фрагмента действительности по аналогии с уже сложившимися системами понятий.

Примеры метафор.

1. Учащиеся (студенты первого курса) допускают ошибки, полагая, что иррациональные числа – это числа вида \sqrt{n} , где n – натуральное число, не являющиеся точным квадратом. Показывая, что любая бесконечная непериодическая дробь есть иррациональное число, целесообразно привести следующую метафору: если представить, что рациональные точки не пропускают лучи солнца и поставить прямую на пути солнечных лучей, то окажется, что лучи пробиваются почти сплошь через всю прямую (метафора Н.Н. Лузина).

2. Дискриминант квадратного уравнения – «светофор». Три состояния светофора соответствуют числу корней квадратного уравнения.

3. Прием подведения под понятие (формулу) – «снять маску» например, увидеть квадрат двучлена в выражении $4 + 2\sqrt{3}$.

Следующий этап в формировании содержания портфолио связан с участием студентов в работе «Проблемных групп». Студенты-участники «Проблемной группы» вовлекаются в исследовательскую деятельность. Проблемно-поисковые методы работы в указанных группах реализуются через предъявление исследовательского задания для каждого участника и последующего обсуждения результата исследования и умения его представить (с использованием компьютерных технологий). Исследовательские задания составляют значительную и важную часть портфолио и носят индивидуальный характер.

Большая часть студентов пополняют портфолио различными исследовательскими проектами, представленными на занятиях проблемных групп. Ряд студентов продолжают работу над выбранной темой, выступают на конференциях, имеют публикации в сборниках материалов конференций, поэтому портфолио включает авторские исследования.

Следующий этап в создании портфолио связан с систематическим изучением курса «Методика преподавания математики». Этот этап создает предпосылки для формирования индивидуального познавательного, профессионального стиля студента. Содержательная сторона его связана, прежде всего, с реализацией закономерностей методики преподавания математики на различных этапах формирования знаний учащихся. Поэтому портфолио наполняется подробными конспектами фрагментов уроков по формированию математических понятий, доказательству теорем, системой задач по переносу сформированных знаний в различные измененные условия с полным анализом выполнения учебных задач. По мере накопления методических знаний возникают различные направления индивидуальной траектории развития студента, которые находят отражение в портфолио. К ним относятся:

- 1) разработки конспектов уроков различных по форме и содержанию (с точным учетом закономерностей мышления, памяти, индивидуальных способов переработки информации учащихся);
- 2) создание базы различных форм уроков: игр, дискуссий, соревнований (например, «Праздник знаний», «Математический аукцион», «Математический бал»);
- 3) создание базы игровых элементов на уроках, дидактических игр;
- 4) набор различных видов и примеров анализа уроков;
- 5) база материалов для проведения внеклассных мероприятий;
- 6) памятки для оформления документации;
- 7) разработки когнитивных схем;
- 8) разработки уроков с применением компьютерных технологий;
- 9) дискуссионные материалы по основным направлениям математического образования.

Таким образом, к первой педагогической практике студенты приходят с необходимым багажом переработанной и систематизированной информации.

Результаты практики позволяют студенту корректировать собственный познавательный теоретический и практический опыт. Дальнейшее формирование портфолио соответствует новой ступени развития студента в профессиональном статусе. Располагая собственным практическим опытом, обучаемые корректируют содержания портфолио, выбирают определенные линии, требующие проработки и наполнение содержательным практическим и теоретическим материалом. К таким направлениям относятся:

- 1) перспективы и оптимизация встраивания в учебный процесс компьютерных технологий;
- 2) методика организация исследовательско-поисковой деятельности школьников;

- 3) методика организации учебного исследования;
- 4) методика подготовки учащихся к централизованному тестированию.

Строгих требований к структуре портфолио не предъявляется, поскольку в педагогической практике разработан целый ряд моделей портфолио. К ним относятся: портфолио документации, портфолио процесса, портфолио «показательный», оценочный портфолио. В их основе лежат общие принципы, характерные для аутентичного оценивания, как вида оценивания, применяющегося, прежде всего, в практико-ориентированной деятельности и предусматривающего оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях помещения ее в ситуацию, максимально приближенную к требованиям реальной жизни – повседневной или профессиональной. Такой ситуацией для студента педагогического вуза является педагогическая практика и непрерывная подготовка к ней в системе образовательного процесса.

В нашей практике, ориентированной на профессиональное становление и рост будущего учителя математики, модели портфолио корректируются, дополняются новыми разделами в соответствии с инновационными образовательными процессами, структурируются по мере изменения приоритетных направлений, выбранных студентами в индивидуальной образовательной траектории.

Приведем пример модели портфолио студентки 503 группы Жук Людмилы. Он состоит из 109 компонентов по разделам:

1. Учебные программы, школьная документация (5 пунктов).
2. Анализ урока (различные схемы и виды) (7 пунктов).
3. Конспекты уроков по различным темам, составленные самой студенткой и другими студентами группы с анализами уроков и презентациями (20 пунктов).
4. Разработанные презентации наиболее сложных разделов школьного курса математики (стереометрия) (5 пунктов).
5. Дидактические игры на уроках математики (10 пунктов).
6. Конспекты уроков по различным темам из методической литературы (10 пунктов).
7. Системы упражнений и задач по различным разделам элементарной математики (12 пунктов).
8. Материалы математических конкурсов и олимпиад (8 пунктов).
9. Статьи по актуальным вопросам методики преподавания математики из журналов и сборников научных работ (11 пунктов).
10. Когнитивные схемы в методических пособиях (9 пунктов).
11. Разработки исследовательских проектов в «Проблемной группе» (12 пунктов).

Выделим еще несколько важных (с точки зрения практической реализации) аспектов применения портфолио.

Во-первых, в системе работы с портфолио выяснилась его востребованность учителями-руководителями педагогической практики студентов. Материалы портфолио для них стали источником знакомства с современными направлениями методической науки.

Во-вторых, акцентируется вопрос оценки тех или иных достижений (результатов), входящих в портфолио, а также всего портфолио в целом, либо за определенный период его формирования. Практика показывает, что используется как качественная, так и количественная оценка. Итоговая оценка портфолио может определяться максимальным баллом за один из его компонентов; она может быть интегральной, включающей максимальные баллы всех компонентов. Современное состояние проводимого исследования характеризуется поиском оптимальной системы оценки портфолио студентов-математиков по курсам профильных дисциплин.

Заклучение

Таким образом, построение индивидуальной траектории развития студента через поэтапное формирование портфолио является эффективной технологией профессиональной подготовки будущих учителей математики, методом оценки и контроля и самоконтроля профессионального становления студента, способом организации его самостоятельной, творческой деятельности. Определяя портфолио как одну из технологий профессионального обучения, мы не сводим работу студентов над ним к формальному накоплению материала. Мы рассматриваем данный вид деятельности как необходимую составляющую подготовки студентов, которая способствует формированию умений студента планировать свое развитие, анализировать собранную информацию, реализовывать разработанные проекты самостоятельного исследования обозначенного вида деятельности в личной педагогической практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загашев, И.О. Критическое мышление: технология развития / И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек. – СПб., 2007.
2. Гуляева, С.П. Портфолио: рекомендации по созданию и использованию в предпрофильной подготовке / С.П. Гуляева. – Новокузнецк : Изд-во МОУ ДПО ИПК, 2005. – 73 с.

Pirutco O.N. Portfolios of Students of the Pedagogical University as an Individual Way of Professional Formation and Development

The main question of this article is the study of an effective direction for the professional education of students taking into account the individual features of their development. As a main tool we consider the systematic approach to the work with portfolios of students of the faculty of mathematics. We point out the main elements of portfolios on different levels of educational and professional progress of students, as well as various relations between these elements.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.10.09

УДК 378.147.88(07)

Е.Д. Осипов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С СЕМЬЕЙ УЧАЩЕГОСЯ НА ИНТЕГРАТИВНОЙ ОСНОВЕ

В статье раскрыты теоретико-методологические основы проектирования содержания обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей, прежде всего сущность общенаучных категорий проектирования (цель, этапы, стратегия, структура объекта), его принципы. Дана характеристика комплексной профессионально-образовательной программы (КПОП) как результата проектирования. Проанализированы цели и задачи, содержание каждого центра КПОП, которые задаются «лидирующей дисциплиной» в рамках расширенного образовательного пространства. На теоретическом и эмпирическом уровнях обоснована интеграция содержания учебного материала как по горизонтали, так и по вертикали на основе принципов целезадачности, целостности, комплексности, концентричности, вариативности и др.; представлена стратегия проектирования содержания обучения студентов взаимодействию с семьей, направленная на развитие их профессиональных компетенций в исследуемом виде педагогической деятельности.

Введение

Проблема содержания профессионального образования широко обсуждается на страницах печати (В.В. Буткевич, А.И. Жук, О.Л. Жук, И.И. Казимирская, В.А. Капранова, А.В. Макаров, А.Н. Сендер, И.И. Цыркун и др.). Вопрос состоит в том, соответствует ли современное содержание обучения в вузе заказу государства, общества, образовательной практике? Однозначного ответа нет, но данный дискурс поднимает проблему совершенствования содержания обучения, особенно по тем направлениям педагогической деятельности, которые не представлены соответствующими дисциплинами в учебном плане, недостаточно обозначены в образовательных стандартах, что «высветилось» при анализе подготовки выпускников к взаимодействию с семьей.

Конкретизация целей и задач профессиональной подготовки педагогов задает многообразие условий ее модернизации, которые объединены учеными в группы: педагогические, организационно-педагогические, дидактические и др. В соответствии с целью исследования важно определить необходимые и достаточные из них, реализация которых обеспечивает успешное функционирование системы компетентностно ориентированного обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей. При этом мы основывались на философской позиции, что достаточным считается то условие, которое гарантирует осуществление события, а необходимым – условие, отсутствие которого препятствует осуществлению того или иного события [1, с. 61]. Данные условия рассматриваются нами как требования, выполнение которых обеспечивает результативность обучения педагогическому взаимодействию с семьей. Выделены следующие из них: проектирование содержания обучения на интегративной основе; реализация профессионально-ориентированной технологии; научно-методическое обеспечение компетентностного обучения, диагностическое сопровождение данного процесса. В статье остановимся на рассмотрении реализации первого из условий.

Научный руководитель – А.Н. Сендер, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Комплексная профессионально-образовательная программа как объект проектирования содержания обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей

Проектирование – это одно из инновационных направлений модернизации профессиональной подготовки будущего педагога: способствует, как отмечают исследователи, построению развивающей образовательной практики, образовательных программ и технологий, способов и средств педагогической деятельности [2], созданию идеального описания будущего объекта, предшествующего его реализации [3]. Результатом проектирования в нашей работе явилась экспериментальная комплексная профессионально-образовательная программа (КПОП), ее научно-методическое обеспечение, сущность которой в следующем:

- нацелена на развитие профессиональных компетенций студентов;
- включает в себя необходимые и достаточные компоненты компетентностно ориентированного обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей;
- базируется на учебной и внеучебной деятельности будущих педагогов, представленной инвариантным и дополнительно-вариативным компонентами;
- имеет концентрическую форму.

Поскольку «взаимовлияние содержательной и процессуальной сторон обучения протекает в двух планах» – педагогическая действительность и план отражения [4, с. 75], причем второй допускает абстрагирование содержания обучения, представляет его идеализированную форму в виде учебных программ, учебников и т. п., то это позволило нам выделить для первоначального анализа содержательный компонент КПОП, который является определяющим в управлении процессом обучения (выбор форм, методов, технологий и т. п.).

Основываясь на идеях В.В. Краевского, В.В. Серикова, В.И. Слободчикова и др., проектирование содержания обучения осуществлялось на трех уровнях: теоретического представления; учебной дисциплины; учебного материала. В связи с этим особую актуальность для нас представляли исследования, в которых ученые (М.П. Горчакова-Сибирская, Л.И. Гурье, И.А. Колесникова, Н.А. Масюкова, Ю.Г. Татур и др.) раскрывают теоретико-методологические основы педагогического проектирования. Прежде всего, это «определение общенаучных категорий проектирования (цель, этапы, стратегия, структура объекта проектирования); установление принципов проектирования, учитывающих сложность и специфические особенности образовательных систем и процессов» [5, с. 11].

С учетом вышеизложенного, первоначальная задача рационализации содержания обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей виделась нами в определении цели данного процесса, ориентированного на определенный результат. При этом учитывалась позиция В.Д. Шадрикова, выделившего в проектировании два вида цели: цель-образ (непосредственно направляющая и регулирующая деятельность на всем ее протяжении); цель-задание – регулирующая деятельность через конечный результат [6, с. 32].

Реализация второго аспекта в постановке цели осуществлялась с ориентацией на уровень подготовленности выпускника, представленный профессиональными компетенциями. Как свидетельствует анализ литературы, образовательной практики, слишком общее представление целей затрудняет их сравнение с конечным результатом обучения. Поэтому важно осуществлять «таксономическое построение целей» через результаты обучения [3], что представлено на примере первичного уровня декомпозиции целей (рисунок 1).

Рисунок – 1 Декомпозиция целей первого уровня на основе результатов обучения в форме профессиональных компетенций

С учетом заданных целей важно четко определить, что студент должен знать, уметь, какими компетенциями владеть. Для описания этого результата целесообразно использовать глагольную форму, что требует конкретизации компетенций от одного уровня к другому на основе операционализации целей обучения. Продемонстрируем данную мысль на примере группы проективных компетенций (рисунок 2).

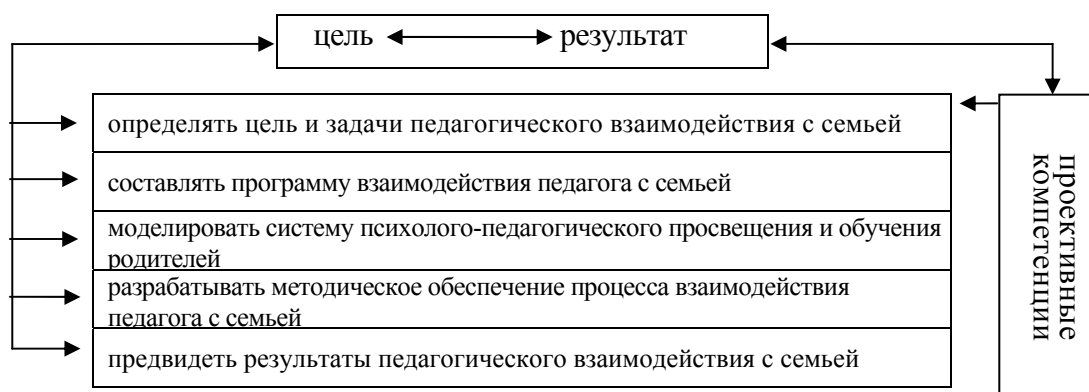

Рисунок – 2 Декомпозиция целей второго уровня на основе результатов обучения в форме профессиональных компетенций

Целям и задачам исследования при проектировании содержания КПОП, ее научно-методического обеспечения наиболее соответствовали такие подходы, как системно-структурный, интегративный, контекстно-деятельностный, компетентностный.

Применение системного подхода основывалось на положениях общей теории систем (А.Н. Аверьянов, В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин и др.), основополагающих позициях ученых в определении сущности данного подхода к тем или иным явлениям, процессам (М.С. Каган, А.П. Лобанов, Б.Ф. Ломов и др.). Системность как принцип по отношению к педагогическому процессу анализировалась на основе работ В.И. Загвязинского, В.В. Краевского, И.Я. Лернера, М.М. Поташника и др., а применительно к вузовскому обучению – А.И. Жука, О.Л. Жук, И.И. Казимирской, Н.И. Мицкевича, Н.К. Степаненкова, В.П. Тарантея, И.Ф. Харламова, И.И. Цыркуна, В.Т. Чепикова, В.В. Чечета и др. С учетом проведенного анализа системный подход был направлен на исследование содержательного компонента обучения как системного явления, интеграции и декомпозиции его компонентов, предполагающих внутренние и внешние связи, изучение которых осуществлялось на основе струк-

турного подхода (В.В. Краевский, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, Ю.Г. Татур и др.). С данным подходом тесно связан интегративный.

В толковании сущности интеграции содержания обучения педагогическому взаимодействию с семьей мы руководствовались определением, в котором интеграция интерпретируется как «процесс и результат взаимодействия его структурных компонентов, сопровождающихся ростом системности и уплотненности знаний учащихся» [7, с. 8]. При этом учитывалась ведущая методологическая позиция ученых (М.Н. Борулава, Н.А. Масюкова, Н.И. Мицкевич и др.), рассматривающих системный подход как основу интеграции содержания обучения, его интегративность как неотъемлемую характеристику системы, предполагающую тесную взаимосвязь ее элементов.

Что касается контекстного подхода к обучению, то представляет интерес позиция А.А. Вербицкого, заключающаяся в том, чтобы вводимые преподавателем понятия или положения перестраивали структуру прошлого опыта студента и просматривались бы содержательные связи данного опыта с ситуациями будущей профессиональной деятельности [8]. Данная позиция способствовала в исследовании соединению предметного и социального содержания профессиональной деятельности, на что нацеливает компетентностный подход, главной интенцией которого является практико-ориентированная направленность процесса обучения в высшей школе с одной стороны, а с другой, компетентностное обучение основано на компетенциях как конечном его результате (В.И. Байденко, О.Л. Жук, О.Е. Лебедев, А.В. Макаров, В.Т. Федин, А.В. Хуторской и др.).

На основе очерченных теоретико-методологических подходов нами конкретизированы принципы проектирования содержания КПОП:

1) целезаданности, то есть объединения содержания обучения вокруг общей цели – развитие профессиональных компетенций, в совокупности представляющих системную профессиональную компетенцию как образовательный результат, который, в свою очередь, выступает системообразующим фактором в выстраивании учебного материала;

2) комплексности, предполагающей создание программы, на основе которой строится компетентностно ориентированное обучение студентов педагогическому взаимодействию с семьей с учетом их учебной и внеучебной деятельности;

3) целостности – сочетания инвариантного и дополнительно-вариативного компонентов содержания обучения (расширенное образовательное пространство) по направлению «педагогическое взаимодействие с семьей»;

4) концентричности – распределения содержания учебного материала по центрам, вычленения предмета познания в каждом из них, постепенного «погружения» студента в учебно-профессиональную деятельность с целью накопления знаний и умений, практического опыта;

5) вариативности – предоставления студенту возможности на основе нормативного содержания обучения (учебный план, учебная программа и т. п.) выстраивать «индивидуальную образовательную программу» с учетом того, что «образовательные программы в соответствии с внутренними и внешними целями подразделяются на общие для всех и индивидуальные для каждого, которые взаимосвязаны: общая включает индивидуальную, которая корректирует общую» [9, с. 85];

6) профессиональной ориентированности содержания обучения, базирующейся на выделении и объединении прикладного компонента учебных дисциплин.

КПОП имеет уровневые ступени, «ярусы» (В.В. Краевский), представленные тремя центрами, в каждом из которых «ядром» выступает одна из «лидирующих дисциплин» инвариантного или дополнительно-вариативного компонентов, объединяющая вокруг себя всю учебную информацию. На ознакомительно-адаптационном этапе (1–2 курсы) – «Педагогика», на адаптационно-преобразующем (3–4 курсы) – спецкурс «Педагогика семьи», на деятельностно-творческом (5 курс) – практикум «Основы педагогического взаимодействия школы и се-

мы». При этом системообразующей основой проектирования программы концентрической формы явился принцип «сквозной трансдисциплинарной интеграции» (С.Г. Наговицын, Ю.Н. Семин и др.) знаний, умений, исследуемых профессиональных компетенций.

В первом концентре программы предполагалось создание условий для:

- осмысления студентами роли семьи в воспитании и социализации личности;
- ознакомления с функциональной обязанностью будущего педагога по направлению «педагогическое взаимодействие с семьей»;
- осознания необходимости овладения профессиональными компетенциями в сфере педагогического взаимодействия с семьей;
- создания личностно-образовательных ситуаций, способствующих включению студента в апробацию приобретенных знаний и умений, соответствующих ознакомительно-адаптивному уровню развития профессиональных компетенций.

Содержание обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей интегрировалось нами на макроструктурном (единство инвариантного и дополнительно-вариативного компонентов), микроструктурном (связь структурных элементов учебной дисциплины, вариативных учебных ситуаций и т. п.) уровнях. Особая роль при этом уделялась установлению межпредметных связей как на уровне горизонтальной, так и вертикальной интеграции. Реализации данной позиции способствовало исследование В.Н. Максимовой, которой обоснована теория интеграции содержания обучения на уровне межпредметных связей, особенно способов их осуществления: координации межпредметных знаний; согласованности и преемственности учебных программ; комплексирования материала вокруг общих идей и объектов познания [10].

Комплексность программы обеспечивалась единством, взаимодополнением инвариантного (учебные дисциплины, педагогическая практика, курсовые и дипломные работы) и дополнительно-вариативного (НИРС, спецкурс, практикум; участие в деятельности «волонтерских групп» и др.) компонентов за счет расширения образовательного пространства «вуз – школа – семья».

Поскольку с позиции теории научного анализа обучения важно, как отмечает В.В. Краевский, обоснование не самой деятельности обучения, а ее проекта [4, с. 57], в нашем случае – КПОП, обратимся ко второму ее концентру, основная цель и задачи которого состояли в расширении учебных возможностей для студента через содержание обучения, предполагающее:

- ознакомление с тенденциями развития современной семьи;
- изучение структурно-функциональной характеристики семьи;
- овладение теоретико-методологическими основами педагогики семьи, семейного воспитания;
- уяснение сущности категории «педагогическое взаимодействие с семьей» как фактора совершенствования воспитательного потенциала семьи;
- расширение профессионального опыта взаимодействия с семьей в контексте инвариантного и дополнительно-вариативного компонентов содержания обучения на адаптивно-преобразующем уровне развития профессиональных компетенций.

С учетом логического анализа связей между структурными единицами содержания обучения во втором концентре КПОП, «лидирующей дисциплиной» явился спецкурс «Педагогика семьи», содержание которого представлено дополнительным учебным материалом, причем в более расширенном виде по сравнению с тем, что студенты изучали на первом этапе.

Цель спецкурса – включить студентов в процесс овладения основами педагогики семьи, профессиональными компетенциями в данной области, которые включают соответствующие знания и умения, практический опыт.

В решении общей цели обучения на данном этапе значительное место отводилось такому обязательному компоненту учебного процесса, как педагогическая практика; ее содер-

жание представлено проектами усложненного варианта (генерализируется цель, расширяется состав учебно-профессиональных задач, укрупняется алгоритм реализации и т. п.) в сравнении с первым концентром КПОП, что представлено нами в учебно-методическом пособии «Педагогическая практика студентов. Взаимодействие с семьей учащегося» (Брест, 2007). Особенностью содержания данного пособия является углубление на основе проектного метода не только знаниевого компонента учебного процесса, но и проектирование способов овладения студентами системой соответствующих умений (деятельностное содержание) в рамках контекстного, компетентностного и других подходов.

Второй концентр программы более широко представлен дополнительно-вариативным компонентом содержания обучения, позволяющим интенсифицировать включение студентов (индивидуально, микрогруппами и т. п.) в учебно-профессиональную деятельность на основе расширения образовательного пространства «вуз – школа – семья». С этой целью задействованы такие направления работы, как сотрудничество с ИДН (инспекция по делам несовершеннолетних), волонтерская деятельность, участие студентов IV курса в работе центра консультирования «Педагог – семья» и др.

С учетом философского, психолого-педагогического анализа категории «образовательная среда», рекомендаций ученых (И.А. Колесникова, Ю.С. Песоцкий, В.И. Слободчиков, А.В. Хуторской, И.Г. Шендрик и др.) расширенная образовательная среда «вуз – школа – семья» проектировалась нами на основе следующих позиций:

обеспечение полноценности доминирующих характеристик образовательной среды (структурированности, учебно-профессионального ресурса) за счет процесса интеграции учебных элементов и образовательных личностно ориентированных ситуаций вариативного характера, многообразия связей и отношений по поводу ее образовательных смыслов;

объединение различных каналов образовательного ресурса, позволяющего студенту выбрать свое направление участия в решении определенных учебно-профессиональных задач, способствующих «приращению знаний, умений, способностей, способов деятельности, целей и ценностей» [9, с. 99] в сфере педагогического взаимодействия с семьей;

развитие «учебно-профессионального сообщества», «учебно-профессионального сотрудничества» (В.И. Слободчиков) на основе совместной деятельности студентов с преподавателями, объединениями, службами, способствующими включению будущих специалистов в учебно-профессиональную деятельность;

«встроенность», «взаимопроникновение» (Ю.С. Песоцкий) дополнительно-вариативных компонентов (деятельность волонтерских групп; консультирование в центре «Педагог – семья» и др.) в нормативную базу образовательной среды.

Поскольку проектирование – итерационный (повторение) процесс пошагового, поэтапного планирования целей и задач, содержания процесса обучения, остановимся на характеристике смыслов третьего концентратора КПОП. Цель содержания программы в данном концентре – это:

– актуализация знаний, умений, практического опыта, структурно представляющих профессиональные компетенции, которыми овладел студент на предыдущих этапах обучения;

– создание возможностей для совершенствования профессиональных компетенций с позиций квалиметрической оценки, коррекции в рамках индивидуальной образовательной траектории деятельности студента;

– обобщение профессиональных компетенций в целостную компетентностную основу педагогического взаимодействия с семьей, качественный уровень которого характеризуется нами системной профессиональной компетенцией выпускника «на выходе».

Достижение поставленных целей предполагало решение ряда задач:

– оптимизировать структурную целостность содержания обучения (инвариантного, дополнительно-вариативного) с учетом горизонтальной и вертикальной его интеграции;

– осуществить отбор учебного материала, способствующего формированию у студентов способов проектирования собственной учебно-профессиональной деятельности в сфере педагогического взаимодействия с семьей;

– способствовать интеграции будущих педагогов за счет расширения образовательной среды в «учебно-профессиональное сообщество», где имеются возможности для включения их в преобразующую, моделирующую деятельность различного уровня;

– усилить личностно ориентированную направленность содержания обучения на основе создания «личностно-развивающих ситуаций» (В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.), которые задаются в исследовании проблемным, проектным и другими методами обучения;

– предусмотреть при комплексировании учебного материала диагностико-оценочную его составляющую, что позволяет студенту включаться в рефлексивную деятельность с целью изучения своих возможностей, достижений.

При проектировании данного центра содержания КПОП, ее научно-методического обеспечения, как и на предыдущих этапах, мы руководствовались позицией ученых (В.В. Краевский, П.И. Образцов, В.В. Сериков, В.И. Слободчиков, Ю.Г. Татур и др.), заключающейся в том, что содержание обучения на основе программы представлено на теоретическом уровне (состав, структура и функции передаваемого профессионального опыта по определенному направлению деятельности), на уровне учебного предмета, учебного материала – конкретными элементами (знания, умения, навыки) практического опыта.

«Лидирующей дисциплиной» в третьем центре явился практикум «Основы педагогического взаимодействия школы и семьи», ядро содержания которого составили учебные ситуации, их задачи, структура и т. п., представленные в разработанном нами пособии. Принцип профессиональной направленности при отборе содержания практикума реализовывался на идее А.А. Вербицкого: субъект в процессе обучения ставится в деятельностную позицию, предмет которой постепенно превращается из сугубо учебного в профессиональный; требования со стороны профессиональной деятельности становятся системообразующими, задают контекстный принцип построения и развертывания содержания учебной дисциплины [8].

Процедура структурирования содержания практикума базировалась на главной цели – обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей, ориентированного на профессиональные компетенции как предполагаемый образовательный результат. Это обязывало определить его составляющие: знания, умения, которые в совокупном единстве представляют структуру практического опыта как показателя развития компетенций. В связи с этим выделялись опорные знания, умения, которыми студент должен овладеть.

Опорные знания, умения операционализировались нами на уровне учебных элементов (разделов, тем и т. п.), что позволяло конкретизировать цель-результат обучения в форме профессиональных компетенций. Представим это на примере перцептивных компетенций (рисунок 3).

1. Прогнозировать в процессе общения с семьей поведение ее участников.
2. Воспринимать родителей с учетом их индивидуальных особенностей.
3. Сопереживать, сочувствовать, сорадоваться в процессе общения с семьей.
4. Интерпретировать мотивы и причины поведения родителей на основе объективности.
5. Осознавать свои ошибки в общении с семьей.

Рисунок – 3 Операционализация перцептивных компетенций в сфере педагогического взаимодействия с семьей

Реализуя интегративный подход в проектировании содержания компетентностно ориентированного обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей, мы учитывали тот факт, что структурирование учебного материала от общего к частному не может завер-

шить его логически-функциональное расположение без перехода от частного к общему. Это достигалось нами за счет тесной взаимосвязи инвариантного и дополнительно-вариативного компонентов содержания обучения, систематизирующим фактором объединения которых выступала общая цель, планируемый результат – профессиональные компетенции выпускника в сфере педагогического взаимодействия с семьей учащегося, что представлено в модели содержательного компонента КПОП (рисунок 4) с учетом третьего концентрира.

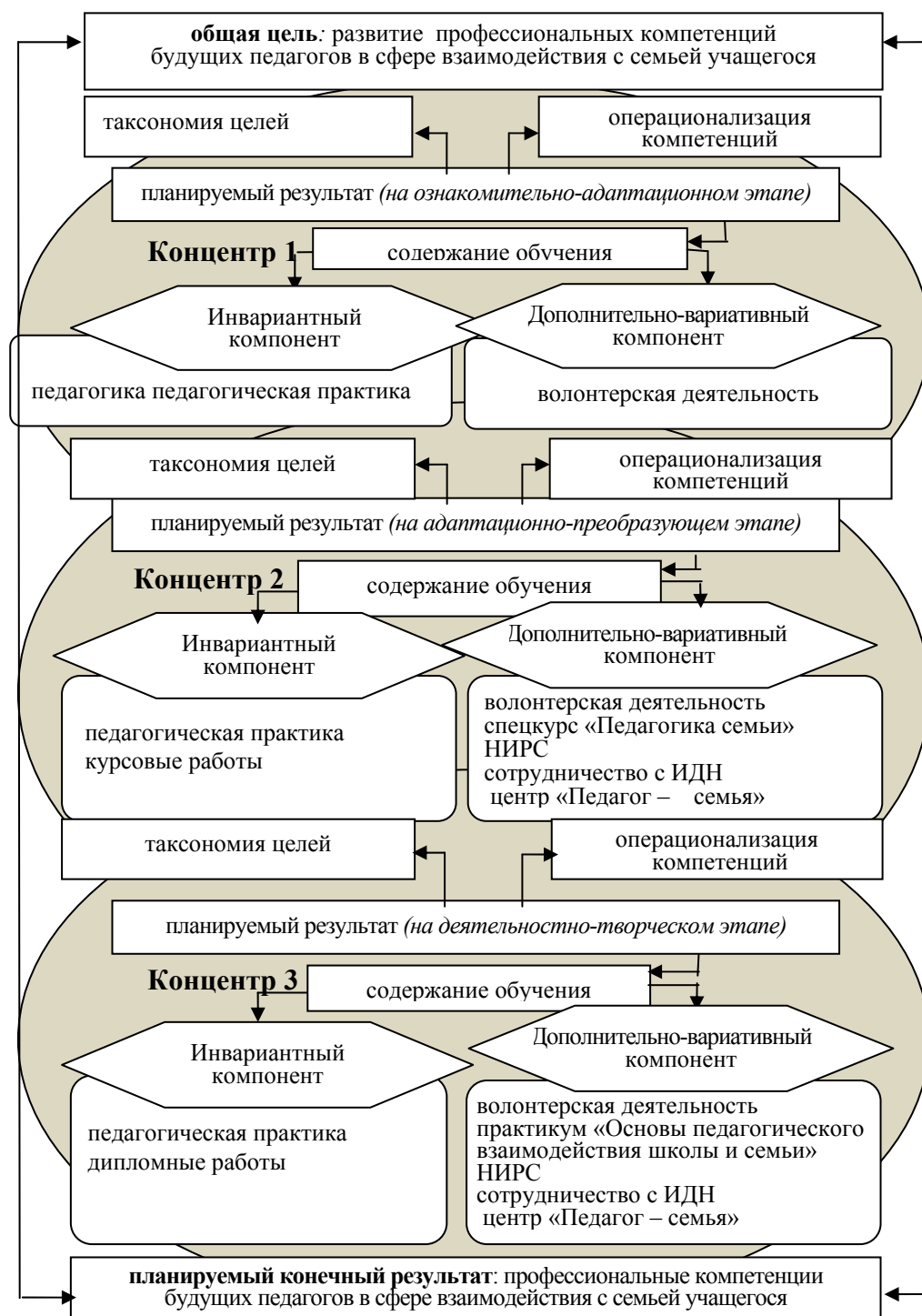

Рисунок – 4 Структурно-функциональная модель содержания компетентно ориентированного обучения будущих педагогов взаимодействию с семьей на основе КПОП

На наш взгляд, отобранное нами содержание компетентностно ориентированного обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей, представленное в КПОП, соответствует требованиям, которые обозначены В.В. Краевским как формирующее, адекватное сформулированным целям и задачам, идентифицированное описанию и реальному воплощению [4].

Выводы

Таким образом, результатом проектирования содержания компетентностно ориентированного обучения студентов педагогическому взаимодействию с семьей явилась КПОП, ее научно-методическое обеспечение, раскрывающее механизмы управления учебным процессом, достижение единства содержательной и процессуальной его сторон, направленных на развитие профессиональных компетенций, в совокупности составляющих системную профессиональную компетенцию выпускника «на выходе». Данную КПОП отличает ряд особенностей:

– включает инвариантный, дополнительно-вариативный компоненты содержания обучения, логически и функционально «встроенные» в нее на основе принципа интеграции;

– группирование содержания учебного материала основано на концентрической основе с учетом методологического положения В.В. Краевского об уровнях, «ярусах», которые находятся в интегральной созависимости;

– отбор содержания учебного материала предусматривает соблюдение условий необходимости и достаточности знаний, умений, их «прироста», «приращения» (Н.И. Мицкевич, А.В. Хуторской) в каждом из центров соответственно уровням обучения, а также операционализацию его целей, выражающих предполагаемый образовательный результат студента в форме профессиональных компетенций;

– структурно-функциональная связь учебных единиц на инвариантном и дополнительно-вариативном уровнях в рамках центров обеспечивает как горизонтальную, так и вертикальную интеграцию содержания обучения, способствующую его целостности;

– определение опорных знаний, умений студента, на которых базируется развитие профессиональных компетенций в сфере педагогического взаимодействия с семьей, позволяет диагностировать текущие, а также конечные результаты обучения;

– структурирование содержания обучения вокруг уровневой концентрации знаний (методологические, теоретические, конкретно-прикладные), умений (процессуально-деятельностные, коммуникативные) способствует комплексированию теоретического и практического видения студентом проблемы педагогического взаимодействия с семьей;

– включение студентов (с первого по пятый курс) в контекст их будущей деятельности позволяет реализовать принцип профессиональной направленности обучения, основанного на компетенциях, представляющих «на выходе» системную профессиональную компетенцию выпускника в сфере педагогического взаимодействия с семьей.

Внедрение в опытно-экспериментальной работе комплексной профессионально-образовательной программы подтвердило ее эффективность в развитии профессиональных компетенций будущего педагога в сфере взаимодействия с семьей учащегося.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берков, В.Ф. *Философия и методология науки* : учеб. пособие / В.Ф. Берков. – М. : Новое знание, 2004. – 336 с.

2. Слободчиков, В.И. Очерки психологии образования: Вып. 2. – Биробиджан : Изд-во БГПИ, 2002. – 160 с. – (Серия «Материалы для педагогических размышлений»).
3. Гурье, Л.И. Проектирование педагогических систем : учеб. пособие / Л.И. Гурье. – Казань : КГТУ, 2004. – 212 с.
4. Краевский, В.В. Проблемы научного обоснования обучения (Методологический анализ) / В.В. Краевский. – М. : Педагогика, 1977. – 264 с.
5. Татур, Ю.Г. Высшее образование: методология и опыт проектирования : учеб.-метод. пособие / Ю.Г. Татур. – М. : Университетская книга; Логос. – 256 с.
6. Шадриков, В.Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие / В.Д. Шадриков. – М. : Логос, 1996. – 320 с.
7. Берулава, М.Н. Теоретические основы интеграции образования / М.Н. Берулава. – М. : Совершенство, 1998. – 192 с.
8. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход : метод. пособие. – М. : Высшая школа, 1991. – 207 с.
9. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
10. Максимова, В.Н. Сущность и функции межпредметных связей в целостном процессе обучения : автореф. дис. ... докт. пед. наук : 13.00.01 / В.Н. Максимова ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Ленинград, 1981. – 24 с.

Osipov Je.D. The Projecting of the Contents of Future Pedagogues Training in Interaction with the Pupil's Family on the Basis of Integration

This article represents theoretical and methodological bases of the projecting of the contents of students training in pedagogical interaction with the family, first of all the essence of general scientific projecting categories (aim, stages, strategy, structure of the object), its principles. The characteristic of the complex professional and educational program as a result of projecting is given. The author has analysed the aims and tasks, the essence of each stage of CPEP, which are set by “the leading discipline” within the expanded educational space. On the theoretical and empirical levels the article substantiates the integration of the contents of educational material both horizontally and vertically, it discloses the strategy of the projecting of the contents of students training in interaction with the family, aimed at the development of their professional competences in the investigated type of pedagogical activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.09.09

ГІСТОРЫЯ

УДК 94 (476) «1921/1939»

А.М. Вабішчэвіч

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЕ ЖЫЦЦЁ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.): ПРАБЛЕМЫ ПЕРЫЯДЫЗАЦЫ, ТЫПАЛОГІІ ЎЗАЕМААДНОСІН

У артыкуле аўтар паспрабаваў выдзеліць перыяды ў ажыццяўленні нацыянальна-культурнай палітыкі польскіх улад на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., а таксама асноўныя тыпы (віды) адносін паміж рознымі нацыянальнымі і этнаканфесійнымі супольнасцямі ў грамадска-культурнай сферы. Пры ажыццяўленні перыядызацыі за аснову ўзяты ідэалогія і рэальная практыка дзяржаўнай нацыянальна-культурнай палітыкі, яе выніковасць; агульны стан і перспектывы існавання культур розных этнасаў, працэсы ў грамадска-палітычным жыцці. Вылучаны і ахарактарызаваны 3 асноўныя перыяды: 1921–1925 гг., 1926–1934 гг., 1935–1939 гг. Выкарыстоўваючы ў якасці крытэрыю для тыпалогіі нацыянальна-культурных адносін іх характар, аўтар выдзеліў 2 асноўныя тыпы: першы – канфрантацыйныя, канфліктныя, непрыязныя польска-беларускія адносіны, а таксама адносіны палякаў з рускімі, украінцамі, літоўцамі; другі – адносіны суіснавання і супрацоўніцтва, якія ахоплівалі этнакультурныя кантакты палякаў з яўрэямі, татарамі, стараабрадцамі, а таксама адносіны беларусаў з іншымі этнасамі (акрамя палякаў).

Уводзіны

Грунтоўнае вывучэнне нацыянальнай палітыкі ўрадаў Польшчы ў перыяд паміж Першай і Другой сусветнымі войнамі пачалося на сучасным этапе. Сярод шэрагу прац неабходна вылучыць дысертацыю А.М. Загідуліна, у якой зроблены аглядавы аналіз нацыянальнай і канфесіянальнай палітыкі польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва [1]. Узважлівым падыходам пры аналізе дзейнасці польскіх органаў дзяржаўнай бяспекі вылучаецца манаграфія польскага вучонага В. Сляшыньскага [2]. Аднак пакуль асобныя праблемы нацыянальна-культурнага жыцця заходнебеларускіх зямель застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў. Актуальнасць вывучэння пытанняў, звязаных з рэалізацыяй нацыянальнай палітыкі Польшчы на тэрыторыі Заходняй Беларусі, характарам этнакультурных узаемаадносін, тлумачыцца таксама наяўнасцю пераважна ў польскіх навукова-папулярных выданнях, мемуарнай літаратуры ідэалізаваных ацэнак мірнага суіснавання розных этнасаў у міжваеннай Польшчы. У асобных сучасных выданнях ажыццяўляюцца спробы рэабілітацыі грамадска-культурнай дзейнасці польскай супольнасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая быццам спрыяла працэсам беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння.

Менавіта таму мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца ажыццяўленне перыядызацыі нацыянальна-культурнай палітыкі польскіх улад, тыпалогіі адносін паміж рознымі нацыянальнымі і этнаканфесійнымі супольнасцямі ў грамадска-культурнай сферы на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Адзначаныя праблемы толькі фрагментарна закраналіся ў папярэдніх аўтарскіх распрацоўках [3, с. 58, 126–127; 4, с. 261–264]. Вынікі даследавання такіх складаных пытанняў будуць карыснымі для разумення цэлага комплексу нацыянальна-культурных адносін пасля ўз’яднання заходнебеларускіх зямель з БССР і правядзення там пераўтварэнняў на савецкай аснове (1939–1941 гг.), а таксама ў гады Вялікай Айчыннай вайны і ў пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Эвалюцыя нацыянальна-культурнай палітыкі польскіх улад

У рэальнай палітыцы дамінуючыя пазіцыі як на ўрадавым узроўні, так і асабліва сярод адміністрацыйнага апарату на тэрыторыі Заходняй Беларусі набыў нацыянальна-дэмакратычны праект, які абсалютызаваў монанацыянальны (польскі) характар дзяржавы, прадстаўляў польскую культуру ў якасці вышэйшай, цывілізаванай. Гэта арганічна ўкладвалася ва ўрадавую нацыянальную палітыку першай паловы 1920-х гг. – палітыку нацыянальнай асіміляцыі. Адначасова рабіліся спробы выкарыстання тэорыі рэгіяналізацыі. Польскія ўрады У. Сікорскага (снежань 1922 г. – май 1923 г.), У. Грабскага (снежань 1923 г. – лістапад 1925 г.) імкнуліся падтрымліваць планы ваяводскіх улад. Адзін з такіх планаў прадстаўляў у 1923 г. палескі ваявода С. Даўнаровіч [5, арк. 5–6]. Хоць асобныя палажэнні праекта мадыфікаваліся да 1939 г. наступнымі кіраўнікамі Палескага ваяводства, аднак нельга пагадзіцца з прызнаннем яго самым аптымальным для вырашэння нацыянальных праблем на Палессі [6, с. 11], бо распрацоўваўся ён выключна з пазіцыі польскіх нацыянальных інтарэсаў, не мог прывесці да карэнных пераўтварэнняў у галоўных сферах грамадскага жыцця мясцовага насельніцтва.

Для зняцця міжнацыянальнага напружання, выкліканага гвалтоўным правядзеннем у жыццё згаданага нацыянальна-дэмакратычнага праекта, у дапаўненне да гарантый канстытуцыі Польшчы 1921 г. і міжнародных абавязацельстваў, прадугледжаных Дагаворам аб абароне нацыянальных меншасцей (Малым Версальскім трактатам) 1919 г., урадавыя колы паспрабавалі ажыццявіць прававое ўрэгуляванне ў сферы культуры, адукацыі і мовы нацыянальных супольнасцей. Паводле прынятых польскім сеймам 31 ліпеня 1924 г. г. зв. “крэсовых законаў”, для беларусаў, украінцаў, літоўцаў былі прадстаўлены пэўныя правы ў выкарыстанні роднай мовы ў адносінах з уладамі, судовымі ўстановамі, вызначаны прынцыпы арганізацыі адукацыі на нацыянальных мовах [7]. Аднак новае заканадаўства мела сур’ёзныя пралікі, абмежаваны характар. Рускія, яўрэі не атрымалі магчымасці стварэння дзяржаўных адукацыйных устаноў з нацыянальнымі мовамі выкладання. Заключанае ўрадам У. Грабскага 4 ліпеня 1925 г. пагадненне (ugoda) з яўрэйскімі парламентарыямі не ўнесла істотных змен у вырашэнне нацыянальна-культурных праблем яўрэйскага насельніцтва. У сакавіку 1926 г. цэнтральныя польскія органы ўлады падтрымалі сіянісцкі рух [8], як меншае зло ў параўнанні з сацыялістычнай і камуністычнай ідэалогіяй. З-за ўрадавай нестабільнасці так і не была выпрацавана цэласная праграма ў нацыянальна-культурнай палітыцы.

Абвешчаны рэжымам “санацыі” пераход у нацыянальнай палітыцы да дзяржаўнай асіміляцыі, калі, замест адстойвання выключна інтарэсаў польскай нацыі, дэклараваўся прыярытэт інтарэсаў Польскай дзяржавы, Айчыны для ўсіх грамадзян незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці [9], быў запланаваны яшчэ да майскага (1926 г.) дзяржаўнага перавароту, пра што сведчыць асобная дырэктыва міністра ўнутраных спраў У. Рачкевіча ў красавіку 1926 г. [10, арк. 10–12]. Аднак змены ў нацыянальнай палітыцы не мелі кардынальнага, сутнаскага характару, адрозніваліся больш метадамі яе правядзення. Не адбылося адмаўлення ад самой ідэі асіміляцыі няпольскага насельніцтва. Аналіз рэальнай практыкі паказвае, што аўтарытарны рэжым Ю. Пілсудскага ўсяго толькі некалькі гадоў выкарыстоўваў нязначныя ўступкі ў галіне культуры і асветы, якія часткова адпавядалі палажэнням кансерватыўнага і ліберальна-дэмакратычнага праектаў. Насуперак дэклараванай афіцыйнай палітыцы дзяржаўнай асіміляцыі, з канца 1920-х гг. фактычна адбылося вяртанне да папярэдняга нацыянальна-дэмакратычнага праекта, які пры дапаўненні мерамі рэпрэсіўнага характару праводзіўся да верасня 1939 г. Такі паварот звязаны як з адыходам ад

дэмакратычных прынцыпаў у грамадска-палітычным жыцці, так і з манапольнай пазіцыяй мясцовага адміністрацыйна-паліцэйскага апарату, які адышоў у бок ранейшай, звыклай па змесце і метадах правядзення палітыкі нацыянальнай асіміляцыі. Улічваючы невялікую значнасць праведзеных змен у дзяржаўнай нацыянальна-культурнай палітыцы і незайздросныя перспектывы для культурнага жыцця этнічных супольнасцей, не маем падстаў для вылучэння ў якасці асобнага перыяду непрацяглага і даволі супярэчлівага прамежку часу (1926–1929 гг.).

У пачатку 1930-х гг. рэжым “санацыі” ажыццявіў чарговыя захады па абмежаванні грамадзянскіх правоў і свабод. “Закон аб сходах” ад 11 сакавіка 1932 г. даў адміністрацыйнаму апарату кантрольныя функцыі за грамадскімі арганізацыямі [11]. Праведзеная ў пачатку 1930-х гг. рэформа адукацыі істотна абмежавала доступ заходнебеларускай моладзі да сярэдняй і вышэйшай школы. Заяву міністра замежных спраў Польшчы Ю. Бэка 13 верасня 1934 г. аб адмове польскага ўрада ад выканання міжнародных абавязацельстваў паводле Малога Версальскага трактата 1919 г. [12, с. 617] можна разглядаць у якасці своеасаблівага рубяжа ў пераходзе да больш радыкальных мер у вырашэнні нацыянальна-культурных праблем на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Пасля смерці Ю. Пілсудскага ў кіруючым польскім лагера ўзмацніліся таталітарныя, клерыкальна-нацыяналістычныя тэндэнцыі. У дачыненні да ўцалелых арганізацыйных структур беларусаў, рускіх, украінцаў, літоўцаў быў выкарыстаны цэлы комплекс гвалтоўных мер. Пасля прыняцця адпаведных рашэнняў у лютым – красавіку 1936 г. [13, с. 3–47] да пачатку 1938 г. ажыццяўлялася шырокамаштабная ліквідацыя структур літоўскіх арганізацый – таварыства Св. Казіміра і таварыства “Рытас” (забаронены адпаведна 31 снежня 1937 г. і 28 лютага 1938 г.) [14, арк. 111адв.]. У пачатку снежня 1936 г. была забаронена дзейнасць беларускіх культурна-асветніцкіх арганізацый – Таварыства беларускай школы і Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры [15, арк. 445]. На працягу 1936–1938 гг. была праведзена канчатковая ліквідацыя беларускіх школ, арганізацый, газет, падпарадкаванне грамадска-культурнага жыцця моцнаму кантролю адміністрацыйна-паліцэйскага апарату. Адначасова з рэпрэсіўнымі дзеяннямі актывізавалася дзейнасць мясцовай адміністрацыі, ваенных колаў у напрамку ўзмацнення каланізацыі і нацыянальна-культурнай асіміляцыі Палесся і іншых рэгіёнаў Заходняй Беларусі.

Тыпалогія этнакультурных узаемаадносін

Аналіз этнакультурных узаемаадносін 2-х асноўных нацыянальных супольнасцей – беларусаў, як аўтахтоннай большасці (складалі 64–67% насельніцтва Заходняй Беларусі [4, с. 13]), і палякаў, як тытульнага этнасу ў межах Польскай дзяржавы (на заходнебеларускіх землях – 12–15% [4, с. 13]), – высветліў наяўнасць канфрантацыі, што выключыла магчымасці для іх пазітыўнага ўзаемадзеяння ў галіне культуры. Канфлікт быў прадвызначаны палітычнымі, эканамічнымі, канфесіянальнымі, дэмаграфічнымі, сацыяльна-псіхалагічнымі фактарамі, прывілеяваным становішчам палякаў у вядучых сферах грамадскага жыцця. Нацыянальныя стэрэатыпы цесна перапляталіся з сацыяльнымі, класавымі. Падтрымка дзяржавы, рымска-каталіцкага касцёла, адукацыйных і культурна-асветніцкіх устаноў, розных грамадскіх арганізацый павінна была забяспечыць “польскую культурную экспансію”.

Дамінуючай была тэндэнцыя культурна-моўнай асіміляцыі беларускага насельніцтва. Паланафільскія настроі не атрымалі падтрымкі заходнебеларускага грамадства і не маглі істотна паўплываць на агульны характар беларуска-польскіх культурных адносін. Пасля ліквідацыі арганізацыйных форм нацыянальна-культурнага

жыцця беларусаў у канцы 1930-х гг. іх асіміляцыя набыла пагражальны характар, аднак не паспела набыць завершанага характару, не прывяла да незваротных этнатрансфармацыйных вынікаў.

Канфрантацыйны, непрыязны характар мелі этнакультурныя кантакты палякаў з рускімі, украінцамі, літоўцамі, у адносінах да якіх польскія ўлады праводзілі палітыку асіміляцыі. Пад прыкрыццём дэрусіфікацыі адбывалася насаджэнне рускім (разам са стараабраднікамі іх доля вагалася ад 0,6% у Навагрудскім ваяводстве да 3,5% у Віленскім [4, с. 14]) польскай мовы, культуры, традыцый. Паводле Л. Васілеўскага, рускія і іх культура з'яўляліся “перажыткам русіфікатарскай эпохі” [16, арк. 7]. Да сярэдзіны 1930-х гг. адбыўся спад у дзейнасці рускіх арганізацый – Рускага дабрачыннага таварыства, Рускага народнага аб'яднання і інш. [15, арк. 10]. Колькасць рускіх гімназій у Польшчы зменшылася з 20 у пачатку 1920-х гг. да 5 у сярэдзіне 1930-х гг., сярод якіх былі гімназіі ў Брэсце і Вільні [17, арк. 9; 18, арк. 140].

На ўзроўні рэгіянальных уладных структур істотна абмяжоўвалася культура, асвета ўкраінцаў, якія пражывалі ў паўднёвых паветах Палескага ваяводства (паводле афіцыйных звестак 1931 г., складалі там 4,8% насельніцтва [4, с. 15]). Ва ўмовах рэпрэсій з боку польскіх улад у пачатку 1930-х гг. адбыўся заняпад дзейнасці таварыства “Просвіта” на Палессі. У красавіку 1933 г. “Просвіта” мела ўсяго 3 чытальні – у Брэсце, Арэхава Брэсцкага павета, Блотах Кобрынскага павета [19, арк. 43адв., 62адв.]. Крытычным было становішча адзінай украінскай школы ў Брэсце. Пры актыўным удзеле заходнеўкраінскіх партый і арганізацый ажыўленне ўкраінскай грамадска-культурнай дзейнасці на Палессі назіралася ў канцы 1930-х гг.

Напружаны характар польска-літоўскіх адносін прадвызначаўся праблемай тэрытарыяльнай прыналежнасці Вільні. Пад уплывам знешняга фактару (падтрымкі з боку Літоўскай дзяржавы), культурна-агітацыйнай работы таварыстваў Св. Казіміра і “Рытас”, дзе галоўную ролю ігралі ксяндзы і настаўнікі, мясцовае літоўскае насельніцтва было негатыўна настроена супраць польскіх школ, ухілялася ўсяго польскага [20, арк. 201адв.]. Літоўцы, якіх было не менш за 80 тыс. чалавек [4, с. 15], у заходнебеларускіх мясцовасцях таксама падвяргаліся паланізацыі і нацыянальна-культурнай асіміляцыі.

У ходзе даследавання вылучаны і іншы тып этнакультурных адносін – суіснавання і супрацоўніцтва. Улічваючы колькасныя дэмаграфічныя паказчыкі, ступень адкрытасці і выніковасць адносін, статусныя пазіцыі ў грамадстве, неабходна асобна ад папярэдніх выдзеліць этнакультурныя адносіны яўрэяў, татараў, стараабраднікаў з палякамі (тытульным этнасам у Польскай дзяржаве), а таксама з іншымі нацыянальнымі супольнасцямі.

Яўрэйская супольнасць (налічвала ў 1931 г. да 375 тыс. чалавек [4, с. 14]) вылучалася адасобленым характарам этнаканфесійнага жыцця. Польска-яўрэйскае суіснаванне на заходнебеларускіх землях мела напружаны характар. Абвастрэнне адбывалася пад уплывам палітыка-ідэалагічных, сацыяльна-эканамічных, этнапсіхалагічных і іншых фактараў, асабліва з пачатку 1930-х гг. Ізаляваны і адметны характар этнакультурнага і рэлігійнага жыцця яўрэйскай абшчыны (кагалу) выключаў магчымасць асіміляцыі яўрэяў. Менавіта таму адносна іх польскія ўлады актыўна выкарыстоўвалі самыя разнастайныя абмежавальныя меры, спрыялі эміграцыі. Правыя польскія сілы падтрымлівалі антысеміцкую кампанію.

Вялікі ўплыў на духоўнае жыццё яўрэяў у заходнебеларускіх землях аказвалі ўстановы Вільні, “літоўскага Іерусаліма”, якія зрабілі значны ўклад у адраджэнне яўрэйскай ідышамовнай літаратуры, культуры, мастацтва. Узаемаадносіны суіснавання яўрэйскай грамадскасці з польскімі дзяржаўнымі і грамадскімі структурамі ў Вільні, а таксама ў заходнебеларускіх гарадах (напрыклад, у Пінску, Брэсце, дзе складалі

адпаведна 63,4% і 44,3% жыхароў [4, с. 14], і інш.) мелі адносна ўстойлівы характар, хоць і паспыталі на сабе дэстабілізуючы ўплыў вышэйакрэсленых фактараў.

Частка яўрэйскай супольнасці не змагла пазбегнуць паланізацыі і культурна-моўнай асіміляцыі, хоць гэтыя працэсы і не набылі для яе пагражальнага характару. Яўрэйскае насельніцтва заходнебеларускіх зямель менш падверглася асіміляцыі ў параўнанні з цэнтральнымі і заходнімі ваяводствамі Польшчы, Галіцыяй. Акультурацыя назіралася асабліва сярод яўрэйскай інтэлігенцыі, частка якой была інтэгравана ў польскае культурна-асветніцкае жыццё, займала адчувальнае становішча ў сферы навукі і культуры. Паводле ацэнак польскіх улад, на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства да вясны 1939 г. мясцовыя яўрэі (“літвакі”) не змаглі прывязацца да польскай дзяржаўнасці і культуры, карысталіся рускай мовай, складалі “пераважна дэструктыўны элемент, у лепшым выпадку абыякавы да Польскай дзяржавы” [21, арк. 6].

Ізалежаны і адасоблены характар нешматлікіх этнаканфесійных груп насельніцтва (стараабраднікаў і татараў) адбіўся і на іх этнакультурных адносінах з палякамі. Стараабраднікі (у 1937 г. – не менш за 50 тыс. чалавек [4, с. 14–15]) праяўлялі палітычную лаяльнасць адносна дзяржаўных структур. Польскія ўлады меркавалі ў перспектыве пераўтварыць царкоўныя структуры стараабраднікаў-беспапоўцаў у канкурэнта праваслаўнай царквы [22, с. 195]. Абшчыны стараабраднікаў мелі права праводзіць рэлігійную, культурна-асветніцкую, дабрачынную дзейнасць [23, арк. 13; 24, арк. 1–3, 7–19]. Намаганьнямі аднаго з лідэраў стараабраднікаў, пасла Б. Піманова, да канца 1930-х гг. у Вільні функцыянавала адзіная дзяржаўная руская школа для дзяцей стараабраднікаў. Адметны характар грамадска-рэлігійнага жыцця, традыцыйнага побыту стараабраднікаў, якія былі замкнуты ў межах уласнай этнаканфесійнай супольнасці, стрымліваў іх асіміляцыю [25, арк. 26адв.; 21, арк. 30].

Татарскае насельніцтва (5–6 тыс. чалавек [4, с. 16]) з яго этнічнымі і рэлігійнымі асаблівасцямі не ўяўляла вялікай пагрозы для польскіх нацыянальных інтарэсаў і дзяржаўнай бяспекі. Лідэры татарскай супольнасці пастаянна падкрэслівалі сваю лаяльнасць адносна Польскай дзяржавы, аказвалі падтрымку палітычнаму лагеру “санацыі”. Татарскія ідэолагі ўхіляліся ад публічнай нацыянальнай ідэнтыфікацыі татараў, прызнавалі толькі асобныя спецыфічныя нацыянальныя рысы – рэлігію, традыцыйныя абрады і звычаі, паходжанне [26, с. 24]. Хоць татары мелі магчымасці для захавання рэлігійных, культурных і грамадскіх традыцый, аднак адбывалася паланізацыя іх інтэлігенцыі, маёмасных слаёў. Паводле ацэнак польскіх улад, у пачатку 1939 г. у Крушынях Гродзенскага павета і Багоніках Сакоўскага павета татарскае насельніцтва жыло “ў сваіх рэлігійных абшчынах у культурнай адасобленасці ў беларускім акружэнні і з-за адсутнасці ўласнай інтэлігенцыі павольна падвяргалася паланізацыі” [21, арк. 31–32]. У архіўных крыніцах падобнае становішча зафіксавана і ў Віленскім ваяводстве.

Этнакультурныя ўзаемаадносіны беларусаў з іншымі супольнасцямі, акрамя палякаў, мелі ў асноўным пазітыўны характар. Беларуска-рускае супрацоўніцтва абапіралася на прыязныя, добрасуседскія адносіны. На ўзроўні арганізацыйных грамадскіх структур назіралася мірнае суіснаванне. Непаразумеўна ўзнікала пераважна з-за ідэалагічных і палітычных супярэчнасцей. Беларускія нацыянальна-дэмакратычныя сілы негатыўна рэагавалі на вялікадзяржаўныя ідэі часткі лідэраў рускай супольнасці. У грамадска-царкоўным жыцці і паўсядзённых ўзаемаадносінах праваслаўных беларусаў выкарыстоўвалася руская мова, традыцыі рускай культуры [4, с. 92].

Міжкультурныя ўзаемаадносіны беларусаў і ўкраінцаў таксама мелі стабільны характар, асабліва ў 1920-я гг., калі на парламенцкім узроўні, паміж асобнымі партыямі і арганізацыямі адбывалася беларуска-ўкраінскае супрацоўніцтва. Аднак спрэчкі аб

этнічным характары і тэрытарыяльнай прыналежнасці Палесся перашкаджалі плённаму беларуска-ўкраінскаму ўзаемадзеянню. Усе ўкраінскія нацыянальна-дэмакратычныя партыі і арганізацыі адстойвалі ідэю стварэння незалежнай Украіны, у межы якой беспадстаўна ўключалі і беларускае Палессе.

Хоць яўрэі мелі замкнёны характар этнаканфесійнага жыцця, аднак у Вільні на ўзроўні свецкіх культурна-асветніцкіх арганізацый адбывалася сумеснае адстойванне нацыянальна-культурных інтарэсаў (разам з ТБШ, “Рытас”). Пазітыўны характар беларуска-яўрэйскіх адносін даваў магчымасць выкарыстоўваць часова матэрыяльную падтрымку яўрэяў. Летам 1923 г. А. Луцкевіч атрымаў ад яўрэяў Варшавы фінансавыя сродкі для друку і асветы. Вясной 1925 г. выказаў гатоўнасць аб дапамозе лідэр віленскай яўрэйскай супольнасці Ц. Шабад [27, с. 270]. Аднак з боку заходнебеларускіх партый і арганізацый не было адназначнага стаўлення да яўрэйскіх арганізацый. Заходнебеларускія камуністы з канца 1920-х гг. непрыхільна ставіліся да яўрэйскіх культурна-асветніцкіх аб’яднанняў.

Ва ўмовах напружаных адносін з Польшчай літоўскія ўлады ў пачатку 1920-х гг. аказвалі падтрымку беларускім арганізацыям. Аднак пад уплывам геапалітычнай стабілізацыі, шэрагу этнапалітычных фактараў пасля 1923 г. назіраўся заняпад літоўска-беларускага супрацоўніцтва [28, арк. 6–7; 29, арк. 326–327]. Нягледзячы на спробы наладжвання ўзаемадзеяння ў Вільні, у сельскай мясцовасці ў другой палове 1920-х гг. літоўскія актывісты імкнуліся праводзіць культурна-асветніцкую працу адасоблена ад беларусаў. Складанымі былі ўзаемаадносіны заходнебеларускіх камуністаў з літоўскімі нацыянальнымі сіламі, адносна якіх выкарыстоўвалася тыповая прапаганда (“тэрор, дэмагогія ксяндзоў і літоўскіх нацыяналістаў, ідэалізацыя Літвы, адсталасць”) [30, с. 83–84, 87]. Толькі з сярэдзіны 1930-х гг. назіралася некаторая станоўчая дынаміка ў адносінах з літоўскім рухам, прапаноўвалася супрацоўніцтва для адстойвання адукацыйных правоў беларусаў, літоўцаў, яўрэяў.

Хоць у 1920–1930-я гг. татары захоўвалі рэлігійную адметнасць, традыцыі і звычаі, аднак працягваўся працэс іх культурна-моўнай асіміляцыі, які пачаўся яшчэ ў папярэднія стагоддзі. Паводле С. Крычынскага, татарская інтэлігенцыя падверглася поўнай паланізацыі, сялянска-мяшчанскае насельніцтва – значнай беларусізацыі [31, с. 1]. Як паказвае аналіз разнастайных крыніц, у ходзе беларуска-татарскага ўзаемадзеяння адбывалася акультурацыя татараў. Татары ў паўсядзённым жыцці актыўна выкарыстоўвалі беларускую мову [32, с. 80]. Паводле ацэнак польскіх улад, “шлюбныя адносіны з хрысціянкамі спрыяюць асіміляцыі татараў, іх поўнай рэлігійнай індэферэнтнасці” [25, арк. 28].

Заклучэнне

1. Праведзены аналіз тэарэтыка-ідэалагічных асноў, дзеянняў урадавых структур і мясцовай адміністрацыі ў галіне культуры і асветы нацыянальных супольнасцей, а таксама стану і перспектывы культурнага жыцця, дэтэрмінуючых грамадска-палітычных працэсаў дае падставы выдзеліць 3 перыяды ў рэалізацыі нацыянальна-культурнай палітыкі польскіх улад. У ходзе першага перыяду (1921–1925 гг.) польскія ўлады прыярытэт надавалі ажыццяўленню праекта, які быў прапанаваны польскімі нацыянальна-дэмакратычнымі сіламі, і ігнараваў культурныя патрэбы няпольскага (асабліва славянскага) насельніцтва. Другі перыяд (1926–1934 гг.) характарызаваўся супярэчлівацю ў рэалізацыі нацыянальна-культурнай палітыкі. Пасля непрацяглага і эпизадчнага выкарыстання элементаў кансерватыўнага і ліберальна-дэмакратычнага праектаў з канца 1920-х гг. адбылося фактычнае вяртанне да папярэдняй палітыкі нацыянальнай асіміляцыі. На працягу трэцяга перыяду (1935–1939 гг.) адбывалася

актывізацыя дзеянняў урадавых колаў, мясцовай адміністрацыі па далейшай каланізацыі Заходняй Беларусі, нацыянальна-культурнай асіміляцыі яе насельніцтва.

2. Узяўшы за аснову характар адносін паміж рознымі нацыянальнымі і этнаканфесійнымі супольнасцямі ў грамадска-культурнай сферы, можна вылучыць 2 асноўныя іх тыпы (віды). Першы тып вызначаўся канфрантацыйнымі, канфліктнымі, непрыязнымі польска-беларускімі адносінамі, якія былі прадвызначаны грамадска-палітычнымі, сацыяльна-эканамічнымі, канфесіянальнымі, этнапсіхалагічнымі і іншымі фактарамі, ключавымі пазіцыямі палякаў у грамадскім жыцці. Пасля ліквідацыі арганізацыйных структур беларусаў іх нацыянальна-культурная асіміляцыя павінна была паскорыцца, аднак не паспела набыць завершанага характару. Такі ж характар мелі адносіны палякаў з рускімі, украінцамі, літоўцамі.

Другі тып ахопліваў адносіны суіснавання і супрацоўніцтва, якія былі вызначальнымі для этнакультурных кантактаў палякаў з яўрэямі, татарамі, стараабраднікамі, а таксама для адносін беларусаў з іншымі этнасамі (акрамя палякаў). Пры гэтым неабходна вылучыць некалькі падтыпаў: першы падтып – адносіны напружанага суіснавання палякаў і яўрэяў; другі падтып – адносіны стабільнага суіснавання і супрацоўніцтва стараабраднікаў, татараў з польскімі дзяржаўнымі і грамадскімі структурамі; трэці падтып – пераважна пазітыўныя этнакультурныя адносіны беларускай большасці з іншымі этнічнымі супольнасцямі, за выключэннем палякаў. У адрозненне ад беларусаў, украінцаў, літоўцаў, якія выразна імкнуліся да наладжвання паўнацэннага нацыянальна-культурнага жыцця ў межах уласнай дзяржаўнасці, нацыянальныя і канфесіянальныя меншасці (яўрэі, татары, стараабраднікі) імкнуліся праяўляць палітычную лаяльнасць і прыстасавання да існуючых умоў, ізаляваліся ў межах уласнай этнаканфесійнай супольнасці.

Абмежаваныя магчымасці для грамадска-культурнай дзейнасці большасці нацыянальных супольнасцей на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў вызначаны храналагічны перыяд пазбаўлялі іх прагрэсіўнага, паступальнага нацыянальна-культурнага развіцця, абвастралі праблему іх самазахавання ва ўмовах паланізацыі і асіміляцыі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Загідулін, А.М. Нацыянальная і канфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Загідулін ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 20 с.
2. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa : Oficyna wydawnicza RYTM, 2007. – 400 s.
3. Белорусские земли между Россией и Польшей в XIX–XX столетиях: национально-культурные и общественно-политические факторы исторического развития : отчет о НИР (заключ.) / БрГУ им. А.С. Пушкина ; рук. А.Н. Вабищевич. – Брест, 2007. – 141 с. – № ГР 20051874.
4. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
5. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Zespół 9/1. – Sygn. 938. Нарыс праграмы, заданняў і дзяржаўных работ на Палессі палескага ваяводства С. Даўнаровіча (1.03.1923 г.).

6. Сляшыньскі, В. Нацыянальная палітыка польскіх улад на землях Усходняй Літвы і Заходняй Беларусі / В. Сляшыньскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 9. – С. 9–15.

7. Ustawa z dnia 31 lipca 1924 r. o języku państwowym i języku urzędowania rządowych i samorządowych władz administracyjnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – II półrocze. – № 73. – Poz. 724.

8. AAN. – Zespół 9/1. – Sygn. 1063. Цыркуляр МУС да ваяводаў аб пазіцыі ўрада да сцяніскага руху (27.05.1926 г.).

9. Madajczyk, C. Dokumenty w sprawie polityki narodowościowej władz polskich po przewrocie majowym / C. Madajczyk // Dzieje najnowsze. – 1972. – № 3. – S. 137–169.

10. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 8. – Спр. 1087. Цыркуляры палескага ваяводы, указанні МУС аб прынцыпах нацыянальнай палітыкі і іншых пытаннях (1925–1927 гг.).

11. Ustawa z dnia 11 marca 1932 roku o zgromadzeniach // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1932. – № 48. – Poz. 450.

12. Białorusini // Sprawy narodowościowe. – 1934. – № 5–6. – S. 617–620.

13. Vociański, L. Ściśle tajny memoriał wojewody wileńskiego z dnia 11 lutego 1936 r. – Kaunas : V. Vaitkevičius, 1947. – 47 s.

14. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 1176. Паўгадавыя справаздачы віленскага ваяводы (1937–1938 гг.).

15. AAN. – Zespół 9/1. – Sygn. 963. Справаздачы нацыянальнага аддзела аб жыцці нацыянальных меншасцей у Польшчы (1936 г.).

16. AAN. – Zespół 390. Akta Leona Wasilewskiego. – Sygn. 76. Нацыянальныя адносіны ў Польшчы. Руская меншасць. Артыкулы, нататкі, вытрымкі прэсы (1925 г.).

17. ДАБВ. – Фонд 114. – Воп. 1. – Спр. 30. Статут гімназіі; справаздачы аб дзейнасці праўлення Брэсцкага аддзела РДТ і пратаколы агульных сходаў (1932–1935 гг.).

18. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 2428. Месячныя і кварталныя справаздачы віленскага ваяводы (студзень–май 1933 г.).

19. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 2408. Месячныя справаздачы палескага ваяводы (студзень–чэрвень 1933 г.).

20. Справаздача аб палітычнай сітуацыі за кастрычнік 1926 г. у пастарунку дзяржпаліцыі ў Берштах Гродзенскага павета // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 38. – Воп. 1. – Спр. 19. – Арк. 200–201адв.

21. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 1574. Рэферат беластоцкага ваяводы аб праблемах умацавання становішча і ўзмацнення ўплыву польскага насельніцтва ў эканамічным, палітычным і культурным жыцці ваяводства (30.01.1939 г.).

22. Krasowski, K. Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: studium historycznoprawne / K. Krasowski. – Warszawa-Poznań : PWN, 1988. – 355 s.

23. AAN. – Zespół 14. – Sygn. 1270. Царква стараабраднікаў, якая не прызнае іерархіі (1922–1939 гг.).

24. AAN. – Zespół 9/1. – Sygn. 1079. Матэрыялы адносна стварэння царквы стараабраднікаў, якая не прызнае іерархіі (1928–1929 гг.).

25. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 2305. Справаздачы палескага і беластоцкага ваявод (1933–1939 гг.).

26. Od redakcji // Życie tatarskie. – 1937. – № 1. – S. 24.

27. Чарнякевіч, А. Псіхалогія здрады: беларускі нацыянальны рух вачыма канфідэнта II аддзела польскага Генеральнага штаба / А. Чарнякевіч, А. Пашкевіч // Arche = Пачатак. – 2005. – № 6. – С. 214–271.

28. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 282. Дакументы А. Цвікевіча (перапіска, інтэрв'ю) (1919–1925 гг.).

29. БДАМЛіМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 241. Нататкі, нарысы і даклады К. Дуж-Душэўскага аб беларускім нацыяналістычным руху (1918–1930, 1935 гг.).
30. Інфармацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі. – Мінск, 1933. – № 9.
31. Kryczyński, S. Tatarzy-litewscy: proba monografii historyczno-etnograficznej / S. Kryczyński. – Warszawa : RC ZKOTRP, 1938. – XVI, 318 s.
32. Бітэль, П. Вішнева і вішнеўцы : краязнаўчы нарыс / П. Бітэль // Куфэрак Віленшчыны. – Маладзечна, 2000. – № 2 (2). – С. 68–86.

Vabishchevich A.M. National-cultural Life of Western Belarus (1921–1939): Problems of Division into Periods, Typology of Interrelations

The author of the article has tried to single out the periods in realization of national-cultural policy of Polish authorities on the territory of Western Belarus in 1921–1939 as well as the types of interrelations between different national and ethnic confessional communities in social cultural sphere. While realizing the division into periods the ideology and real practice of state, national cultural policy, its effectiveness, and general state and existence perspectives of cultures of different ethnos, the processes in social political life were assumed as a basis. The author has singled out three main periods – 1921-1925; 1926-1934; 1935-1939 and characterized them. Using their character as a criterion for the typology of national cultural relationships, two main types are singled out: the first is confrontational, conflict, hostile Polish-Belarusian interrelations and the relations of the Poles with the Russians, the Ukrainians, the Lithuanians; the second is the relations of coexistence and collaboration which covered ethnic cultural contacts of the Poles with the Jews, the Tatars, the Old-believers and the relations of the Belarusians with other ethnos (except the Poles).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.10.09

УДК 327(476: 430)(091)(043.3)

Д.А. Мизун

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР 1925 Г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В статье подробно исследуется ход подготовки и значение германско-советского торгового договора 1925 г. На основании исследования широкого комплекса документов автор приходит к выводу, что торговый договор 1925 г. между Советским Союзом и Германией на базе дальнейшего развития политики Рапалло способствовал значительному расширению экономического сотрудничества обоих государств.

В 20-х гг. XX ст. Германия находилась под сильным давлением стран-победительниц в Первой мировой войне. Веймарская республика была многопартийным государством, жизнеспособность которого в значительной мере определялась политическим курсом руководящих партий. Существование в Веймарской республике множества политических партий объясняет, почему с 1919 по 1928 г. в ней сменилось 15 правительств, ни одно из которых не продержалось более 18 месяцев. Это происходило потому, что в рейхстаге было представлено слишком много партий, так что любой кабинет министров мог быть только коалиционным. К тому же число возможных коалиций было ограничено, поскольку социал-демократы и националисты наотрез отказались сотрудничать.

Практически действующими могли быть только два коалиционных правительства: с участием СДПГ и других крупных партий «левее националистов» или с участием националистов и партий «правее социал-демократии».

В этих условиях партийно-парламентскую систему Веймарской республики все чаще сотрясали правительственные кризисы, которые озлобляли избирателей и без того не испытывающих особой любви к демократической системе, навязанной Германии по их убеждению, западными странами.

В таких условиях немецкие правящие круги вынуждены были идти на сближение с Советской Россией. Следует признать, что германское правительство решилось заключить соглашение с РСФСР лишь после того, как состоялось заключение торгового соглашения между советским правительством и Великобританией в марте 1921 г. [1, с. 131].

По требованию широких кругов немецкой общественности 18 февраля 1921 г. был подписан советско-германский протокол, который содержал «Проект соглашения между германским рейхом и РСФСР о правах, взаимно предоставляемым гражданам и представительством обеих сторон» [2, с. 292], а затем 6 мая того же года он получил дальнейшее расширение, приведшее потом к заключению временного советско-германского соглашения. Это соглашение имело большое значение. В соответствии с ним к уже существующим и осуществляющим свои полномочия делегациям обоих государств для попечения о военнопленных присоединяются торговые представительства для развития экономических отношений между обеими странами [2, с. 318]. До полного восстановления нормальных сношений делегации именовались: «Представительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Германии» и «Германское представительство в России». Местом пребывания представительств были определены города Москва и Берлин [2, с. 318].

Крупнейшей внешнеполитической победой РСФСР стал подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло договор между РСФСР и Германией. Была прорвана политическая блокада вокруг РСФСР и союзных республик. Рапалльский договор означал прорыв

международной изоляции Германии, содействовал восстановлению ее международного положения. Заключив Рапалльский договор, Советская Россия стала первым государством, которое после войны признало побежденную Германию в качестве равноправного партнера [3, с. 171].

Подписание этого договора открывало широкие возможности для установления и развития на новом уровне политических, дипломатических и экономических отношений с Германией.

Сразу же после подписания Рапалльского договора дипломаты Германии и СССР стали готовить почву для подписания Советско-германского торгового договора.

Но злобные выпады против СССР, попытки дискредитации его рапалльской политики со стороны реакционных сил в Германии в определенной мере влияли на ход подготовки проекта договора. В адрес СССР постоянно сыпались упреки в том, что сотрудники торгпредства СССР в Берлине занимаются укрывательством преступников и пропагандой против Германии.

Так, в «Официальном сообщении полпреда СССР в Берлине» от 3 мая 1924 г. указывается на то, что «около полудня большой отряд полицейских и представителей тайной полиции вторгся в экстерриториальное здание торгпредства СССР на Линденштрассе. Помещение конторы было занято, сотрудники были выгнаны на двор, письменные столы и шкафы взломаны при помощи штыков и повсюду произведены обыски. Даже руководители торгпредства, принадлежащие к дипломатическому корпусу, были самым грубым образом лишены свободы движения и у одного из них был отнят дипломатический паспорт. Некоторые из сотрудников торгпредства подверглись физическим оскорблениям, многие арестованы и перевезены в полицейское бюро. Все действия отличались необычайной грубостью» [2, с. 881]. В «Ноте германского правительства» от 6 мая 1924 г. указывается на то, что «сотрудники торгпредства СССР помогали арестованному, некоему Боценгардту скрыться, так как силой задержали преследовавших арестованного полицейских чиновников. Эта задержка дала повод полиции произвести обыск в целях обнаружения арестованного и арестовать пять сотрудников торгпредства» [2, с. 881].

По сообщению в газете «Известия» от 14 мая 1924 г. «в связи с советско-германским конфликтом германский посол граф Брокдорф-Ранцау имел продолжительные беседы с заместителем народного комиссара иностранных дел Литвиновым в пятницу 9 и в понедельник 12 мая. Советское правительство предъявило Германии следующие требования:

1. Принесение извинения за действия полиции в предусмотренной международными обычаями форме.
2. Подтверждение признанной договором 1921 г. экстерриториальности торгпредства СССР в качестве гарантии неповторения инцидента, имевшего место 3 мая.
3. Наказание инициаторов и руководителей обыска, а также возмещение причиненного действиями полиции ущерба» [2, с. 886].

Данный инцидент привел к временному закрытию берлинского торгпредства СССР, что при наличии монополии государства во внешней торговле было равносильно прекращению всех торговых операций между СССР и Германией. Прекращение торговли также распространяется на все синдикаты, тресты и другие хозяйственные организации, имеющие право выхода на внешний рынок [2, с. 886].

Однако под влиянием финансово-промышленных кругов данный конфликт был разрешен. В «Протоколе о ликвидации советско-германского конфликта» от 29 июля 1924 г. указывается на то, что:

1. Оба правительства считают обмен нот по поводу инцидента законченным.

2. Германское правительство заявляет, что действия полицейских властей в Берлине, направленные против торгового представительства 3 мая, явились самовольным выступлением германской полиции. Оно считает, что полученное 3 мая полицейскими властями известие о побеге Боценгардта никоим образом не могло служить основанием для выступления, предпринятого по распоряжению полицейских властей. На этом основании, а также имея в виду дружественные отношения между Германией и СССР, германское правительство порицает это выступление и сожалеет, что из-за него инцидент получил такое расширение. Оно доводит до сведения Советского правительства, что руководитель этого выступления отстранен от своей прежней деятельности. Что же касается мер, предпринятых германскими должностными лицами против экстерриториальности должностных лиц СССР, то германское правительство уже ранее выразило свое сожаление по этому поводу. Виновные германские должностные лица будут наказаны.

3. Германское правительство заявляет о своей готовности возместить произведенный германскими должностными лицами в здании торгового представительства материальный ущерб, вызывая при этом предупредительные отношения.

4. Правительство СССР подтверждает, что оно, согласно с существующими договорами на основе взаимности, воспретило всем своим должностным лицам и служащим, а стало быть, и сотрудникам торгового представительства в какой либо форме принимать участие во внутренне-политической жизни Германии ...» [2, с. 887].

Как следует из «Официального сообщения Советской и Германской делегаций о заключении советско-германского договора», «12 октября 1925 г. в Москве, в здании Наркоминдела был подписан договор между Германией и СССР. С германской стороны договор был подписан германским послом графом Брокдорфом-Ранцау и председателем германской делегации, действительным тайным советником фон-Кернером. Со стороны СССР договор был подписан заместителем народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвиновым. Одновременно с основным договором теми же уполномоченными были подписаны: «Соглашение между СССР и Германией о правовой помощи в гражданских делах», «Консульский договор между СССР и Германией» [4, с. 320–343]. Заключение договора сопровождалось обменом нотами, которые являлись составной частью договора [4, с. 313–320].

В речи на приеме в Москве по случаю подписания договора между Германией и СССР 12 октября 1925 г. заместитель Наркоминдела М.М. Литвинов сказал: «С чувством глубокого удовлетворения мы празднуем сегодня успешное завершение многомесячных работ советской и германской делегаций, подписание ряда договоров и конвенций, долженствующих отныне регулировать экономические отношения обеих стран ... Состоявшееся сегодня соглашение особенно ценно для нас тем, что в основу его легли принципы Рапалльского договора, нашедшие себе ныне конкретное применение в экономической области» [4, с. 360–361].

В благожелательном духе выступил и Брокдорф-Ранцау. Высоко оценив проделанную работу по подготовке и заключению договора и конвенций, он с удовлетворением отметил: «Было бы также бесполезно высчитать, какая из обеих договаривающихся сторон извлечет из этого договора большие выгоды. Будем твердо помнить, что договор заключен и должен быть осуществлен в духе и согласно смысла Рапалльского договора, и тогда каждая из договаривающихся сторон в одинаковой степени окажется в выгоде. И тогда договор, полный неожиданности для всех тех, кто косо смотрит на тесное сотрудничество германских народов и народов СССР, будет содействовать мирному развитию наших стран, а тем самым послужит делу умиротворения всего мира» [4, с. 361–362].

Примечателен тот факт, что несколько ранее было достигнуто соглашение о предоставлении Советскому Союзу краткосрочного кредита в размере 100 млн. марок для финансирования советских заказов в Германии [3, с. 226].

Таким образом, торговый договор 1925 г. между Советским Союзом и Германией на базе дальнейшего развития рапалльской политики способствовал значительному расширению экономического сотрудничества обоих государств.

Выводы:

– в 20-х гг. XX ст. Германия находилась под сильным давлением стран-победительниц в Первой мировой войне. Веймарская республика была многопартийным государством, жизнеспособность которого в значительной мере определялась политическим курсом руководящих партий;

– в этих условиях партийно-парламентскую систему Веймарской республики все чаще сотрясали правительственные кризисы, которые озлобляли избирателей, и без того не испытывающих особой любви к демократической системе, навязанной по их убеждению, Германией западными странами;

– в таких условиях немецкие правящие круги вынуждены были идти на сближение с Советской Россией;

– крупнейшей внешнеполитической победой РСФСР стал подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло договор между РСФСР и Германией. Была прорвана политическая блокада вокруг РСФСР и союзных республик. Рапалльский договор означал прорыв международной изоляции Германии, содействовал восстановлению ее международного положения;

– злобные выпады против СССР, попытки дискредитации его рапалльской политики со стороны реакционных сил в Германии в определенной мере влияли на ход подготовки проекта торгового договора.

12 октября 1925 г. в Москве, в здании Наркоминдела был подписан договор между Германией и СССР, который привел к оживлению торговых отношений между двумя государствами и стал продолжением политики Рапалло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торговые отношения СССР с капиталистическими странами / Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли. – М. : Международная книга. – 1938. – 350 с.

2. Внешняя политика СССР : сб. документов : в 5 т. / редкол.: Б. Штейн (гл. ред.) [и др.] – М. : Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук, 1944–1946. – Т. 2 : 1921–1924 гг. – 1944. – 980 с.

3. История внешней политики СССР. 1917–1976 : в 2 т. / под ред. А.А. Громыко. – 2-е изд. – М. : Наука, 1976. – Т. 1: 1917–1945 гг. / ред. И.Н. Земсков [и др.]. – 1976. – 520 с.

4. Советско-германские отношения 1922–1925. Документы и материалы : В 2 ч. / Ред. колл. : С. Дернберг [и др.]. – М. : Политиздат, 1977. – Ч. 2 : 3 января 1925 г. – 14 октября 1925 г. – 1977. – 384 с.

Migun D.A. Germany-Soviet Trade Treaty of 1925 and its Importance

In the article the author in detail investigates the course of preparation and the importance of Germany-Soviet trade treaty of 1925. On the basis of a great plenty of documents the author comes to the conclusion that trade treaty of 1925 between the Soviet Union and Germany on the base of further development of Rapallo policy promoted considerable expansion of economic cooperation between the two states.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

УДК 327(476+430)

А.В. Русакович

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД 2001–2003 ГГ.

В статье на основе обширного круга источников проанализированы основные направления белорусско-германского взаимодействия в период 2001–2003 гг. в комплексе отношений Беларусь – Европейский союз, определено их место во внешнеполитической линии Беларуси, выявлены основные проблемы двусторонних связей и факторы, влияющие на состояние политических контактов, показаны достигнутые результаты сотрудничества в торгово-экономической сфере. Автор отмечает, что рамочные условия двустороннего сотрудничества определялись в формате отношений Европейский союз – Беларусь, которые в рассматриваемый период носили сложный и противоречивый характер. В политической сфере основными направлениями взаимодействия являлись вопросы нормализации отношений Беларуси с ЕС, ОБСЕ, другими европейскими организациями. По мнению автора, позиция Германии с учетом накопленного опыта сотрудничества способствовала разрешению имеющихся проблем между Беларусью и ЕС и содействовала дальнейшему развитию двусторонних отношений.

Введение

В настоящее время белорусско-германское взаимодействие является важным фактором в комплексе отношений между Беларусью и Европейским союзом и занимает значительное место во внешнеполитической стратегии республики. Для более углубленного изучения современного состояния двусторонних отношений, понимания проблем и перспектив важное значение имеет исследование недавнего прошлого взаимных связей. В этом отношении определенный интерес для исследователей представляет период 2001–2003 гг., позволяющий выявить определенные закономерности в этой сфере.

Белорусские ученые традиционно уделяют значительное внимание исследованиям истории белорусско-германских отношений в период независимости Республики Беларусь. Ряд исследований, опубликованных в последние годы, посвящен исследованию двусторонних взаимосвязей в рассматриваемый период, однако проблема не получила всестороннего освещения [1; 3; 20; 24]. Германские исследователи в своих работах рассматривали различные проблемы внешней политики Беларуси и двусторонних отношений. В германской научной литературе значительное внимание уделялось отношениям Беларуси с Европейским союзом, состоянию белорусско-российских отношений, анализировалась внутривнутриполитическая ситуация в Беларуси [21; 25; 27; 28; 29; 31; 32; 33; 34].

Целью данной статьи является анализ развития политических отношений между Беларусью и Германией в период 2001–2003 гг. в комплексе отношений Беларусь – ЕС, определение их места во внешнеполитической линии Беларуси, выявление факторов, повлиявших на состояние политических контактов, анализ имеющихся проблем в двусторонних отношениях.

Место белорусско-германских отношений во внешней политике Республики Беларусь в 2001–2003 гг.

В 2001–2003 гг. внешнеполитический курс Беларуси во многом определялся существенным изменением международной обстановки. В первую очередь это было связано с новыми вызовами и угрозами. Новые подходы в отношении стран СНГ формировались у основного союзника Беларуси – России. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. поставила задачу существенного усиления роли России в Европе и в мире и подчеркнула ключевое значение отношений с Европейским союзом,

задача укрепления Союзного государства являлась первостепенной только в системе связей со странами СНГ. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и реакция на них ведущих государств мира вызвали значительные изменения в международных отношениях на глобальном и региональном уровнях. Республика Беларусь решительно осудила акты террора в Нью-Йорке и заявила о поддержке усилий мирового сообщества по борьбе с терроризмом.

Основными задачами Республики Беларусь во внешнеполитической сфере в рассматриваемый период являлись: дальнейшее продвижение белорусско-российской интеграции; реализация политических и экономических интересов по линии Содружества Независимых Государств, участие в обеспечении европейской и международной безопасности, проведение работы по поддержанию диалог Европейским союзом, ОБСЕ, Советом Европы, развитие отношений с Литвой, Латвией, Польшей и Украиной в рамках «пояса добрососедства», использование возможностей ООН, Движения неприсоединения, других международных организаций для укрепления позиций республики на международной арене, продолжение переговорного процесса по вступлению Республики Беларусь в ВТО, внешнеполитическое обеспечение выборов Президента Республики Беларусь.

На европейском направлении основной задачей оставалась нормализация отношений с Европейским союзом. В условиях ограничения политических связей с европейскими структурами белорусское руководство стремилось развивать отношения по трем самостоятельным направлениям: Советом Европы, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейским союзом. Принятая в июле 2001 г. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь среди приоритетных направлений обеспечения безопасности в политической сфере определила участие в деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе с целью обеспечения региональной безопасности и укрепления международного авторитета Беларуси, сотрудничество с Европейским Союзом, НАТО, участие в Совете Евроатлантического партнерства в целях построения новой архитектуры европейской безопасности, учитывающей национальные интересы республики [7]. В качестве приоритета на европейском направлении в 2001–2002 гг. была выдвинута проблема вступления в Совет Европы. Большое значение придавалось развитию отношений с Европейским союзом. С учетом новой ситуации в мире и в Европе белорусское руководство рассчитывало на формирование принципиально новых подходов ЕС к оценке ситуации в Беларуси. Определенные надежды возлагались на принятие нового программного документа ЕС по сотрудничеству с Беларусью [22]. В качестве основных направлений взаимодействия со странами ЕС белорусское руководство определило борьбу с нелегальной миграцией, обеспечение безопасности границ, борьбу с организованной преступностью, контрабандой, наркотрафиком, сотрудничество в энергетической сфере с ЕС и Россией, расширение возможностей Беларуси как транзитной страны [9]. Основой для нормализации отношений, по мнению официальных властей, являлась стабильная внутривнутриполитическая ситуация в стране, отсутствие конфликтов на национальной и религиозной почве и массовых нарушений прав человека, выполнение взятых обязательств по разоружению и ограничению вооружений, предпринимаемые меры по борьбе с нелегальной миграцией, наркотрафиком. Министр иностранных дел Республики Беларусь М. Хвостов в начале 2002 г. отметил, что «мы предложили Евросоюзу начать нашу совместную работу прежде всего по реализации экономических интересов ЕС и Беларуси. Формула «сотрудничество через сотрудничество» поможет развитию всего спектра отношений, включая политику, культуру, образование и т. д.» [5].

Отношения с Федеративной Республикой Германия на европейском направлении рассматривались белорусским руководством как приоритетные. На офици-

альном уровне неоднократно отмечалось, что Республика Беларусь заинтересована в их всестороннем развитии, в первую очередь в торгово-экономической сфере [13].

Белорусско-германские политические отношения и президентские выборы 2001 г. в Беларуси

В течение 2001 г. основные проблемы отношений между Беларусью и странами ЕС были связаны с подготовкой и проведением президентских выборов в Беларуси. Руководящие структуры ЕС накануне выборов подчеркивали чрезвычайную важность создания рамочных условий для проведения демократических выборов на основе разработанных ОБСЕ рекомендаций. В заявлении Председательства ЕС от 11 июня 2001 г. белорусским властям предлагалось воздержаться от вмешательства в деятельность политических партий и движений, уважать свободу собраний, объективно освещать сведения обо всех кандидатах на пост президента в государственных масс-медиа, не препятствовать созданию сети независимых наблюдателей. В заявлении выражалась поддержка деятельности КНГ ОБСЕ в предвыборный период и готовность содействовать проведению свободных и демократических президентских выборов в Беларуси [26, № 6]. Проблемы отношений с ЕС накануне президентских выборов и вопросы всего комплекса белорусско-германских отношений обсуждались на встрече президента Беларуси А. Лукашенко и посла ФРГ в Беларуси Х. Винкельмана в июле 2001 г.

Период, предшествовавший президентским выборам, вызвал определенную напряженность в отношениях Беларуси с западными странами. Накануне президентских выборов газета «Советская Белоруссия» опубликовала аналитическую записку, подготовленную московским центром «Независимая политическая экспертиза» в отношении деятельности иностранных спецслужб против Беларуси. По мнению российских аналитиков, «после крушения Милошевича и установления в Югославии прозападного либерального строя только Беларусь является «неосвоенной» Западом территорией, мешающей созданию сплошного геополитического кордона от Балтики до Черного моря, блокирующего всяческие попытки «имперской реставрации в России» [19].

Предвыборная ситуация в Беларуси освещалась германскими средствами массовой информации, однако по сравнению с выборами 1994 г. материалов на эту тему было значительно меньше. Например, журнал «Der Spiegel» накануне выборов отмечал, что президент России В. Путин оказал поддержку действующему белорусскому президенту, и в сложившейся ситуации шансы на победу оппозиционного кандидата в президенты являются невысокими [30]. Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. и последующие события отодвинули «белорусскую проблему» в европейской политике на дальний план. В связи с этим события, связанные с президентскими выборами в Беларуси, не получили дальнейшего освещения в прессе Германии.

Президентские выборы в Беларуси не внесли существенного изменения в оценки руководящими органами ЕС внутривнутриполитической ситуации в Беларуси. В принятом руководством ЕС в октябре 2001 г. заявлении по поводу назначения Г. Новицкого премьер-министром белорусского правительства содержался призыв к новому правительству поддерживать демократию и уважать права человека, продолжать рыночные реформы, возобновить конструктивный диалог с гражданским обществом [26, № 10]. Оценки германского экспертного сообщества в целом были близки к официальным. Политолог М. Штаак опубликовал в октябре 2001 г. в журнале «Internationale Politik» статью, в которой призвал правительство Германии и других стран ЕС найти новые пути поддержки процесса демократизации и экономических реформ в Беларуси, в частности, путем осуществления программы содействия Беларуси, а также оказать влияние на позицию России в целях усиления влияния последней на демократические процессы в Беларуси [32].

Через месяц после президентских выборов новый Чрезвычайный и Полномочный Посол Федеративной Республики Германия в Республике Беларусь Х. Фрик вручил верительные грамоты президенту Беларуси А. Лукашенко. В ходе встречи глава белорусского государства отметил, что во взаимоотношениях Беларуси и Германии никогда не было «особых проблем» и обе стороны всегда находили общий язык. По утверждению белорусского президента, «в республике будут проводиться такие реформы, которые будут устраивать белорусских граждан». Посол Германии заявил, что германское правительство намерено, несмотря на сложные политические обстоятельства, развивать всестороннее сотрудничество с Беларусью, поддерживать процессы построения демократического общества и социального правового государства и надеется на реализацию заявлений, сделанных президентом Беларуси после переизбрания на пост [4].

Европейские структуры в конце 2001 г. признали необходимость корректировки своей позиции по отношению к Беларуси и заявили, что изоляция не будет способствовать развитию демократии в стране. Этот подход был продиктован не столько стабильностью внутривнутриполитической ситуации в Беларуси, сколько учетом новых реалий, возникших в Европе в начале XXI века: перспективой расширения Европейского союза и выхода его непосредственно к границам Беларуси, в связи с чем объективно возросла необходимость в сотрудничестве; развитием стратегического партнерства между союзной Беларусью Россией и странами Европейского союза; усилением значения Беларуси как транзитной территории между Россией и Европейским союзом; необходимостью противостояния новым международным вызовам, и, в частности, международному терроризму, наркотрафику, нелегальной миграции. В конце 2001 г. ЕС с учетом позиции белорусской стороны предложил «пошаговую» стратегию улучшения отношений с Беларусью. Белорусской стороной была проявлена готовность к обсуждению выдвинутых со стороны европейских структур критериев, однако при условии исключения «двойных стандартов». Концепция «пошаговой стратегии» и ее реализация была встречена белорусским руководством с определенной долей критики и в целом не принесла ожидаемого эффекта. Тем не менее ее обсуждение и мероприятия по ее реализации позволили европейским структурам и официальным белорусским властям продолжить диалог относительно условий нормализации отношений.

Основные направления белорусско-германского взаимодействия

Наиболее проблемной сферой на западном направлении являлось взаимодействие с ОБСЕ, что в основном и предопределило формат отношений Беларуси как с ЕС в целом, так и с государствами-членами ЕС, включая Германию. Европейские и евроатлантические организации при формировании своей позиции в отношении Беларуси тесно координировали свои действия. На основе Стамбульской декларации ОБСЕ 1999 г. проблемы развития внутривнутриполитических процессов в Беларуси получили шанс урегулирования на международно-правовой основе. В течение 2001 г. важная роль в этом процессе отводилась Консультативно-наблюдательной группе ОБСЕ во главе с германским дипломатом Х.-Г. Виком. Деятельность КНГ ОБСЕ осуществлялась в контакте с правительством, политическими и общественными структурами Беларуси. Вместе с тем отдельные направления работы КНГ ОБСЕ вызвали критику официальных властей Беларуси, ряда белорусских политиков. В выступлении перед парламентом Беларуси в апреле 2002 г. президент А. Лукашенко отметил, что «КНГ при господине Вике решало одну, не предусмотренную никаким мандатом задачу – свержение действующей власти» [8, с. 3].

Германия активно участвовала в мероприятиях ОБСЕ и ЕС, направленных на урегулирование отношений с Беларусью. Как отмечал в 2001 г. посол Германии в Беларуси Х. Винкельман, «немецкое правительство делает все возможное, чтобы в современных непростых рамочных условиях, несмотря на различие во мнениях, поддержи-

вать контакты между западным обществом и Беларусью, находить приемлемые для всех сторон решения вопросов, представляющих взаимный интерес» [2, с. 8]. Например, большую роль в деятельности рабочей группы Парламентской Ассамблеи ОБСЕ по Беларуси играли депутаты бундестага Германии У. Цапф (руководитель рабочей группы по сотрудничеству с Беларусью в бундестаге), В. Берендт и другие.

В конце 2001 г. белорусское руководство предложило пересмотреть мандат деятельности Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ в Минске. После фактического прекращения деятельности КНГ ОБСЕ в Беларуси, вызванного отказом белорусской стороны продолжить аккредитацию ее сотрудников, страны ЕС в ноябре 2002 г. ввели визовые санкции в отношении высших должностных лиц Республики Беларусь. МИД Беларуси оценил принятое решение как «акт неприкрытого давления на суверенное государство, направленный на возрождение опасной практики разрешения политических проблем с позиции силы» [6]. Проблемы отношений Беларуси с ОБСЕ были в целом урегулированы в конце 2002 г., когда были приняты решения Постоянного совета ОБСЕ о закрытии КНГ ОБСЕ в Минске и открытии офиса ОБСЕ в Минске, а также подписан Меморандум о взаимопонимании между Беларусью и ОБСЕ об условиях пребывания офиса ОБСЕ в Минске. Реализация этих решений позволила Парламентской ассамблее ОБСЕ в феврале 2003 г. принять решение о восстановлении полноправного членства Национального собрания Республики Беларусь в ПА ОБСЕ. Разрешение проблемы с офисом ОБСЕ в Минске стало основой для принятия в апреле 2003 г. решения Совета ЕС о снятии визовых ограничений для должностных лиц Республики Беларусь. Белорусская сторона высоко оценивала роль Германии в этих процессах. Как отметил заместитель Министра иностранных дел А. Михневич на встрече с представителями СМИ Германии в мае 2003 г., «именно Германия выступала своего рода локомотивом отмены таких ограничений» [23].

В 2002 г. в Беларуси и Германии отметили десятилетие восстановления дипломатических отношений. Обе стороны стремились использовать юбилейные события для реализации поставленных внешнеполитических целей. Белорусский МИД концентрировал внимание на положительных аспектах взаимодействия: связи между двумя странами характеризовались как «дружественные», положительная оценка была дана действующей договорно-правовой базе, отмечалось активное развитие связей в торгово-экономической и кредитно-инвестиционной деятельности, было упомянуто о формировании в Национальном собрании Беларуси депутатской группы по связям с бундестагом, высокая оценка была дана сотрудничеству с федеральными землями Северный Рейн-Вестфалия, Бранденбург и Нижняя Саксония [10]. Немецкой стороной в Беларуси был проведен ряд мероприятий, среди которых можно отметить выпуск юбилейного издания «10 лет германо-белорусских отношений» [35].

В условиях ограничения политических контактов стороны поддерживали минимальный уровень диалога на уровне официальных представителей государств. С рабочими визитами Германию посетили премьер-министр Беларуси, заместители премьер-министра, министры, другие официальные лица. Основной целью таких визитов являлось участие в различных международных мероприятиях (выставках, конференциях, совещаниях и т. д.), контакты на земельном уровне. В апреле 2002 г. премьер-министр Беларуси Г. Новицкий посетил Германию с рабочим визитом для участия в днях экономики, науки и культуры Беларуси в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия. В рамках визита состоялись деловые встречи с представителями правительства федеральной земли Нижняя Саксония, с руководством Ассоциации по сотрудничеству со странами Центральной и Восточной Европы, представителями германских деловых кругов, посещение Ганноверской универсальной ярмарки, переговоры с представителями руководства концернов «Даймлер-Крайслер», «Сименс», «Алькатель». Как отме-

чалось в информационных материалах МИДа Беларуси, «визит призван придать новый импульс отношениям между Беларусью и Германией, содействовать дальнейшему развитию двусторонних торгово-экономических и региональных связей, углублению комплексного сотрудничества Беларуси с землей Северный Рейн-Вестфалия, являющейся ведущим партнером нашей страны среди федеральных земель ФРГ, а также с землей Нижняя Саксония, которая занимает третье место по объему товарооборота Беларуси с германскими землями» [11]. В июне 2001 г. министр иностранных дел М. Хвостов по приглашению Германского общества внешней политики посетил Германию для выступления с докладом «Беларусь: перспективы непосредственного соседства с Европейским союзом» на международном политическом форуме, встретился с представителями германской политической, научной и деловой элиты. В январе 2003 г. состоялся рабочий визит в ФРГ делегации под руководством заместителя премьер-министра Республики Беларусь А. Попкова с целью участия в ежегодной международной сельскохозяйственной выставке «Зеленая неделя», проводимой в Берлине.

Межпарламентские связи между двумя странами в рассматриваемый период практически не развивались, так как официальные контакты между бундестагом и Национальным собранием Республики Беларусь не были установлены вследствие позиции немецкой стороны, не признавшей легитимности Национального собрания. Вместе с тем представители бундестага и ландтагов федеральных земель неоднократно посещали Беларусь по линии культурных, гуманитарных контактов. Например, в 2002 г. министр иностранных дел М. Хвостов провел встречи с делегациями ландтагов земель Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония.

Продолжали осуществляться рабочие контакты на уровне министерств и ведомств. Например, в марте 2003 г. в Берлине состоялась встреча руководителей железных дорог Беларуси, Германии, России и Польши. Белорусская сторона была представлена делегацией, которую возглавлял начальник Белорусской железной дороги В. Гапеев. Основной темой переговоров были вопросы увеличения объемов и улучшения качества грузовых и пассажирских перевозок по Второму общеевропейскому коридору [17].

Продолжали действовать межгосударственные и общественные структуры сотрудничества двух стран, ежегодно проводились заседания Белорусско-германской рабочей группы по торговле и инвестициям. В мае 2002 г. в Минске состоялось ее пятое заседание, были проведены белорусско-германский экономический форум, контактно-кооперационная биржа белорусских и германских предприятий. Для участия в этих мероприятиях из Германии прибыла делегация, в состав которой вошли представители федеральных министерств экономики и технологий, иностранных дел, общественных организаций и объединений деловых кругов ФРГ. В мае 2002 г. в Берлине прошло второе заседание белорусско-германской Смешанной комиссии по культурному сотрудничеству, на котором были рассмотрены вопросы взаимодействия в сфере науки, культуры, образования, изучения немецкого и белорусского языков в обеих странах, взаимодействия в сфере СМИ, архивного дела, молодежный и спортивный обмен. По итогам заседания был подписан совместный Протокол, в котором были подведены итоги сотрудничества и отмечена готовность сторон активизировать культурный, научный, образовательный обмен, содействовать непосредственным встречам и диалогу его участников на всех уровнях [14].

В апреле 2003 г. в федеральной земле Баден-Вюртемберг были проведены Дни Республики Беларусь. В рамках мероприятия состоялись белорусско-германский экономический форум, «круглый стол» с участием представителей официальной белорусской делегации, Общества международного экономического сотрудничества, промышленно-торговой палаты г. Штутгарта, отраслевых союзов, научных фондов, банков [15]. В мае 2003 г. в Минске прошли Дни экономики земли Бранденбург в Республике Беларусь.

В течение 2001–2003 гг. важную роль в контактах на политическом, экспертном, общественном уровне между Германией и Беларусью играли минские форумы, организованные Немецко-белорусским обществом. На этих встречах рассматривались актуальные проблемы экономического, политического развития Беларуси, вопросы развития связей Беларуси с Германией и Европейским союзом. Например, в 2001 г. тема форума была определена «Беларусь после выборов: необходимость перемен (экономика, политика, безопасность, идентичность)», в 2002 г. – «Германия – Беларусь: 10 лет германо-белорусских отношений. Итоги и перспективы».

Получили развитие связи между городами-партнерами. Крупным событием стали мероприятия, посвященные 10-летию партнерских отношений Минска и Бонна. В целях развития партнерских отношений в сентябре 2001 г. было подписано «Расширенное заявление о развитии дружеских отношений между городами Бонн и Минск», в соответствии с которым стороны договорились расширить взаимодействие в сфере культуры, образования, экономических связей, гуманитарной сфере [18].

Одной из нерешенных проблем двусторонних политических контактов в рассматриваемый период являлся вопрос о ратификации белорусским парламентом межправительственного Соглашения об уходе за военными могилами. Проблема продолжала обсуждаться в ходе двусторонних встреч. В марте 2003 г. Министр иностранных дел Беларуси М. Хвостов провел в Минске переговоры с германской делегацией во главе с президентом Германского народного союза по уходу за военными могилами Р. Фюрером. В ходе беседы были обсуждены перспективы ратификации белорусским парламентом Соглашения, а также реализуемые Германским народным союзом проекты в Беларуси. Белорусский МИД в комментариях по итогам встречи констатировал, что «стороны подчеркнули важность деятельности Германского народного союза для утверждения в общественном сознании идей примирения и миролюбия» [12]. Тем не менее в течение рассматриваемого периода существенного продвижения в отношении ратификации белорусской стороной Соглашения об уходе за военными могилами не произошло.

В рассматриваемый период важное значение во взаимоотношениях Европейского союза и Беларуси приобрела проблема расширения ЕС и выхода его непосредственно к границам республики. Белорусская сторона рассматривала этот процесс в качестве фактора, который прежде всего окажет определенное воздействие на экономическую ситуацию в республике. В марте 2003 г. Европейская комиссия определила среднесрочную стратегию отношений со странами-соседями. Беларусь, Украина, Молдова и ряд стран Южного Средиземноморья были включены в «дружественное кольцо ближайших соседей» ЕС. С учетом новых геополитических реалий ЕС предполагал заключить с этими странами соглашения о добрососедстве, которые дополняли и развивали действующие соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В целом реакция белорусского руководства была положительной, в частности, новый Министр иностранных дел С. Мартынов отметил, что «Беларусь с большим интересом восприняла формирующуюся концепцию «нового соседства», потому что она предполагает выведение отношений «новых соседей» с Евросоюзом на новый, прежде всего, прагматичный уровень» [9].

Германо-белорусские отношения в рассматриваемый период активно развивались в торгово-экономической сфере. ФРГ являлась главным торговым партнером Республики Беларусь среди стран вне СНГ и в 2002 г. заняла второе место в общем товарообороте Беларуси. Товарооборот между двумя странами впервые превысил миллиард долларов и составил 1,4 млрд. долларов США. Германия являлась также важной страной – кредитором Беларуси и занимала второе место после России по объему предоставленных кредитов. В период с 1991 по 2002 г. в рамках экспортных кредитных линий Германии под гарантии Правительства Республики Беларусь было получено 492,84 млн. долларов США

(из них в 2002 г. – 37,67 млн. долларов США) [16]. В начале 2003 г. в Беларуси было зарегистрировано 320 предприятий с участием немецкого капитала, в том числе 178 – совместных и 142 предприятия со стопроцентным немецким капиталом. Германия находилась на четвертом месте среди стран – инвесторов в Беларуси, на ее долю приходилось 12% общего количества созданных в стране предприятий с участием иностранного капитала. По объему фактически перечисленных средств в уставные фонды Германия занимала второе место [13].

Германия также оказывала значительную гуманитарную помощь Беларуси, которая составляла более 40% всей гуманитарной помощи, поступающей в республику [23].

Заключение

Проведенное исследование развития белорусско-германских отношений в период 2001–2003 гг. позволяет сделать вывод об их высоком значении в системе внешнеполитических приоритетов Беларуси.

В целом рамочные условия двустороннего сотрудничества определялись в формате отношений Европейский союз – Беларусь, которые в рассматриваемый период носили сложный и противоречивый характер.

В политической сфере основными направлениями взаимодействия являлись вопросы нормализации отношений с ЕС, ОБСЕ, другими европейскими организациями. Разрешение противоречий по вопросу о миссии ОБСЕ в Беларуси создало основу для продвижения диалога относительно условий нормализации отношений. Концепция «пошаговой стратегии» ЕС в отношении Беларуси и ее реализация объективно содействовали процессу дальнейшего обсуждения формата сотрудничества Беларуси с ЕС. Германия с учетом накопленного опыта сотрудничества и возможностей влияния была максимально вовлечена в этот процесс. В сфере двусторонних контактов важное значение приобрели контакты на уровне руководителей министерств и ведомств, встречи в рамках действующих структур межведомственного сотрудничества, контакты экспертов, представителей гражданского общества.

Германо-белорусские отношения в рассматриваемый период активно развивались в торгово-экономической сфере. ФРГ являлась главным торговым партнером Республики Беларусь среди стран вне СНГ и важной страной – кредитором Беларуси. Поступательное развитие торгово-экономического сотрудничества обусловило стремление обеих сторон к улучшению отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные вопросы международных отношений и внешней политики Беларуси : материалы науч. семинаров, январь – декабрь 2002 г. / редкол.: К. Байер [и др.]. – Минск : Тесей, 2003. – 215 с.
2. Винкельман, Х. Беларусь – Германия: уроки прошлого и поиск настоящего // Х. Винкельман // Беларусь в мире. – 2001. – № 2. – С. 6–8.
3. Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе : материалы междунар. науч. конф., Минск : 24–25 мая 2002 г., / редкол.: В. Астапенко [и др.]. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2002. – 276 с.
4. Вручение верительных грамот Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко Чрезвычайным и Полномочным Послом Федеративной Республики Германия в Республике Беларусь Х. Фриком // Вестник министерства иностранных дел. – 2001. – № 4. – С. 84–85.

5. Интервью Министра иностранных дел Республики Беларусь М.М. Хвостова, опубликованное в газете «Советская Белоруссия» 05.02.2002 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 2002. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-02-05-1.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
6. Комментарий пресс-секретаря МИД Беларуси в отношении рассмотрения Советом Европейского Союза 19 ноября 2002 года вопроса о Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-11-20-6.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Указом Президента Республики Беларусь 17 июля 2001 г., № 390 (в ред. Указов Президента Республики Беларусь от 28.01.2008 № 53, от 12.05.2009 N 241) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
8. Курс на пабудову моцнай і квітнеючай Беларусі. Выступленне Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А.Р. Лукашэнкі пры прадстаўленні штогадовага Паслання Парламенту Рэспублікі Беларусь 23 красавіка 2002 года // Звязда. – 2002. – 23 красавіка. – С. 1–3.
9. Материалы пресс-конференции Министра иностранных дел Республики Беларусь С.Н. Мартынова для представителей СМИ, состоявшейся в МИД Беларуси 29 декабря 2003 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-12-30-1.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
10. Матэрыялы брыфінга прэс-сакратара МЗС Беларусі Паўла Латушкі, праведзенага для прадстаўнікоў СМІ 14 сакавіка б.г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 2002. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-03-14-2.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
11. О визите в ФРГ Премьер-министра Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-04-19-2.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
12. О встрече М. Хвостова с германской делегацией [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-03-17-6.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
13. О выступлении заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь А.Ю. Михневича на Межотраслевой встрече деловых кругов Германия-Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 2002. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-10-07-4.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
14. О заседании в Берлине белорусско-германской Смешанной комиссии по культурному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-05-31-4.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
15. О проведении дней Беларуси в земле Баден-Вюртемберг [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-04-29-1.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
16. О проведении заседания Белорусско-Германской рабочей группы по торговле и инвестициям в г. Берлине [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-06-02-11.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.
17. О совещании руководителей железных дорог Беларуси, Германии, России и Польши [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. –

Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-03-05-3.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.

18. О 10-летию партнерских отношений Минска и Бонна [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-09-11-4.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.

19. Операция «Белый аист» // Советская Белоруссия. – 2001. – 5 сентября. – С. 2–3.

20. Русакович, А.В. Белорусско-германские отношения в 1990-х гг.: политика, экономика, право // А.В. Русакович. – Минск : Тесей, 2003. – 276 с.

21. Пар, А. Германия и Беларусь в XXI веке / А.Пар // Беларусь в мире. – 2001. – № 2. – С. 29–30.

22. Стенограмма пресс-конференции Министра иностранных дел Республики Беларусь Михаила Хвостова, состоявшейся 21 июня 2002 года в МИД Беларуси (часть 1) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-06-21-4.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.

23. Тезисы беседы заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь Александра Михневича с представителями СМИ ФРГ, состоявшейся в МИД Беларуси 14 мая с.г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2003-05-15-2.html>. – Дата доступа : 02.07.2009.

24. Шарапо, А.В. Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии : учеб. пособие / А.В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2007. – 232 с.

25. Шютте, Р. Отношения между Беларусью и Германией с точки зрения федерального правительства / Р. Шютте // Беларусь в мире. – 2002. – С. 10–12.

26. Bulletin der Europäischen Union. – 2001. – № 6. – 1.6.9; № 10. 1.6.9.

27. Die Ukraine und Belarus' in der Transformation: eine Zwischenbilanz / hrsg. von Rainer Lindner und Boris Meissner. – Köln : Verl. Wiss. und Politik. 2001. – 277 S.

28. Clement, H. Belarus – wirtschaftliche Entwicklung und Möglichkeiten der Zusammenarbeit mit Deutschland: Gutachten / H. Clement. – München : Osteuropa-Inst. 2003. – 40 S.

29. Kempe, I. Risiken und Herausforderungen jenseits der EU-Erweiterung. Eine Strategie für Rußland, die Ukraine, Moldova und Belarus' / I.Kempe // Osteuropa. – 2002. – № 12. – S. 1547–1561.

30. Klussman, U. Verschwundene Widersacher / U. Klussman // Der Spiegel. – 2001. – № 36. – S. 154–155.

31. Sahn, A. Nach der Wahl ist vor der Wahl. Belarus weiter auf Isolationskurs / A. Sahn. // Osteuropa. – 2005. – N 1. – S. 77–90.

32. Schütte, R. Neue Politik gegenüber Belarus / R. Schütte // Belarus-News. – 2002. – № 17. – S. 2–4.

33. Staak, M. Weiter in die Isolierung. Weissrussland nach der Präsidentschaftswahl / M. Staak // Internationale Politik. – 2001. – № 10. – S. 53–58.

34. Timmermann, H. Der Sonderfall Belarus' im Spannungsfeld zwischen Rußland und Europäischer Union / H. Timmermann // Osteuropa. – 2002. – N 11. – S. 1436–1455.

35. 10 Jahre deutsch-belarussische Beziehungen. 10 лет германо-белорусских отношений. – 2-е перераб. изд. – Берлин/Минск, 2004. – 150 с.

Rusakovich A.V. The Main Problems of Belarus-Germany Relations in the Period of 2001-2003

On the basis of a great number of sources the main directions of interaction between Belarus and Germany in the period of 2001-2003 in the complex of the relations Belarus-the European Union are analyzed, their place in the foreign policy of Belarus is defined, the main problems of bilateral relations and the factors influencing the state of political contacts are revealed, the results of cooperation attained in the trade and economic sphere are shown. The author notes that the framework conditions of bilateral cooperation were determined in the format of relations the European Union - Belarus, which during the period under review had quite a complex and contradictory nature. In the political field, the principal directions of interaction were issues of the normalization of relations between Belarus and EU, OSCE and other European organizations. The german-belarussian relations of that period were developing the most actively in the trade and economic sphere. Germany was the main trading partner of the Republic of Belarus among the countries outside the CIS and the important creditor country for Belarus. The author is of the opinion that the position of Germany in the light of experience of cooperation contributed to resolve existing problems between Belarus and the EU and furthered the development of bilateral relations.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.11.09

УДК 63(091)(476)

П.І. Корнеў

СЕЛЬСКАЯ ГАСПАДАРКА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў ПЕРШЫЯ ГАДЫ ПАСЛЯ ВЫЗВАЛЕННЯ АД ГЕРМАНСКИХ АКУПАНТАЎ (1944–1947 гг.)

На аснове разнастайных архіўных дакументаў і матэрыялаў у артыкуле разглядаецца становішча сельскай гаспадаркі Брэсцкай вобласці пасля яе вызвалення ад нямецка-фашысцкіх акупантаў (у адміністрацыйных граніцах абласцей БССР таго часу. Аналізуюцца праблемы аднаўлення земляробства і жывёлагадоўлі, жыццёвага ўзроўню сельскага насельніцтва, умацавання матэрыяльна-тэхнічнай базы і кадрў сельскай гаспадаркі. Паказваецца дзейнасць партыйна-савецкіх органаў па арганізацыі калгасаў на тэрыторыі вобласці і тыя праблемы, якія існавалі ў гэтым напрамку. Падводзяцца вынікі развіцця земляробства і жывёлагадоўлі, адзначаюцца дасягнутыя поспехі і недахопы.

Уводзіны

На сучасным этапе кіраўніцтва нашай краіны праводзіць шэраг мерапрыемстваў па павышэнні эфектыўнасці эканомікі. Асабліва ўвага ў гэтым плане адводзіцца аграрнаму сектару. Гістарычны вопыт сельскагаспадарчага развіцця, аналіз яго дасягненняў і недахопаў маюць асаблівае значэнне. У гісторыі Беларусі асвятленне пытанняў развіцця сельскагаспадарчай вытворчасці на розных этапах займае важнае месца. Праблемы развіцця аграрнага сектара эканомікі Беларусі разглядаюцца ў шэрагу даследаванняў, аднак дадзеныя па сельскагаспадарчым развіцці Брэстчыны асвятляюцца ў кантэксце аналізу гэтых праблем у маштабе ўсёй краіны. Спецыяльнага даследавання становішча аграрнага сектара эканомікі Брэстчыны ў першыя гады пасля яе вызвалення ад нямецка-фашысцкай акупацыі не існуе, таму гэтыя пытанні патрабуюць далейшага вывучэння.

У дадзены перыяд тэрыторыя Брэсцкай вобласці разглядаецца ў тых адміністрацыйных межах, якія існавалі да 8 студзеня 1954 г., калі ў яе склад увайшлі скасаваныя Пінская і частка Баранавіцкай абласцей. Брэсцкая вобласць была ўтворана 4 снежня 1939 г. пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР з тэрыторыяй былых Брэсцкага, Кобрынскага і Пружанскага павеатаў Палескага ваяводства. Спачатку ў склад вобласці ўваходзілі 18 раёнаў. Пасля адміністрацыйнага перадзелу ў 1944–1945 гг. у склад Брэсцкай вобласці ўваўшлі 14 раёнаў: Антопальскі, Бярозаўскі, Брэсцкі, Высокаўскі, Дзівінскі, Дамачаўскі, Жабінкоўскі, Камянецкі, Кобрынскі, Косаўскі (з 20 верасня 1947 г. – Івацэвіцкі), Маларыцкі, Пружанскі, Ружанскі і Шарашоўскі. Гэта складала прыкладна палову Брэсцкай вобласці ў яе сучасных межах.

Становішча сельскай гаспадаркі вобласці ў 1944–1945 гг.

Адразу пасля вызвалення вобласці ад нямецка-фашысцкіх акупантаў на яе тэрыторыі пачаліся работы па аднаўленні разбуранай народнай гаспадаркі.

За гады вайны сельскай гаспадарцы вобласці былі нанесены велізарныя страты. Маёмасць калгасаў, саўгасаў і МТС была разрабавана, грамадскія пабудовы спалены, акупанты знішчылі або вывезлі ўсе сельскагаспадарчыя машыны і абсталяванне. Толькі МТС вобласці былі нанесены страты ў памеры больш за 8 млн. рублёў (у даваенных цэнах). У выніку была поўнасцю знішчана матэрыяльна-тэхнічная база МТС (пабудовы, майстэрні, сельскагаспадарчая тэхніка, абсталяванне і многае іншае).

За час акупацыі поўнасцю была знішчана маёмасць калектывных гаспадарак. У калгасах вобласці акупанты захапілі каля 26,5 тысяч цэнтнераў разнастайнага фуражу,

амаль 20,5 тысяч галоў жывёлы (коней, кароў, свіней, авечак), каля 4 тысяч галоў птушак. Уся сельскагаспадарчая тэхніка была вывезена ў Германію або знішчана [1, с. 92–93].

Пасяўныя плошчы сельскагаспадарчых культур у 1945 годзе складалі каля 73 працэнтаў ад даваеннага ўзроўню.

За гады акупацыі рэзка скарацілася пагалоўе жывёлы: коней – больш чым на 38 тысяч, буйной рагатай жывёлы – больш чым на 91 тысяччу, свіней – 65 тысяч, авечак – 135 тысяч галоў.

Колькасць аднаасобных сялянскіх гаспадарак вобласці паменшылася больш чым на 11 тысяч. Пасля вызвалення ў сялян налічвалася крыху больш за 74 тысячы галоў буйнай і дробнай рагатай жывёлы, што складала толькі 8 працэнтаў ад даваеннага перыяду.

Па меры вызвалення тэрыторыі Беларусі ад акупантаў, насельніцтва рэспублікі адразу пачало работы па аднаўленні разбуранай народнай гаспадаркі. Канешне, гэта работа праводзілася на аснове пастанова партыйна-савецкіх органаў. Ужо 21 жніўня 1943 года прымаецца пастанова СНК СССР і ЦК ВКП(б) “Аб неадкладных мерах па аднаўленні гаспадаркі ў раёнах, вызваленых ад нямецкай акупацыі”, 1 студзеня 1944 года “Аб бліжэйшых задачах СНК БССР і ЦК КП(б)Б”. Гэтыя пастановы прадугледжвалі хуткае аднаўленне сельскай гаспадаркі на аснове ўтварэння калгасаў і іх арганізацыйна-гаспадарчага ўмацавання на вызваленых тэрыторыях.

Значную дапамогу працоўным БССР у ліквідацыі цяжкіх наступстваў вайны аказалі іншыя рэспублікі СССР. Так, з Удмурцкай АССР у Беларусь было накіравана 58 адзінак сельскагаспадарчай тэхнікі (40 трактароў і 18 камбайнаў). З Яраслаўскай вобласці РСФСР было атрымана 2,5 тысячы плугоў і барон, больш за 3 тысячы галоў жывёлы. З Новасібірскай і Омскай абласцей сяляне Беларусі атрымалі каля 2,4 тысячы галоў жывёлы.

Самыя цяжкія страты вобласці за гады акупацыі і вайны – страты людзей. Па няпоўных дадзеных, за гады акупацыі і вайны загінула каля 160 тысяч жыхароў: што складала 26 працэнтаў ад даваеннага ўзроўню. Акрамя таго, за час акупацыі з вобласці было вывезена ў Германію больш за 30 тысяч чалавек.

Дэмаграфічная сітуацыя ў вобласці і асабліва ў сельскай мясцовасці ў першыя пасляваенныя гады ўскладнялася і тым, што значная частка сельскага насельніцтва была мабілізавана ў Чырвоную Армію. Мабілізацыя пачалася адразу пасля вызвалення тэрыторыі вобласці. Толькі за жнівень–лістапад 1944 года ў воінскія часці было накіравана больш за 40 тысяч чалавек 1900–1926 гг. нараджэння. Аднак былі выпадкі, калі ваеннаабавязаныя ўхіляліся ад мабілізацыі ў Чырвоную Армію. Так, у Высокаўскім сельсавеце Бярозаўскага раёна ні адзін прызыўнік пасля атрымання павесткі не з’явіўся ў ваенкамат, а ў Дзівінскім раёне большасць ваеннаабавязаных хавалася ад мабілізацыі ў лясах.

Насельніцтва вобласці аказвала значную дапамогу фронту прадуктамі харчавання. Толькі за ліпень–жнівень 1944 года для Чырвонай Арміі ў вобласці было падрыхтавана больш за 5 тысяч тон хлеба, значная колькасць мяса, бульбы, гародніны і іншых сельскагаспадарчых прадуктаў.

У 1944–1945 гг. вялікая колькасць працаздольнага насельніцтва (пераважна сельскага) прыцягвалася да розных работ у інтарэсах фронту. Так, для аднаўлення чыгуначнага моста праз раку Буг было мабілізавана каля 12 тысяч чалавек, для аднаўлення ўрадавай сувязі па шасэйнай дарозе Макраны–Брэст у распараджэнне воінскай часці было накіравана 50 сялян з Маларыцкага раёна [2, с. 12].

24 жніўня 1944 года быў праведзены абласны з’езд сялян, у якім прымалі ўдзел больш за тысячу сялянскіх дэлегатаў. На з’ездзе былі абмеркаваны пытанні аднаўлення народнай гаспадаркі, дапамогі фронту, а таксама вяртання сялянам тых зямель, якія былі ў іх забраны ў перыяд акупацыі [3, с. 144].

Адразу пасля вызвалення вобласці ад акупантаў партыйныя і савецкія органы імкнуліся павысіць у першую чаргу матэрыяльны ўзровень жыцця бяднейшай часткі сельскага насельніцтва. Для гэтага былі праведзены адпаведныя мерапрыемствы па ліквідацыі безземельных і памяншэнні колькасці малаземельных сялянскіх гаспадарак. Толькі за жнівень 1944 – чэрвень 1945 гг. сялянам было перададзена больш за 45 тысяч гектараў зямлі. У выніку, за кароткі тэрмін былі поўнасю ліквідаваны безземельныя сялянскія гаспадаркі і значна скарацілася колькасць малаземельных гаспадарак, якія мелі ад 2 да 5 гектараў зямлі. Атрыманыя безземельнымі і малаземельнымі сялянамі землі з’явіліся, галоўным чынам, за кошт ліквідацыі 60 памешчыцкіх маёнткаў і 61 гаспадаркі, арганізаваных захопнікамі ў час акупацыі [4, с. 78].

Вельмі вострай была праблема кадраў усіх узроўняў. Партыйныя і савецкія органы сталі стварацца адразу пасля вызвалення вобласці. Характэрна, што камплектаванне апарату партыйна-савецкіх органаў адбывалася за кошт асоб, якія накіроўваліся з усходніх абласцей БССР, іншых рэспублік СССР (іх мясцовае насельніцтва называла “ўсходнікамі”), а таксама з ліку партызан Брэсцкага злучэння. У жніўні–лістападзе 1944 года на партыйна-савецкую работу было вылучана 2 500 чалавек, што дало магчымасць у асноўным укамплектаваць абкам і аблвыканкам, райкам партыі, райвыканкамы і сельскія саветы адпаведнымі кадрамі. Аднак, да канца 1944 года яшчэ заставаліся сур’ёзныя праблемы з кіруючымі кадрамі раёнаў і асабліва сельскіх саветаў.

Нізкім з’яўляўся ўзровень адукацыі кіруючых кадраў. Так, у 1946 годзе 51 працэнт старшын райвыканкамаў мела пачатковую адукацыю, з 14 загадчыкаў раённых зямельных аддзелаў толькі 8 чалавек мелі спецыяльную адукацыю [5, с. 181].

Усё гэта прыводзіла да частай змены кіруючых кадраў. Толькі за 1946 – пачатак 1947 гг. у вобласці змяніліся 13 з 14 намеснікаў старшын райвыканкамаў, усе 14 старшын райспажыўсаюзаў і іншыя адказныя работнікі. Асабліва складаным было становішча з кіруючымі кадрамі сельскіх саветаў. Толькі за 1946 год у вобласці змяніліся 71 старшыня і 88 сакратароў сельскіх саветаў [6, с. 54].

Як адзначалася, кіруючыя кадры вобласці ў першыя гады пасля вызвалення фарміраваліся з ліку прыезджага насельніцтва (“ўсходнікаў”). Так, у 1947 годзе з 14 раёнах вобласці з прадстаўнікоў мясцовага насельніцтва было толькі 2 старшыні райвыканкамаў, 2 сакратары райкамаў партыі, 2 супрацоўнікі ў апарате абкама партыі і 3 у аблвыканкаме. На кіруючых пасадах наменклатуры Брэсцкага абкама КП(б)Б налічвалася толькі 11 працэнтаў адказных работнікаў з мясцовага насельніцтва [7, с. 82].

У разглядаемы перыяд мясцовае насельніцтва невялікую ўдзельную вагу мела таксама ў партыйных і камсамольскіх арганізацыях. У 1947 годзе сярод прынятых у партыю мясцовыя жыхары складалі 34 і ў камсамоле – 42 працэнты, а ў сельскай мясцовасці яшчэ менш. Так, у Брэсцкім раёне за 1945–1946 гг. у партыю было прынята 36 чалавек, з іх мясцовых – толькі 8 [8, с. 45, 64].

Аднаўленне МТС і калгасаў

У адпаведнасці з пастановай бюро Брэсцкага абкама КП(б)Б ад 21 снежня 1944 г. “Аб аднаўленні МТС у раёнах Брэсцкай вобласці”, паўсюдна разгарнуліся работы па стварэнні машына-трактарных станцый. У даваенны перыяд МТС былі створаны ў кожным з 14 раёнаў Брэсцкай вобласці. Ужо ў пачатку 1945 г. у вобласці былі адноўлены ўсе 14 МТС, якія абслугоўвалі калгасы і 1575 сялянскіх гаспадарак.

Аднак МТС мелі яшчэ вельмі слабую матэрыяльна-тэхнічную базу. Так, у канцы 1945 г. у 14 МТС вобласці налічвалася толькі 34 трактары, г. зн. на адну МТС прыходзілася ў сярэднім крыху больш за 2 трактары, што складала 20% да ўзроўню 1941 г. Некаторыя МТС не мелі трактароў наогул (Дамачаўская і Дзівінская). Значная

колькасць сельскагаспадарчай тэхнікі МТС патрабавала неадкладнага рамонту, які немагчыма было зрабіць з-за адсутнасці неабходных запасных частак, востра адчуваўся і недахоп гаручага.

Слабая матэрыяльна-тэхнічная база МТС не дазваляла механізаваць найбольш цяжкія сельскагаспадарчыя віды работ (пасеў, уборка ураджаю), таму большасць плошчаў зямель у калгасах апрацоўвалася ўручную.

10 красавіка 1945 г. СНК БССР і ЦК КП(б)Б прынялі пастанову “Аб арганізацыі машынна-конных пракратных пунктаў пры МТС заходніх абласцей БССР”. У адпаведнасці з гэтай пастановай, пры кожнай машынна-трактарнай станцыі быў створаны машынна-конны пункт, які меў коней, плугі, бароны, культыватары, малацілкі і іншую сельскагаспадарчую тэхніку. Гэтыя пункты аказвалі дапамогу бядняцкім гаспадаркам, а таксама сем’ям загінуўшых ваеннаслужачых у правядзенні пасеву і ўборкі ўраджаю.

У МТС востра адчуваўся недахоп механізатарскіх кадраў. Абласная школа механізацыі з-за слабай матэрыяльна-тэхнічнай базы, адсутнасці неабходнай колькасці кваліфікаваных выкладчыкаў не магла падрыхтаваць кадры механізатараў (пераважна, трактарыстаў) адпаведнага ўзроўню і неабходнай колькасці. Так, у 1946 годзе ў школе было падрыхтавана такіх кадраў менш за палову ад плана [9, с. 85].

19 верасня 1946 года Вярхоўны Савет БССР зацвердзіў чацвёрты пяцігадовы план развіцця народнай гаспадаркі рэспублікі на 1946–1950 гады. У якасці найважнейшай задачы аднаўлення і далейшага развіцця сельскай гаспадаркі ставілася аднаўленне і павелічэнне даваенных памераў пасяўных плошчаў. Для Брэсцкай вобласці планавалася павелічэнне пасяўных плошчаў больш як на 29 тысяч гектараў. Асаблівая ўвага надавалася павелічэнню пасеваў тэхнічных і кармавых культур, бульбы і гародніны, павышэнню ўраджайнасці ўсіх сельскагаспадарчых культур за кошт шырокага выкарыстання арганічных і мінеральных угнаенняў.

У вобласці неабходна было аднавіць і перавысіць даваенны ўзровень пагалоўя жывёлы.

Важныя задачы на гады пяцігодкі прадугледжваліся ў справе паляпшэння становішча з сельскагаспадарчымі кадрамі шляхам падрыхтоўкі спецыялістаў у вышэйшых і сярэдніх спецыяльных вучэбных установах, а таксама кадраў масавай кваліфікацыі для МТС і калгасаў.

Выкананне заданняў чацвёртай пяцігодкі ў галіне сельскай гаспадаркі праходзіла ў складаных умовах. Адноўлення і створання калгасы мелі яшчэ даволі слабую матэрыяльна-тэхнічную базу, адчувалі востры недахоп сельскагаспадарчай тэхнікі, інвентару, угнаенняў. Па-ранейшаму востра стаялі пытанні з кадрамі спецыялістаў сельскай гаспадаркі, механізатараў.

Былі і аб’ектыўныя прычыны, якія ўскладнялі становішча ў сельскай гаспадарцы. У 1946 годзе значная колькасць рэгіёнаў СССР была ахопленая засухай, якая закранула і паўднёвыя раёны Беларусі. Гэта прывяло да рэзкага памяншэння збору ўраджаю і падзення жыццёвага ўзроўню насельніцтва.

Праблемы аднаўлення народнай гаспадаркі ўскладняліся вельмі цяжкім матэрыяльна-бытавым становішчам сельскага насельніцтва. Асабліва вострым было жыллёвае пытанне. За гады акупацыі захопнікі толькі ў Антопальскім, Маларыцкім, Ружанскім і Шарашоўскім раёнах знішчылі больш за 6 тысяч дамоў, у выніку чаго значная колькасць сем’яў была вымушана пражываць у зямлянках.

Больш за 400 вёсак вобласці было поўнасцю разбурана. Асабліва пацярпелі населеныя пункты Шарашоўскага раёна, дзе акупанты спалілі больш за палову сялянскіх хат.

За гады акупацыі ў вобласці былі спалены і знішчаны 21 тысяча 400 жылых дамоў і больш за 35 тысяч іншых будынкаў.

Аднаўленне жыллёвага фонду праводзілася будаўнічымі арганізацыямі і сіламі самога насельніцтва. У першую чаргу жыллём забяспечваліся сем'і загінуўшых воінаў і партызан, інвалідаў вайны, шматдзетныя сем'і. Аднак жыллёвая праблема заставалася вельмі вострай. У 1947 годзе ў вобласці 4 300 сялянскіх сем'яў яшчэ пражывала ў зямлянках [10, с. 183].

З-за недахопаў сельскага інвентару і цяглавай сілы апрацоўка зямлі ажыццяўлялася ўручную, пераважна жанчынамі і дзецьмі. У сельскагаспадарчых работах вымушаны былі карыстацца прымітыўнымі прыладамі працы – драўлянымі сохамі і баронамі, а ў побыце – лучынай, дамацканай вопраткай і г. д.

Важнае значэнне ў першыя пасляваенныя гады надавалася пытанням развіцця культурна-асветных устаноў у вёсках. Значная частка гэтых устаноў за гады вайны была знішчана акупантамі. Не хапала кваліфікаваных спецыялістаў, памяшканняў, радыёпрыёмнікаў, кніг, часопісаў і шмат іншага.

Паступова ў гэтым накірунку адбываліся пазітыўныя змены. Ужо ў пачатку 1945 года ў вобласці дзейнічалі 173 хаты-чытальні, што больш чым у 3 разы перавышала іх даваенную колькасць.

Партыйныя і савецкія органы Беларусі, праводзячы вялікую работу па аднаўленні народнай гаспадаркі, значную ўвагу ўдзялялі пытанням калектывізацыі сельскай гаспадаркі. Так, яшчэ да вызвалення Брэсцкай вобласці ад акупантаў, 20 чэрвеня 1944 г., ЦК КП(б)Б і СНК БССР прынялі пастанову “Аб аднаўленні калгасаў у вызваленых ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў раёнах Беларускай ССР”, у якой ставіліся задачы з ліпеня–верасня 1944 г. аднавіць калгасы, арганізавана правесці збор ураджаю і пасеў азімых культур.

У даваенны перыяд (1939–1941 гг.) на тэрыторыі вобласці было створана 95 калгасаў, якія планавалася аднавіць у першую чаргу.

У першыя пасляваенныя гады ў калектывныя гаспадаркі ўступалі беднякі і невялікая частка сярэднякоў, якім у укупнасці належала ад 3% да 5% пасяўных плошчаў. Па гэтай прычыне такія калгасы мелі слабую матэрыяльна-тэхнічную базу. Так, у Косаўскім раёне калгас імя Леніна аб'ядноўваў 19 сялянскіх гаспадарак і меў 18 коней і 15 плугоў. Калгас імя Сталіна быў арганізаваны з 38 сялянскіх гаспадарак і меў 37 коней і невялікую колькасць сельскагаспадарчага інвентару. Некаторыя калгасы аб'ядноўвалі ўсяго толькі па 5–6 сялянскіх, як правіла, бядняцкіх, гаспадарак.

У такіх калгасах была вельмі нізкая ўраджайнасць усіх сельскагаспадарчых культур. Калі ў сярэднім па вобласці ўраджайнасць зерневых складала 4 цэнтнеры, то ў многіх калгасах – менш за 3 цэнтнеры з гектара [11, с. 72].

Пры арганізацыі калектывных гаспадарак мелі месца выпадкі адміністравання, парушэнняў прынцыпу добраахвотнасці пры ўступленні сялян у калгасы. Гэта прыводзіла да адмовы сялян здаваць у калгасы сельскагаспадарчы інвентар і жывёлу, да нізкай працоўнай дысцыпліны.

На 31 снежня 1947 года ў вобласці дзейнічалі 53 калгасы, якія аб'ядноўвалі 1759 сялянскіх гаспадарак, што складала толькі 2 працэнты ад агульнай колькасці. У сярэднім на адну калектывную гаспадарку прыходзілася каля 20 коней, 8 галоў буйной рагатай жывёлы, 5 свіней, 9 авечак [12, с. 86].

Характэрнай асаблівасцю ўтвораных калгасаў у гэты час з'яўлялася і тое, што новыя калектывныя гаспадаркі ўзніклі на аснове аб'яднання сялян асобных вёсак. Так, калгас “Перамога” быў утвораны на аснове аб'яднання 34 сялянскіх гаспадарак вёскі Агароднікі Жабінкоўскага раёна, калгас імя Чапаева – шляхам аб'яднання 55 гаспадарак вёскі Столпы Брэсцкага раёна, сельскагаспадарчая арцель імя

Варашылава ў вёсцы Хомічы Ружанскага раёна складалася з 82 сялянскіх гаспадарак. У такіх калгасах поўнасьцю адсутнічалі трактары, камбайны, аўтамабілі, у невялікай колькасці быў у наяўнасці сельскагаспадарчы інвентар (плугі, бароны, малацілкі, жаткі, сеялкі) і жывёла.

У першыя гады пасля вызвалення вобласці ад акупантаў калектывізацыя сельскай гаспадаркі яшчэ не набыла масавага характару. У гэты перыяд у асноўным аднаўляліся тыя калгасы, якія былі створаны яшчэ да вайны (1939–1941 гг.). Масавы характар калектывізацыя ў заходніх раёнах Беларусі, у тым ліку, і на Брэстчыне, набыла з 1948–1949 гг. і ў асноўным была завершана к сярэдзіне 1950-х гадоў.

Заклучэнне

Разглядаемы перыяд быў адным з самых складаных у гісторыі Брэсцкай вобласці, што тлумачыцца перш за ўсё наступствамі Вялікай Айчыннай вайны. У параўнанні з усходнімі абласцямі БССР тут быў больш працяглым нямецка-фашысцкі акупацыйны рэжым. Пасля вызвалення вобласці ў справе аднаўлення і далейшага развіцця сельскай гаспадаркі адбыліся пэўныя пазітыўныя змены. Павялічаны пасяўныя плошчы сельскагаспадарчых культур, паступова аднаўлялася пагалоўе жывёлы, паменшылася колькасць малазямельных сялян. Былі адноўлены ўсе МТС і большасць калгасаў, створаных да вайны. Аднак аб'ём сельскагаспадарчай вытворчасці яшчэ не дасягнуў даваеннага ўзроўню, асабліва ў жывёлагадоўлі. Значныя праблемы заставаліся ў справе паляпшэння матэрыяльна-бытавых умоў жыцця сельскага насельніцтва.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1, – Воп. 1. – Спр. 12. Матэрыялы Пленума Брэсцкага абкома КП(б)Б, 12 снежня 1947 г.
2. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 16. Справаздача Брэсцкага абкома КП(б)Б, 25 лістапада 1944 г.
3. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 2. – Спр. 9. Матэрыялы Пленума Брэсцкага абкома КП(б)Б, 29 сакавіка 1947 г.
4. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 18. Нарада абласнога партыйнага актыву, 17 кастрычніка 1944 г.
5. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 43. – Спр. 6. Абласная канферэнцыя КП(б)Б, 7–9 кастрычніка 1946 г.
6. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 12. Пленум Брэсцкага абкома КП(б)Б, 12 снежня 1947 г.
7. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 15. Сход актыву Брэсцкай абласной партыйнай арганізацыі, 25 кастрычніка 1947 г.
8. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 10. Пленум Брэсцкага абкома КП(б)Б, 15–16 чэрвеня 1947 г.
9. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 14. Абласны сход партыйнага актыву Брэсцкай вобласці, 27-28 сакавіка 1947 г.
10. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 10. Пленум Брэсцкага абкома КП(б)Б, 15–16 чэрвеня 1947 г.
11. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 12. Пленум Брэсцкага абкома КП(б)Б, 12 снежня 1947 г.
12. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 5. – Спр. – 10. Пленум Брэсцкага абкома КП(б)Б, 12–13 мая 1948 г.

Kornev P.I. Agriculture of Brest Region During the First Years After the Liberation from German Occupants (1944-1947)

The consequences of German-fascist occupation for agriculture and rural population of Brest region in those administrative boundaries of Belarusian SSR, which existed in that time, are considered in the article. The problems of restoring of farming and cattle breeding, living standard of rural population, strengthening of material and technical basis and agricultural personnel are analyzed. The activity of party-soviet bodies in organizing of collective farms on the territory of the region and the problems connected with this activity is shown. Short totals of farming and cattle breeding development are given; the progress and shortcomings are underlined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.09.09

УДК 94(476) «1921/1939»

В.М. Мярчук

АДМІНІСТРАЦЫЙНА-ПРАВОВЫЯ АСНОВЫ ЭМІГРАЦЫІ З ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)

У артыкуле прааналізавана міжнародная эміграцыйная палітыка Польшчы адносна заходнебеларускага рэгіёну ў 20–30-я гг. XX ст. Прадметам даследавання з’явіліся эміграцыйныя працэсы з тэрыторыі Навагрудскага, Віленскага, Палескага і Беластоцкага ваяводстваў у краіны Паўднёвай і Паўночнай Амерыкі, Заходняй Еўропы і Палесціну. Падкрэсліваецца, што ў міжваенны перыяд была ўтворана шырокая адміністрацыйная і заканадаўча-прававая база эміграцыі, якая дазваляла каардынаваць масавы адток насельніцтва з Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. У артыкуле зроблена выснова аб тым, што афіцыйныя польскія ўлады праводзілі адпаведную дыпламатычную дзейнасць па распрацоўцы і заключэнні эміграцыйных пагадненняў, канвенцый і дагавораў з краінамі Еўропы, Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі.

Уводзіны

У дэмаграфічнай гісторыі Заходняй Беларусі важнае месца адводзіцца працоўнай эміграцыі 20–30-х гг. XX ст. Актуальнасць праблематыкі тлумачыцца адсутнасцю комплексных навуковых прац у айчыннай гістарычнай навуцы, прысвечаных даследаванню эміграцыі з названага рэгіёну. Праблемы даследавання гісторыі працоўнай эміграцыі маюць важнае значэнне ў кантэксце выяўлення механізмаў утварэння і развіцця польскай, беларускай і яўрэйскай дыяспар, вывучэння нацыянальных меншасцяў і эміграцыйнай палітыкі польскіх урадаў у 1921–1939 гг. У папярэдніх даследаваннях польскіх вучоных аб эміграцыі з міжваеннай Польшчы не аналізаваліся рэгіянальныя асаблівасці, эміграцыйныя працэсы разглядаліся ў агульным плане ў маштабе ўсёй краіны (А. Гаўрышэўскі, Б. Верфем, Б. Копец, Г. Яноўская, Е. Тамашэўскі) [1; 2; 3; 4; 5]. Да цяперашняга часу не існуе спецыяльнай працы, дзе б разглядаліся пытанні эміграцыйнай палітыкі Польскай дзяржавы і акрэсліваліся юрыдычныя асновы эміграцыі з тэрыторыі Навагрудскага, Віленскага, Палескага і Беластоцкага ваяводстваў. Менавіта таму мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца комплексны аналіз заканадаўча-прававой і адміністрацыйнай палітыкі Польшчы адносна эміграцыйных працэсаў з заходнебеларускага рэгіёну ў 1921–1939 гг.

Складванне адміністрацыйнага эміграцыйнага апарату

Дзяржаўная палітыка Польшчы 1921–1939 гг. у дачыненні заходнебеларускага насельніцтва выклікала пашырэнне маштабаў эміграцыйных працэсаў у Заходняй Беларусі. Працоўная эміграцыя з дадзенага рэгіёну была накіравана ў розныя краіны Еўропы, Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі, Блізкага Усходу. У гады сусветнага эканамічнага крызісу эміграцыйныя тэндэнцыі ўзмацніліся і набылі масавы характар. Так, за 1927–1938 гг. з тэрыторыі 4-х заходнебеларускіх ваяводстваў выехала за мяжу каля 201480 чалавек [1, с. 424–425].

З 1920 г. эміграцыйную палітыку Польшчы ажыццяўлялі Міністэрства працы і сацыяльнай апекі, Дзяржаўнае ўпраўленне пасрэдніцтва і апекі над эмігрантамі

Навуковы кіраўнік – А.М. Вабішчэвіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

(створана 27 студзеня 1919 г.), Дзяржаўнае ўпраўленне па справах палонных, бежанцаў і работнікаў, Эміграцыйнае ўпраўленне і Дзяржаўная эміграцыйная рада, якая дзейнічала ў супрацоўніцтве з Міністэрствам замежных спраў.

Этап нескаардынаваных дзеянняў у пытаннях эміграцыйнай палітыкі быў скончаны ў 1920 г., калі па загадзе афіцыйных польскіх улад было ўтворана асобнае Эміграцыйнае ўпраўленне. Функцыі Эміграцыйнага ўпраўлення заключаліся ў падрыхтоўцы і выданні эміграцыйнага заканадаўства, прадухіленні нелегальнай прапаганды і вярбоўкі перасяленцаў, распрацоўцы маршрутаў транспарціроўкі, апекі эмігрантаў за мяжой і рээмігрантаў у Польшчы, а таксама ў падліку статыстыкі эмігрантаў сумесна з Галоўным статыстычным упраўленнем.

У 1921 г. была створана сетка эміграцыйных аташэ, якія дзейнічалі за мяжой пры дыпламатычных, консульскіх упраўленнях і ажыццяўлялі апеку над эмігрантамі. Пазней яны былі заменены на ўпраўленні эміграцыйных дарадцаў.

Найважнейшым прававым эміграцыйным актам з'яўлялася распараджэнне прэзідэнта Польшчы І. Масціцкага ад 11 кастрычніка 1927 г. «Аб эміграцыі», якое набыло статус эміграцыйнага закона. Да гэтага моманту не было ніводнага юрыдычнага дакумента, які рэгуляваў бы эміграцыйныя працэсы на тэрыторыі Польшчы. Канстытуцыя Польшчы 1921 г. абвешчала прынцыпы свабоднай эміграцыі, аднак гэта не дала магчымасці гаварыць аб заканадаўчай аформленасці дзяржаўнай эміграцыйнай палітыкі.

У законе «Аб эміграцыі» ўпершыню была вызначана дэфініцыя паняцця «эмігрант», акрэслена сфера дзейнасці эміграцыйных улад, нормаў эміграцыйнай транспарціроўкі, асадніцтва і найму рабочых. Зыходзячы з азначэння, прыведзенага ў законе, «эмігрантам... з'яўляўся грамадзянін Польшчы, які збіраўся пакінуць ці ўжо пакінуў тэрыторыю Польшчы з мэтай уладкавання на працу за мяжой ці накіроўваўся да мужа (жонкі), родных, якія эмігрыравалі ў папярэдні час...» [1, с. 418]. Гэты дакумент даў польскім уладам юрыдычную падставу для ўтварэння разгалінаванага эміграцыйнага апарату. Так, на аснове закона «Аб эміграцыі» пастановай Міністэрства працы і сацыяльнай апекі 28 верасня 1928 г. былі адкрыты экспазітуры Эміграцыйнага ўпраўлення ў Брэсце і Беластоку, якія ажыццяўлялі непасрэдны кантроль за эміграцыйным рухам у заходнебеларускім рэгіёне.

Для каардынацыі эміграцыйных працэсаў і ажыццяўлення пасрэдніцкай дзейнасці паміж уладамі Польшчы і замежных краін у пытаннях эміграцыі 11 студзеня 1930 г. па загадзе Міністэрства працы і сацыяльнай апекі быў утвораны Варшаўскі эміграцыйны сіндыкат. Эміграцыйны сіндыкат разам з дзяржаўнымі эміграцыйнымі ўладамі імкнуўся кантраляваць рух эмігрантаў з заходнебеларускіх зямель, зыходзячы з прыярытэтаў Польскай дзяржавы. У склад Эміграцыйнага сіндыката ўваходзілі дырэкцыя ў Варшаве, аддзелы, агентуры і штат супрацоўнікаў. Усяго на тэрыторыі Польшчы на момант утварэння Эміграцыйнага сіндыката налічвалася 17 аддзелаў і 858 супрацоўнікаў, з якіх 600 мелі права голасу на пасяджэннях сіндыката [6, л. 31]. Інстытут агентур быў нешматлікім, праіснаваў нядоўга і быў заменены пляцоўкамі павятовых і гмінных карэспандэнтаў [7, л. 62].

У ліпені 1930 г. Міністэрства працы і сацыяльнай апекі выступіла з праектам утварэння новай эміграцыйнай структурнай адзінкі – міжведамаснай камісіі па справах эміграцыі і каланізацыі, якая павінна была загадваць эміграцыйным фондам. Дамінуючая роля ў новастворанай камісіі адводзілася Міністэрству працы і сацыяльнай апекі і Эміграцыйнаму ўпраўленню.

На працягу 1931–1933 гг. адбылася рэарганізацыя Эміграцыйнага ўпраўлення, што прывяло да пераразмеркавання функцый у справах эміграцыі паміж Міністэрствам працы і сацыяльнай апекі і Міністэрствам замежных спраў. У 1932 г. міжведамасная

камісія па справах эміграцыі і каланізацыі і фондавая эміграцыйная камісія былі заменены міжведамаснай эміграцыйнай камісіяй (МЭК), якая ўваходзіла ў склад Міністэрства замежных спраў Польшчы. 1 чэрвеня 1932 г. прэзідэнт Польшчы выдаў распараджэнне аб ліквідацыі Эміграцыйнага ўпраўлення і Дзяржаўнай эміграцыйнай рады. Эміграцыйная палітыка сканцэнтравалася ў консульскім дэпартаменце Міністэрства замежных спраў. 27 кастрычніка 1933 г. распараджэннем прэзідэнта было ліквідавана Дзяржаўнае ўпраўленне пасрэдніцтва працы, функцыю якога пачалі выконваць адміністрацыйныя ўлады [8, л. 79]. На падставе распараджэння прэзідэнта Польшчы ад 21 чэрвеня 1932 г., усімі эміграцыйнымі справамі пачало кіраваць Міністэрства замежных спраў. Да функцый Міністэрства працы і сацыяльнай апекі адыходзілі справы адбору, вярбоўкі, транспарціроўкі і апекі эмігрантаў.

Змены ў структуры Эміграцыйнага сіндыката былі выкліканы павелічэннем колькасці аддзелаў (у 1930 г. дзейнічала 13 аддзелаў, у 1933 г. – 18) і рэзкім скарачэннем колькасці агентур (у канцы 1930 г. іх налічвалася 31, у 1933 г. – толькі 2). Гэта тлумачылася спробай сканцэнтраваць эміграцыйную дзейнасць у больш значных структурных адзінках Эміграцыйнага сіндыката – аддзелах [9, л. 58]. Пераўтварэнні ў структуры эміграцыйнага апарату закранулі і штат супрацоўнікаў (у 1931 г. колькасць супрацоўнікаў складала 128 чалавек, у 1932 г. – 100, у 1933 – толькі 80) [10, л. 74].

Такім чынам, у выніку рэарганізацыі эміграцыйнага апарату ў 1931–1933 гг. Міністэрству працы і сацыяльнай апекі пачало адводзіцца другараднае месца ў справах эміграцыі, а галоўныя функцыі перайшлі да Міністэрства замежных спраў і міжведамаснай эміграцыйнай камісіі. Гэта дазволіла польскім афіцыйным уладам кантраляваць эміграцыйныя працэсы. Змены ў структуры Эміграцыйнага сіндыката прывялі да скарачэння фінансавых выдаткаў у сістэме забеспячэння яго структурных адзінак і персаналу. Эміграцыйныя структуры, якія былі ўтвораны ў міжваенны перыяд, праіснавалі да пачатку Другой сусветнай вайны.

Заканадаўча-прававая і міжнародна-дагаворная база эміграцыі з Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.

Для ажыццяўлення легальнай і прававой эміграцыі неабходна была распрацаваная прававая база. На працягу ўсяго разглядаемага перыяду афіцыйныя польскія ўлады прымалі актыўны ўдзел у распрацоўцы, прыняцці і ажыццяўленні міжнародных эміграцыйных пагадненняў і дамоў.

Польска-амерыканскія эміграцыйныя адносіны базіраваліся ў асноўным на 2-х законапраектах: Статуце эміграцыйных квот («Dillingham Bill») і на законе Джонсана. Статут аб эміграцыйных квотах, які быў прыняты ў 1921 г. з мэтай паніжэння эміграцыйнай хвалі ў ЗША, прадугледжваў абмежаванне гадавой лічбы эмігрантаў 3% ад этнічнай групы грамадзян ЗША на падставе перапісу насельніцтва 1910 г., у выніку чаго гадавая квота эмігрантаў з Польшчы ў 1922 г. складала 25827 чалавек, на 1923 і 1924 гг. – адпаведна 31146 і 30977 чалавек [1, с. 422]. Закон Джонсана, ці «National Origins Act», быў прыняты ў маі 1924 г. і вызначаў гадавую квоту эмігрантаў 2% ад этнічнай групы грамадзян ЗША на 1890 г. (гадавая эміграцыйная квота для Польшчы ў 1924 г. складала 5982 чалавек) [1, с. 422]. Абодва законы насілі абмежавальны характар і кардынальна ўплывалі на дзейнасць мараходных кампаній, маштабы, напрамкі эміграцыі і сацыяльны склад эмігрантаў. Вынікам такой палітыкі было скарачэнне колькасці эмігрантаў у краіны Паўночнай Амерыкі і павелічэнне колькасці асоб, што выязджалі ў Лацінскую Амерыку.

Афіцыйныя канадскія ўлады праводзілі абмежавальную палітыку ў дачыненні да эмігрантаў. У 1919 г. канадскае эміграцыйнае заканадаўства было дапоўнена спецыяльным загадам, які забараняў эмігрыраваць у дамініён грамадзянам тых краін,

якія ваявалі супраць Канады і Вялікабрытаніі ў гады Першай сусветнай вайны. Эміграцыйны дэпартамент Канады падзяліў эмігрантаў на прывілеяваных (немцы, бельгійцы, галандцы, швейцарцы і інш.) і непрывілеяваных (аўстрыйцы, румыны, палякі, чэхі, беларусы, рускія, украінцы і інш.). Аднак у 1925 г. канадскі ўрад, які быў зацікаўлены ў каланізацыі заходняй часткі краіны, падпісаў 2-гадовую дамову з чыгуначнымі кампаніямі CNR (Canadian National Railways) і CPR (Canadian Pacific Railways) [11, с. 3]. Кампаніям прадастаўлялася права набору, транспарціроўкі і размяшчэння эмігрантаў з краін Усходняй Еўропы.

Найбольшай папулярнасцю сярод заходнебеларускіх эмігрантаў карысталіся краіны Паўднёвай Амерыкі – Аргенціна, Бразілія, Уругвай, Парагвай і Перу. У гэтых краінах умовы працаўладкавання і сацыяльнай адаптацыі эмігрантаў былі даволі складанымі. Нярэдка здаралася так, што частка перасяленцаў доўгі час не магла знайсці працу, вынікам чаго было папаўненне маргінальных сацыяльных слаёў.

У эміграцыйнай палітыцы Аргенціны галоўным з'яўляўся эміграцыйны закон ад 19 снежня 1876 г., які рэгуляваў працэсы і механізмы эміграцыі [12, л. 81]. Закон дзейнічаў на працягу ўсяго міжваеннага перыяду і быў адным з самых ліберальных сярод усіх краін Амерыкі. Эмігранты, якія накіроўваліся ў Аргенціну, працаўладкоўваліся на ўсёй тэрыторыі краіны, аднак найбольш шчыльная канцэнтрацыя заходнебеларускіх эмігрантаў назіралася ў Буэнас-Айрэсе, правінцыях Буэнас-Айрэс і Місіёнэс, Чако, Мэндоза, Рыо Негра, Фармоса, Карэнтэс [6, л. 36].

У 1924 г. эміграцыя ў Бразілію была абмежавана ўрадавымі пастановамі. У перыяд сусветнага эканамічнага крызісу эміграваць у Бразілію маглі толькі вызначаныя бразільскімі эміграцыйнымі ўладамі катэгорыі насельніцтва. У лютым 1927 г. была падпісана дамова паміж Эміграцыйным упраўленнем Польшчы і Сакратарыятам зямельных спраў Бразіліі, пасля якой на 10 гадоў наступіў застой. Толькі ў 1934 г. парламент Бразіліі прыняў эміграцыйны закон аб максімальнай гадавой квоты эмігрантаў («Qouta Act»), які ўступіў у дзеянне ў красавіку 1936 г. Замененыя эміграцыйныя прадпісанні вызначалі польскія эміграцыйныя квоты ў Бразілію, якія на 1936 г. складалі 1800 чалавек, а на 1938 г. – толькі 535 чалавек [1, с. 426]. Пікам антыэміграцыйнай палітыкі быў дэкрэт ад 4 мая 1938 г., які прадугледжваў расавую дыскрымінацыю і быў накіраваны супраць яўрэяў і японцаў. Бразільскае консульства дазваляла ўезджаць у краіну сваім грамадзянам і асобам, якія накіроўваліся ў Бразілію другім ці першым класам, мелі неэміграцыйны пашпарт (такія пасажыры атрымлівалі візы без вызначанай квоты). Акрамя таго, дазвалялася эміграваць сем'ям у калоніі Эспірыту-Санта, лорда Лавата і іншыя [6, л. 12].

Эміграцыйнае заканадаўства Уругвая было вельмі падобным на бразільскае. Розніца заключалася толькі ў тым, што дакументы для ўезду ў гэтую краіну маглі пацвердзіць не толькі адміністрацыйныя органы, але і сусветныя эміграцыйныя арганізацыі. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі ў Бразілію і Уругвай у пачатку міжваеннага перыяду значных маштабаў не набыла. Гэта было выклікана спыненнем фінансавання бразільскім урадам сельскагаспадарчых калоній. На працягу 1919–1923 гг. бразільскія ўлады не мелі патрэбы ў эмігрантах з Польшчы. Толькі ў штаце Сан-Паўлу, дзе назіраўся недахоп працоўных рук на плантацыях кавы, арандатары былі зацікаўлены ў прытоку новай рабочай сілы. З гэтай нагоды ўрад Бразіліі пагадзіўся выдзяляць сродкі на транспарціроўку эмігрантаў. У 1924–1930 гг. адбылося павелічэнне колькасці заходнебеларускіх перасяленцаў у Бразілію, якое ў першую чаргу было выклікана эміграцыйнай палітыкай Польшчы. У 1927 г. польскі ўрад разам з прадстаўнікамі Эміграцыйнага сіндыката падпісаў пагадненне з урадам штата Сан-Паўлу, а ў 1929 г. Варшаўскае эміграцыйнае таварыства атрымала канцэсію на каланізацыю 50 тыс. га зямлі ў штаце Эспірыту-Санта [13, л. 41]. У выніку такой

палітыкі колькасць эмігрантаў у гэтыя краіны павялічылася. На працягу 1931–1939 гг. назіраўся спад эміграцыйных хваль у бразільскія калоніі, гэтаму садзейнічаў сусветны эканамічны крызіс і абмежаваная эміграцыйная палітыка ўрада Ж. Варгаса.

Яшчэ адной паўднёваамерыканскай дзяржавай, куды накіроўвалася насельніцтва з Заходняй Беларусі, з’яўляўся Парагвай. Эміграцыйная палітыка парагвайскіх улад мела шмат падобных рыс з аргенцінскімі эміграцыйнымі законамі і з 1930-х гг. насіла абмежавальны характар для некаторых катэгорый насельніцтва. Паводле закона 1937 г., у краіну забаранялася эміграваць яўрэям. Яўрэі-эмігранты, якія на працягу 1933–1936 гг. уладкаваліся ў г. Асунсьён, перасяляліся ў сельскую мясцовасць [14, л. 7]. У 1937–1938 гг. з тэрыторыі 4-х заходнебеларускіх ваяводстваў у Парагвай выехала каля 2519 чалавек, што складала 29% ад польскай эміграцыі ў гэтую краіну [1, с. 425].

Адзінкавыя выпадкі эміграцыі назіраліся ў Чылі, Перу і Венесуэлу [15; 16; 17]. Аднак распрацоўка эміграцыйнай заканадаўчай базы паміж гэтымі дзяржавамі не была завершана ў сувязі з пачаткам Другой сусветнай вайны.

Як асобную з’яву патрэбна разглядаць эміграцыю яўрэйскага насельніцтва ў блізкаўсходнім накірунку, дзе значная частка перасяленцаў накіроўвалася на гістарычную радзіму – Палесціну. Эміграцыйныя працэсы ў Палесціну рэгламентаваў Палесцінскі адзел у Варшаве, які быў утвораны сіяністамі і аказваў дапамогу эмігрантам на падставе дазволу польскіх эміграцыйных улад. Пачаткам эміграцыйных рухаў яўрэяў стала Дэкларацыя англійскага міністра замежных спраў А. Бальфура, якая была выдадзена 25 мая 1920 г. на канферэнцыі краін-пераможцаў у Сан-Рэма. Яна з’яўлялася асновай мандатнай палітыкі над Палесцінай і ў агульных рысах акрэслівала эміграцыйную палітыку брытанскіх улад. Палітыку брытанскай адміністрацыі Палесціны можна падзяліць на 2 перыяды: 1) 1920–1930 гг.; 2) 1931–1939 гг. У першы перыяд палітыка мела прасіянісцкі напрамак і адпавядала нормам Дэкларацыі А. Бальфура. У 1931–1939 гг. эміграцыйная палітыка брытанскай мандатнай адміністрацыі мела супярэчлівы характар. З аднаго боку, брытанскія ўлады рэгламентавалі наплыў яўрэяў у Палесціну і імкнуліся атрымаць прыхільнасць арабскага насельніцтва, з другога – нязначныя ўступкі арабам насілі прапагандысцкі характар і амаль не ўплывалі на маштабы яўрэйскай эміграцыі [5, с. 23].

Еўрапейскі накірунак эміграцыі з заходнебеларускага рэгіёну быў прадстаўлены Францыяй, Бельгіяй, Германіяй, Латвіяй і Эстоніяй. Эміграцыя ў Францыю – састаўная частка сусветнага міграцыйнага працэсу, якая развівалася ў рамках заходняга напрамку ў 20-я гг. XX ст. і набыла стыхійны характар. 14 кастрычніка 1919 г. была падпісана «Канвенцыя аб эміграцыі і іміграцыі», якая паклала пачатак польска-французскім эміграцыйным адносінам. Паводле канвенцыі, якая ўступала ў сілу з канца мая 1920 г., вярбоўка эмігрантаў магла ажыццяўляцца французскімі прадстаўніцтвамі без пасрэдніцтва дзяржаўных упраўленняў працы, а таксама на падставе індывідуальных кантрактаў працы [18, л. 44]. Кантынгент польскіх эмігрантаў вызначаўся ў залежнасці ад кан’юнктуры і сітуацыі на французскім рынку працы.

У сувязі з тым, што эміграцыйныя працэсы ў Францыю на пачатку 20-х гг. XX ст. пачалі набываць масавы характар, у 1924 г. аб’яднанне французскіх работадаўцаў утварыла «Societe generale d’Immigration» – таварыства, якое займалася масавай вярбоўкай замежных работнікаў [2, с. 420]. За дынамікай, структурай і колькаснымі паказчыкамі эміграцыйных працэсаў у Францыі сачыла Генеральная французская канфедэрацыя працы (CGT) [19, с. 8–9]. Яна каардынавала дзейнасць французскіх работадаўцаў, арганізоўвала эміграцыйныя перамяшчэнні, якія былі дадаткам мясцоваму рынку працы, а не становілася асновай для французскай эканомікі [20, с. 30].

Эміграцыя ў Бельгію рэгламентавалася толькі ўмовамі таргавіцкага трактата, які быў падпісаны паміж Польшчай і Бельгіяй 30 снежня 1922 г. [21, л. 3]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі дадзеныя накірунак эміграцыі не быў распаўсюджаны: за 1927–1937 гг. у Бельгію выехала толькі 75 чалавек (з якіх 70 – з Беластоцкага ваяводства) [1, с. 424].

У перыяд гаспадарчага крызісу набыла распаўсюджанне сезонная эміграцыя ў Германію, Латвію і Эстонію. У пачатку 1930-х гг. латвійскі рынак працы быў зацікаўлены ў паслугах замежных сезонных рабочых, якія ў першай палове 1930-х гг. прадстаўлялі шырокі дыяпазон у гаспадарчай структуры Латвіі: з 1927 па 1937 гг. з тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў выехала каля 69,1 тысяч чалавек (87%) [22, с. 57]. Заканадаўчай асновай у галіне сезоннай эміграцыі былі закон «Аб эміграцыі» ад 11 кастрычніка 1927 г., «Палажэнні аб выдачы дазволу сезонным эмігрантам» ад 15 красавіка 1929 г. і інструкцыі, выдадзеныя на падставе арт. 4 дадзенага палажэння [23, с. 119].

Сезонная эміграцыя рабочых у Германію з заходнебеларускіх зямель не набыла такога размаху, як эміграцыя ў Латвію. Польшка-германскія эміграцыйныя адносіны базіраваліся на «Канвенцыі па справах польскіх зямельных работнікаў», якая была заключана 24 лістапада 1927 г. і падпісана ўрадам Польшчы 24 лютага 1928 г. Умовай у справе ажыццяўлення канвенцыі з нямецкага боку была рэпатрыяцыя каля 60–65 тысяч польскіх сельскагаспадарчых работнікаў, якія прыбылі на работы ў Германію да 1914 г. ці былі завербаваны ў час Першай сусветнай вайны. За арганізацыю эміграцыйных працэсаў адказвалі выключна дзве інстанцыі: з польскага боку гэта было Дзяржаўнае ўпраўленне працы, з нямецкага – Нямецкае ўпраўленне працы (Deutsche Arbeiter Zentrale). Эміграцыя ў Эстонію мела нязначныя паказчыкі ў параўнанні з Латвіяй і Германіяй. За 1927–1938 гг. з заходнебеларускіх ваяводстваў выехала 3993 чалавекі, што складала 78% ад агульнай колькасці польскай эміграцыі ў Эстонію (5113) [1, с. 424].

Акрамя таго, эміграцыйныя працэсы былі пастаянна ў цэнтры ўвагі шырокіх колаў грамадскасці Польшчы. На працягу 1921–1939 гг. былі ўтвораны розныя таварыствы, грамадскія аб'яднанні, саюзы і суполкі. Сярод іх трэба вылучыць Польскае эміграцыйнае таварыства, таварыства «Польская апека над суайчыннікамі за мяжой», Яўрэйскае цэнтральнае эміграцыйнае таварыства «JEAS», Марскую і каланіяльную лігу ў Варшаве і інш. [24, л. 145; 25, л. 32; 26, л. 3]. 17 жніўня 1921 г. на падставе распараджэння Міністэрства ўнутраных спраў быў створаны «Яўрэйскі працоўны саюз», які ажыццяўляў урэгуляванне яўрэйскай працоўнай эміграцыі, абарону юрыдычных, матэрыяльных і маральных правоў эмігрантаў, а таксама супрацьстаяў эксплуатацыі эміграцыйных работніцкіх мас [27, л. 3]. Апеку і юрыдычную дапамогу эмігрантам і рээмігрантам аказвалі прадстаўніцтвы Польскага таварыства апекі над эмігрантамі ў замежных краінах, а таксама Польскае каланіяльнае таварыства ў Варшаве, якое мела сваё прадстаўніцтва ў ЗША пры таварыстве «Skup» (Чыкага) [28, с. 15]. Такія таварыствы ўнеслі значны ўклад у справу арганізацыі апекі над эмігрантамі. Яны арганізавалі сустрэчы, інфармавалі насельніцтва, наладжвалі кантакт з польскімі, беларускімі, украінскімі і яўрэйскімі суполкамі ў краінах эміграцыі.

Заклучэнне

Такім чынам, 1920–1930-я гг. у дэмаграфічнай гісторыі Заходняй Беларусі можна ахарактарызаваць як час масавай эміграцыі насельніцтва. Афіцыйная палітыка Польшчы падтрымлівала эміграцыйныя працэсы, разглядаючы іх як сродак зняцця напружанасці ў грамадска-палітычнай і сацыяльна-эканамічнай сферах, барацьбы з беспрацоўем. Акрамя таго, польскія правыя палітычныя сілы лічылі эміграцыю

галоўным сродкам вырашэння яўрэйскага пытання. Першапачаткова ў аснову эміграцыйнай палітыкі Польшчы быў пакладзены прынцып свабоднай эміграцыі. З 1920-х гг. эміграцыйная палітыка знаходзілася пад кантролем Міністэрства працы і сацыяльнай апекі і Дзяржаўнага ўпраўлення пасрэдняства і апекі над эмігрантамі. У выніку рэарганізацыі Эміграцыйнага ўпраўлення галоўная роля ў справах эміграцыі адводзілася Міністэрству замежных спраў. У 1927 г. польскімі ўладамі быў прыняты галоўны эміграцыйны дакумент Польшчы – закон «Аб эміграцыі». 11 студзеня 1930 г. для каардынацыі эміграцыйнага руху і ажыццяўлення пасрэдняцкай дзейнасці паміж уладамі Польшчы і замежных краін па пытаннях выезду насельніцтва быў утвораны Эміграцыйны сіндыкат. Арганізацыйная структура Эміграцыйнага сіндыката ўяўляла сабой разгалінаваны апарат са шматлікім штатам супрацоўнікаў. Яго структурныя адзінкі павінны былі забяспечваць эфектыўнасць працэсу эміграцыі і задавальняць інфармацыйныя і іншыя патрэбы асоб, якія меркавалі выехаць за мяжу. На працягу ўсяго міжваеннага перыяду прадстаўнікі польскіх афіцыйных улад і Эміграцыйнага сіндыката праводзілі актыўную міжнародную палітыку па заключэнні эміграцыйных пагадненняў, канвенцый і іншых заканадаўчых актаў з краінамі Еўропы, Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі, іншымі краінамі свету.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania im. Stanisława Leszczyńskiego PAN, 2005. – 622 s.
2. Wertheim, B. Pracodawcy i pracownicy a współczesne zagadnienie migracyjne w latach 1919–1931 / B. Wertheim. – Warszawa : Biblioteka prawnicza, 1934. – 105 s.
3. Kopec, B. Wychodźstwo sezonowe z ziemi wileńskiej do Łódwy / B. Kopec. – Wilno : Znicz, 1938. – 176 s.
4. Janowska, H. Polska emigracja zarobkowa we Francji w latach 1919–1939 / H. Janowska. – Warszawa, 1964. – 267 s.
5. Tomaszewski, J. Rząd Rzeczypospolitej Polskiej wobec emigracji żydów // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego – Instytutu Naukowo-Badawczego. – 1994. – № 4; 1995. – № 2 (172 – 174). – S. 99–112.
6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката. 1932 г.
7. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 3. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыкату і перапіска з імі па пытаннях дзейнасці аддзелаў. 1931–1936 гг.
8. ДАБВ. – Фонд 103. – Воп. 1. – Спр. 46. Цыркулярныя лісты Дырэкцыі фонда беспрацоўя аб парадку выдзялення дапамогі беспрацоўным, распараджэнні і пастановах Міністэрства працы і сацыяльнай апекі аб забеспячэнні дапамогі на выпадак беспрацоўя рабочых ваенных арганізацый і эмігрантаў, перапіска з Дырэкцыяй фонда беспрацоўя і інш. 1934 г.
9. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 5. Цыркуляры і пастановы Эміграцыйнага сіндыката аб парадку і ўмовах эміграцыі. 1934–1938 гг.
10. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 146. Справаздачи аб фінансавай дзейнасці эміграцыйнага аддзела, квартальныя і месячныя бюджэты, перапіска па фінансавых пытаннях. 1931–1934 гг.
11. Wskazówki dla wychodźstwa do Kanady (Mała biblioteka emigranta polskiego № 2). – Warszawa, 1928. – 64 s.

12. Руденко, А.В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975. – 35 с.

13. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 14. Цыркуляры і ўказанні Эміграцыйнага сіндыката і перапіска з гмінамі па пытанні эміграцыі ў калонію Эспірыту-Санта ў Бразіліі. 1930–1931 гг.

14. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 8. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката аб парадку эміграцыі ў розныя краіны Паўднёвай Амерыкі. 1936–1939 гг.

15. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 76. Месячныя справаздачы Пінскага аддзела Эміграцыйнага сіндыката аб руху эмігрантаў.

16. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 77. Месячныя справаздачы Пінскага аддзела Эміграцыйнага сіндыката аб руху эмігрантаў.

17. ДАБВ. – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката.

18. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 263. Дакументы аб выдачы дазволу на выезд за мяжу (пратакты, заявы, пасведчанні, даведкі і інш.). 1922–1923 гг.

19. *Wychodźtwo*. – 1925. – № 26.

20. *Wskazówki dla wychodźstwa do Francji* (Mała biblioteka emigranta polskiego № 1). – Warszawa, 1929. – 96 s.

21. *Wychodźtwo*. – 1925. – № 39.

22. *Mały rocznik statystyczny*. – Warszawa, 1938. – 406 s.

23. Коpecь, В. *Wychodźtwo sezonowe z ziemi wileńskiej do Łótwy* / В. Коpecь. – Wilno : Znicz, 1938. – 176 s.

24. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 102. Спісы эмігрантаў і перапіска з Эміграцыйным сіндыкатам па пытаннях транспарціроўкі іх за мяжу. 1930–1932 гг.

25. ДАГВ. – Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 193. Пісьмо Галоўнага ўпраўлення Марскай і каланіяльнай лігі ад 25 студзеня 1935 г. да нясвіжскага старасты з рэкамендацыяй набыцця кнігі “Інфарматар Марскай і каланіяльнай лігі”.

26. ДАГВ. – Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 194. Перапіска з Заваstrавецкім паліцэйскім аддзяленнем паліцыі аб рэгістрацыі аддзела таварыства “Марская і каланіяльная ліга”. 1935 г.

27. ДАГВ. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 82. Статуты Польскага саюза яўрэйскіх рабочых-эмігрантаў і Народнага хаўруса за Бацькаўшчыну. Спісы рэкрутаў. 17 верасня 1921 – 19 студзеня 1922 г.

28. *Wychodźtwo*. – 1923. – № 13.

Miarchuk V.M. Legislative and Administrative Bases of Emigratory Process in Western Belarus (1921–1939)

The article analyses international emigration politics of Poland towards western Belorussian region in the 20-30s of the XX century. The subject of this survey is the emigratory process from the territory of Novogruskaye, Vilenskaye, Poleskaye, Belastokskaye vojevodstva to the counties of Southern and Northern America and to Palestine. The article stresses that in the interwar period an extensive administrative and legislative basis for emigration was created. It allowed to coordinate the mass outflow of population from the Western Belarus in 1921 – 1939. The article resumes that the official Polish authorities carried out a dynamic diplomatic activity in creation and conclusion of emigration agreements, conventions and treaties with the countries of Europe, Southern and Northern America.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.12.09

КУЛЬТУРАЛОГИЯ

УДК 615.8(091)

Б.М. Лепешко

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

В статье характеризуется сущность феномена советской культуры, подчёркивается связь этой культуры с культурой современной, прежде всего, белорусской. Обосновывается важность преемственности культур, формирования и развития традиций, высказываются суждения относительно философии культуры в целом и её особенностях на примере белорусского культурного пространства.

Почему и вдруг – о советской культуре? Что, тема настолько актуальна, что предполагает важность теоретического (нравственного, мировоззренческого) осмысления? Полагаем, что именно так. Более того, об актуальности поднятой проблемы можно говорить, используя совершенно разные смысловые «этажи». Скажем, «этаж» (уровень) исторический: сегодня совершенно очевидно, что советская культура продемонстрировала очень высокое качество своей собственной состоятельности, а все и многочисленные критические замечания по поводу её партийной, государственной и иной ангажированности фактически отступают на второй план по сравнению с этим выдающимся уровнем. Это особенно заметно при сравнении достижений советской культуры и культуры отечественной (в широком смысле, как постсоветской) в последние четверть века.

Или – уровень мировоззренческий, шире – философский. Подробнее об этом уровне мы будем говорить ниже, но сразу отметим главное: гуманистические достижения культуры современной и культуры советской действительно находятся на разных философских «этажах». И суть не в неких «измах», скажем, силовом преодолении социалистического реализма и торжестве постмодернистских исканий (чего, кстати, на деле нет, имею в виду «торжество»), сколько в гуманистическом содержании культуры. Именно это содержание, а вовсе не смыслообразующий формализм и есть, собственно, критерий её, культуры, содержательности и это именно то, что обуславливает её жизнеспособность.

Со временем всё очевиднее, что обращение к достижениям советской культуры связано не с некоей ностальгией, сколько востребованностью её принципиальных содержательных констант уже сегодня. Скажем, таких, как социальный оптимизм, приоритет человеческих чувств над формой их выражения, своего рода наивностью, за которой легко угадывается искренность, особого рода идеализацией, собственно, список признаков достаточно обширен. Ностальгия вообще в этом контексте есть лишь форма признания личной ангажированности. Но ностальгия мало влияет на философские, эстетические оценки: она может быть симптомом несогласия с настоящим, но не может быть теоретической формой обожествления прошлого.

Вообще говоря, обращение к тем или иным элементам культуры прошлого всегда имеет смысл лишь тогда, когда уровень личного приятия (неприятия) тех или иных форм освоения действительности дополняется (опосредуется) формами коллективного сознания. Говоря иным языком, культура воспринимается как ценность через личный опыт, но сумма «личных опытов» не даёт того, что мы традиционно называем культурой. Здесь присутствует сложная взаимозависимость предпочтений, среди которых немалую роль играют ментальные характеристики, традиции, исторический, социальный, мировоззренческий опыт. Но на первом месте – коллективное восприятие культуры.

Оно – критерий востребованности или ликвидации того или иного культурного опыта. Вне зависимости от воли и желания самих творцов.

Обращение к достижениям советской культуры важно не столько в академическом плане, сколько в плане понимания путей развития культуры современной. Это особенно важно в рамках непрекращающихся дискуссий об этом феномене, дискуссий, где часто констатируется «смерть культуры», где разговоры о коммерциализации приобрели болезненный оттенок, а поиски выхода напоминают посиделки диссидентов той же советской поры, когда казалось, что изменения в принципе невозможны и впереди только тупики мышления и культурной практики. Но это, конечно, не так. И было, и есть.

2

Но что называть советской культурой? И была ли она вообще, существовала ли как некая целостность? Может, «мальчика и не было», как говорили горьковские герои в романе «Жизнь Клима Самгина»? Очевидно, что здесь всё зависит той системы признаков, существенных и отличительных, с помощью которых мы можем охарактеризовать тот или иной культурный феномен.

Так вот применительно к советской, культурной системе «мальчик», конечно, был. Большое количество крупных, выдающихся имён советской отечественной культуры при всём разнообразии их собственных политических, мировоззренческих, эстетических пристрастий вполне можно «уложить» в понятие «советская культура». Их объединяло, во-первых, время со всеми его жёсткими политическими требованиями к творцу: следовать единственно верному учению, быть лояльным власти, допускать оппозиционный «люфт» исключительно по согласованию с вышестоящими инстанциями. Признание такого рода характеристик, к слову, вовсе не означало, что сам творец всегда и послушно следовал канонам. Это, очевидно, не так. Однако уровень требований был идентичным, что создавало специфическую – и общую – среду обитания, в том числе и творческого. Более того, время задавало планку характер понимания художественных ценностей. В этом смысле творец всегда сын своего времени.

Во-вторых, социалистический реализм вовсе не был исключительно теоретической абстракцией или партийной догмой, «привязанной» к эстетике. Его можно было не понимать и не принимать, но его влияние распространялось не только на диссертационные исследования той поры и теоретические изыскания разной степени качества. Дело в ином: эта эстетическая (в частности) система ценностей определяла вехи, уровни, критерии художественных произведений, иных результатов творческих усилий, которые, наверное, можно было игнорировать, но нельзя было не признать их определяющее влияние на сам процесс творчества и его итоги. Социалистический реализм в этом аспекте был не столько художественным методом, сколько методологией, близкой (тождественной?) марксистскому прочтению эстетических ценностей.

В-третьих, эпоха, как и любая эпоха, была неповторима и накладывала на людей не только свою «тяжёлую руку»: было и то, что мы называем оптимизмом, искренней верой в светлое будущее, своего рода идеализм. Присутствовало странное сочетание диктата и свободы: быть свободным в рамках заданных параметров было можно, причём присутствовало и философское обоснование такого рода выбора, достаточно вспомнить марксово замечание про свободу как осознанную необходимость.

Вот, кстати, об идеализме. Не надо бы забывать, что советская культура была ориентирована, как правило, на светлые образцы будущего. Мало кто из законодателей политической моды любил трагедии: они, как правило, и не приветствовались. Если и появлялась трагедия, то она была оптимистической. В советскую эпоху не любили «забираться» в психику, блуждать по подкорке. И не потому, что не хотелось или желаю-

щих не было. Не приветствовалось. Ордена и премии, в частности, за это не давали. А многие хотели жить.

Они, актёры, в частности, были, что называется, «плоть от плоти». Соответствовали, словом. Когда по основаниям искренним, идеалистического характера (что было, кстати, много чаще, чем кажется ныне). Когда по основаниям сугубо прагматическим. Конечно, потом, в 90-х многих «прорвало». Сказали то, что хотели сказать. Та же г-жа Ахеджакова, как когда-то Вольтер, кричала в эфир в 93-м году: «Задавите гадину!» «Гладиной» были окопавшиеся в Белом доме народные избранники. Но большинство всё-таки не поменяли пристрастия «все и вдруг», как эскадра в море. Может, потому, что были обласканы властью. Может, потому, что всё-таки совесть не считали эфемерной субстанцией. И душа болела не по сценарию, а так, как и положено душе: с надрывом и кровью.

Вот не столь давно ушедшая от нас великая Нонна Мордюкова так и не поняла, как это можно делать искусство исключительно за деньги. Не могла осознать связь между «истиной» и «долларом». Не видела никакой связи между апофеозом голой задницы на экране и высоким искусством. Тут ведь что важно: чтобы была своя выстраданная правда. У неё она была. Первая роль – Ульяны Громовой в «Молодой гвардии» по Александру Фадееву. Можно сколько угодно иронизировать, но молодые патриоты – были, их борьба за свободу родины была не киношной, а настоящей, и погибали они не так, как в «Ночном дозоре», а намного страшнее и – навсегда. Она не предала этой своей роли, и все искренне ценили её, в том числе и за эту правду.

Представляется, что уже высказанные замечания позволяют нам сделать вывод о том, что советская культура была реальностью, она сформировалась и крепла в рамках становления и расцвета советского государства, но вот судьбу этого государства она, по нашему мнению, не разделила и продолжает успешно существовать и ныне. Правда, в ином, как говорится, формате.

3

Говорят: существенной особенностью творческой деятельности в советское время был конформизм. Полагаем, надо различать конформизм и конформизм. Конформизм как форма сотрудничества с системой – общая характеристика такого рода отношений, и советская культура здесь не при чём. Как будто в иных странах и регионах, в иные эпохи можно слышать сплошные протесты творческой элиты по поводу действий власть предержащих, а соответствующее – критическое – умонастроение задаёт сугубый тон в творчестве. В этом смысле об особом качестве советского конформизма можно говорить лишь в смысле общих характеристик советского типа мировосприятия: если был второй, следовательно, быть и первому.

Часто распространено мнение, что творец априори должен быть настроен критически по отношению к власти. В контексте этой мысли конформизм есть признак «не творца». Видимо, здесь присутствует понятное преувеличение, дающее возможность таким почётным способом обосновать, скажем, собственную не востребованность. Хотя, конечно, дело не только в не востребованности.

Возможно, советская культура, оказавшаяся в тисках диктата одной партии и одной идеологии, пострадала больше иных культур, более того, её достижения заведомо проигрывали по сравнению с теми культурами, которые развивались в иных, демократических условиях? Здесь надо ответить «да» на оба вопроса. Если взять, к примеру, такую важнейшую часть культуры, как философия, то следует признать: ущерб от застоя моноидеологии действительно велик и невосполним. Великий А. Лосев «убежал» в возрожденческую тематику, блестящий Э. Ильенков устал говорить эзоповым языком и сам свёл счёты с жизнью, целая плеяда учёных упорно разрабатывала проблематику, резервы которой были, во-первых, теоретически исчерпаемы, а во-вторых, не давали

возможности развития иных тем и проектов. Многие теоретические новации для советских философов, историков, юристов были неведомы, и это наносило большой ущерб культуре в целом.

Но, как утверждалось, был конформизм и конформизм. Был, скажем, когда-то Чезаре Борджиа, лукавый царедворец, предатель, лжец, убийца, но был и Чезаре Борджиа, при котором была создана крупнейшая библиотека, при котором расцвели университет, науки и искусства. Так и советская культура. Был жёсткий диктат, было манипулирование, были трагедии людей, реализовавшие не свой выбор, творческий и мировоззренческий. Но советский конформизм обладал специфическими качествами, позволившими ему способствовать достижению невиданных творческих результатов. Эти качества были напрямую связаны со спецификой советского общества, обладавшего – особенно в первые десятилетия своего развития – несомненной энергетикой, гуманистическим характером, ориентированностью на достижение, реализацию действительно общечеловеческих программ. А затухание этой энергетике, трансформация гуманных, общечеловеческих задач в преимущественно меркантильные, связанные с достижением сиюминутных и прагматических интересов привело и к краху государственности, и к вырождению культуры.

Были ли конформистским «Тихий Дон» Михаила Шолохова? А «Горячий снег» Юрия Бондарева? Живопись Михаила Савицкого – она конформна по духу и сути? А скульптурные шедевры Заира Азгура? Полагаем, что слово «конформизм» здесь неприемлемо, поскольку за его пределы нас выводят сразу два важнейших социальных и художественных качества: искренность творцов и их талант. Вообще говоря, эти два качества во многом нивелируют саму возможность конформизма: тогда, когда присутствует гений (талант) и искреннее стремление к художественному идеалу, конформизм, как улыбка кота в известной сказке про Алису, постепенно исчезает и пропадает вовсе. Пропадает даже тогда, когда заявлена заранее.

Для сравнения возьмём первое десятилетие уже нынешнего века: что, конформизм отсутствует? Тот, советский, конечно, отсутствует. Да и как он может существовать, если его лишили всего того, благодаря чему мы вспоминаем о нём без горечи, но с пониманием? Зато процветает, растёт и ширится иной конформизм, представляющий иные ценности и основанный на иных предпочтениях. Его признаки очевидны: понимание того, что культура во вторых, а во-первых, самовыражение творца; забвение того, что когда-то называли словом «служение»; приоритет меркантильного фактора; прагматизм, понимаемый как философия выживания любой ценой; опора на индивидуальное, а по сути, эгоистическое и т. д. Конечно, конформизм меняет окрас, вид и форму, он приспособливается сам, ожидая, что приспособятся и к нему, вряд ли он может быть иным, но вот те, кто заявляют о своей приверженности к культуре, должны, могут быть иными.

Вот, скажем, актёр А. Мягков не желает и слышать про «Иронию судьбы...», просит запретить демонстрацию фильма хотя бы лет на сорок, но никогда, насколько известно широкому зрителю, не обидел ту культуру, к которой принадлежал, каким бы то ни было уничижительным предикатом, вроде тех же «совков». Он совсем не похож на своего героя в рязановской комедии, в нём есть качества лидера, но всё это вторично перед чувством внутреннего достоинства и пониманием личной принадлежности к высокому и профессиональному цеху советской культуры. Вот М. Пуговкин после смерти жены уехал в Сочи, редко давал интервью, долго боролся с болезнями, однако и в своей автобиографической книге, и в том, что было сказано раньше, отдаёт себе отчёт в принадлежности к великой советской культуре XX века. Вот Муслим Магомаев, его блистательная жена, Тамара Синявская: их принадлежность к советской культуре сомне-

ний не вызывает, как не вызывает сомнений их достоинство, с которым они пережили период краха и великой страны, и великой культуры.

Здесь, как всегда, настолько непонятное переплетение обстоятельств, что часто задумываешься: где же главное? Может, это всё тот же конформизм, желание и умение приспособиться к любым условиям существования? Но кто не конформен, в том числе и сейчас, ныне? Может, это неумение быть прагматичным, выбор внешне самой лёгкой дороги, названной «служением Отечеству»? Но разве сейчас не ставится такая задача?

Почему-то кажется, что для советского искусства были характерны и наивность, и некий совсем не идиотский оптимизм.

Да, оптимистами надо было быть «по программе», разумею программу партии. Но ведь вся философия строительства новой жизни подразумевала такого рода оптимизм. Жизнь была достаточно тяжёлой, но вот же парадокс: послушай, почитай современников, и для всех она, эта жизнь – лучшая. Вот многие часто задумываются: что же такого есть в «Бриллиантовой руке» ещё одного известного советского режиссёра, Гайдая, что привлекает ней миллионы людей до сих пор? А всё то же: искренность, наивность, конформизм, вера в светлое будущее. Все попытки увидеть в гайдаевской комедии «протест против режима» не выдерживают никакой критики, да и давно не тиражируются. Не было критики, не было протеста, это творчество «с чистого листа»: такова наша жизнь, нам хорошо в этой жизни и тот, кто решит, что нам плохо, достоин самой суровой кары. За головотяпство со взломом, как писали Илья Ильф и Евгений Петров.

Вообще говоря, интерпретация полезна в строгих рамках. Помнится, в фильме А. Тарковского «Сталкер» в кадре всё время мелькала большая чёрная собака, и продвинутые киноманы долго и горячо спорили, что означает этот образ. Спросили по случаю у самого режиссёра. – Да, вошла тварь в кадр, выгнать не могли, – равнодушно проговорил тот.

4

Известна полемика двух выдающихся деятелей советской культуры, Натана Эйдельмана и Виктора Астафьева, ходившая в копиях по нашим городам в уже далёком 1986 году. Поводом послужили астафьевские тексты, «Печальный детектив» и «Ловля пескарей в Грузии». В. Астафьева обвиняли в антисемитизме, в том, что в бедах России он винил инородцев. Отвечая на эти упрёки, писатель тоже не стеснялся в выражениях. Но вспомнили мы об этой полемике совсем по иному поводу. Два выдающихся деятеля советской культуры умерли на излёте перестройки, во многом олицетворяя уход советской культуры в целом. Причём распространено мнение, что как раз смерть государства и смерть культуры – явления одного порядка и главная причина их ухода – «голос крови». Скажем, писатель и публицист Дм. Быков в одной из статей в газете «Известия» (25.11.2009) писал об этом так: во второй половине 80-х годов все высокие идеалы были забыты и «самая умозрительная из стран превратилась в одну из самых примитивных, распродающую недра, неспособную предложить миру ничего другого. Дискуссия между почвенниками и западниками выродилась в дискуссию между русскими и евреями, а потом и в примитивный лай с обеих сторон. А там рухнула и вся советская культура, оставив нам «Comedy Club».

Вся приведённая цитата – не бесспорна. И в части того, что страна была «самая умозрительная», а превратилась в одну из самых «примитивных». И в том, что суть дискуссии определял спор между русскими и евреями («голос крови»). И в том, что культура всё же рухнула. Начнём, пожалуй, с последнего. Дело в том, что советская культура, как и всякая великая культура, может формально потерять приоритеты, но «рухнуть», в смысле – уйти, упасть, исчезнуть – она не может. В самом деле: разве «рухнули» произведения того же Виктора Астафьева, исторические шедевры Натана

Эйдельмана? Разве мы утратили шедевры великих советских кинематографистов, скульпторов, поэтов, писателей? Разве ушла от нас великая живопись, музыка советской эпохи? А ведь усилий для того, чтобы действительно заставить уйти эту культуру, было предпринято немало. Здесь был набор самых различных инструментов, методов: от упрёков в «совковости» до искусственной зачистки культурного пространства и замещения этой культуры культурой «более современной» и «передовой». Не получилось: сейчас это более очевидно, чем вчера. Почему не получилось, тоже понятно: культура, если она действительно является таковой, не может исчезнуть вследствие чьего бы то ни было желания.

Странно, но не может исчезнуть – вследствие чьего бы то ни было желания – даже антикультура. После известного поступка Герострата, сжёгшего один из шедевров мировой культуры, современники постановили: вычеркнуть имя Герострата из всех мыслимых списков. Он хотел обессмертить своё имя – а мы не дадим ему такой возможности, говорили тогда его современники. И что в итоге?

Точно так же отдельные политики, культурологи обвиняли советскую культуру во всех мыслимых грехах: приспособленчестве, угодничестве, примитивизме, отсутствии стандартного «набора общечеловеческих ценностей», обслуживании интересов партийной элиты – и что? Культура живёт. Конечно, сегодня мы свидетели того, как фальсифицируется сущность этой культуры, как происходит подмена ценностей, как у кумиров той, советской культуры ищутся и находятся разного рода грешки, которые должны бы принизить их значение уже для сегодняшней культуры, сегодняшнего поколения. Но получается совсем как в тексте А. Пушкина, писавшего своё известное письмо П. Вяземскому по поводу факта уничтожения личных дневников Дж. Байроном. Вы думаете, что великие люди так же мелки и ничтожны, как мы, люди простые, не великие? Ошибаетесь, господа, ошибаетесь.

Советская культура в своих лучших образцах заставляла думать, учила думать, призывала не быть равнодушным, говорила о тех же ценностях, которые составляют «соль», например, христианского вероучения. Говорить в тех же выражениях о культуре современной достаточно сложно. Поскольку речь идёт всё больше о форматворчестве, поисках неких формальных изысков, погружении в подсознание, вытаскивании на свет того, что добропорядочный человек (не ханжа!), как правило, от общественного внимания прячет. К слову, в тех лучших образцах современного искусства, которым мы свидетели, легко просматриваются родственные узы с культурой советской. Вот, скажем, сериал «Ликвидация»: покажи его в семидесятые, начало восьмидесятых годов, и советский зритель не заметит подвоха. Всё родное, привычное: вот добро, а вот зло. Вот правда войны, а вот её изнанка. Вот положительный герой, а вот отрицательный. И нет ощущения того, что «не хватает» откровения в форме мистики, фантазмагорий в духе Альфреда Хичкока, понимания «человечности» вампиров и «вампиризма» людей. Смысл происходящего один – это тоже важно. Одномерность смыслов – это, конечно, признак культуры классической, в том числе и культуры советской. Одномерность культуры не надо рассматривать как дань «уходящей натуре»: ничего подобного. Скорее, пресловутый плюрализм есть признак кризиса культуры. Но поговорим о философии культуры более подробно.

5

Здесь не будем углубляться в терминологические тонкости: скажем, если философия – часть культуры, то как, в каком аспекте можно говорить о философии культуры? Для нас более важными являются иные вопросы, и среди них на первом месте – проблема теоретических оснований культуры вообще и советской культуры в частности. Другими словами: культура сама, имманентно формирует, образует систему теоретических предпочтений, на основе которых она может чувствовать себя комфортно, эти

усилия – целенаправленный плод действий неких теоретиков, или же речь идёт о процессе сугубо стихийном?

Очевидно, культура – продукт системный и стихийность здесь если и присутствует, то в форме диалектической случайности. Советскую культуру вряд ли можно назвать стихийным или случайным феноменом. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать стенограммы съездов, например, советских писателей и композиторов.

С другой стороны, представить себе, что появился некий теоретик, который формирует пресловутую систему предпочтений, – это чересчур, так как такого рода мессию никто не может назвать по имени. Видимо, дело в ином: характер культуры, её сущностные принципы есть следствие нескольких явлений, процессов.

Во-первых, действий государства, его структур, озабоченных и такой – культурной – формой собственной адаптации, более того, выживаемости. Если государство советское (демократическое, аристократическое), то и характер культуры будет, по преимуществу, соответствующим. Об этом мы говорим, очевидно, на основании достаточно большой степени обобщённости.

Во-вторых, культура отражает (формирует) соответствующую систему ценностей, культура, в принципе, и есть ценности, превалирующие в обществе. Советская культура была (значилась) партийно-классовой, оптимистической, обращённой к народу, призванной нечто формировать, укреплять, созидать и кого-то к этому всему направлять и вести. Культура, вполне по-американски, носила, как получается, прагматический характер, поскольку была неразрывно связана с конкретными задачами, которые ставили творцам съезды КПСС и идеологи партии. Опять же, эта констатация может и должна пониматься опосредованно. Ведь представить себе тех же известнейших одесситов – Ю. Олешу, И. Ильфа, Е. Петрова, Э. Багрицкого, В. Каверина и иных блестящих писателей, выполняющих некий социальный заказ, можно лишь очень условно, скажем, на основании общего духа, требований эпохи.

Советская культура, в-третьих, как бы она ни заявляла свой рабоче-крестьянский, по формальным основам, базису, характер, была генетически выстроена так, что связь с предыдущим опытом, предыдущими достижениями была естественной, органичной. На наш взгляд, этот тезис нуждается в дополнительной аргументации. И не только потому, что все мы хорошо помним «философский пароход», идеологическую и культурологическую «зачистку» университетского и в целом культурного пространства. Дело в том, что культура нации имеет одни кровеносные сосуды, в какие бы идеологические скрепы они, эти сосуды, ни помещались. Кровь (традиции, ментальность, исторический опыт и т. д.) всё же одна, и что бы и кто не заявлял по поводу «принципиальных новаций», корни этих самых новаций легко обнаружить в национальном прошлом. Алексей Толстой, Максим Горький, Михаил Шолохов, Сергей Эйзенштейн, Юрий Бондарев, Василь Быков – это советская культура, но это та культура, которая могла быть воспринята (а иногда и исторически воспринималась) своими культурными предтечами как нечто родственное, близкое.

Могут возразить: каким это образом, например, Иван Бунин мог чувствовать своё родство с теми представителями советской, культурной богемы, которые он охарактеризовал, в частности, в «Окаянных днях»? Но дело не в том, что кто-то конкретно воспринял революцию и последующие за ней события как личную и национальную трагедию. А в том, что сама культура восполняет возникшие перерывы постепенности, сама залечивает раны, в том числе и тем, что вырастает на основе определённой среды и формирует эту среду дальше. Ведь был Иван Бунин, но был и Вячеслав Тихонов, который после съёмки фильма «Они сражались за Родину» достаточно ёмко охарактеризовал своё родство с родиной, с национальными традициями. Он говорил, что его герой, возвращающийся после госпиталя в родную часть, а не убегающий в тыл, и есть

символ родства всех нас, символ того, как, в какой форме израненные, покалеченные люди чувствуют свою общность с национальной трагедией.

Чтобы быть более понятным, приведу такое соображение. Белорусская культура в ряде сочинений сугубо национальных авторов предстаёт как нечто особенное, далёкое от контекста славянской литературы девятнадцатого, двадцатого веков. Смысл такого подхода понятен: надо не только осознать свою «самость», но и продемонстрировать некоторые проявления этой самой «самости». Нас в последнее время всё время поворачивают в сторону национального, призывают опираться на национальное и способствовать расцвету именно национального. В основе такая постановка вопроса справедлива, но с одним существенным добавлением. Демонстрация национально-особенного вне, скажем, общеславянского контекста – заведомо ущербна, поскольку обрываются связи, в том числе и культурные, насилуется ментальность, делается попытка изменить общую культурную группу крови. Культура ведь не река, которую можно искусственно направить по другому руслу. Культура в принципе неотделима от основополагающих констант развития социума. Как культуру представить себе, например, без истории? Вне исторического контекста? Как культуру представить себе без традиций, ментальности, соответствующего опыта? Очевидно, это сделать невозможно, а все имеющие место попытки связаны с насилием над культурой и в итоге – рано или поздно – будут дезавуированы.

Здесь важно понимать, что мы подлинно культурно богаты именно тогда, когда воспринимаем все достижения славянской культуры, и развитие культуры национальной дополняет, развивает эту общую культуру. Такова наша история, такова наша (уже сформировавшаяся) ментальность и не надо разрушать то, что уже создано веками общей жизни.

6

Советская культура меньше всего присутствует в культуре XXI века телевизионными и радиоканалами «Ностальгия». Хотя сам по себе феномен этих ностальгических веяний достоин специального изучения. Советская культура вплетена, растворилась в современной культуре не только потому, что и сегодня присутствуют, творят её выдающиеся представители, защищающие эстетические, мировоззренческие, нравственные ценности этой культуры. Это всё важно, но отступает на второй план перед главным: советская культура востребована в связи со своими гуманистическими ценностями, которые не имеют преходящего значения.

Вообще говоря, нравственные, гуманистические ценности – это не архитектурные, к примеру, стили, которые могут войти в моду, а могут из неё выйти. Сегодня барокко, а завтра рококо, что ж бывает. Может быть, конечно, ситуация, когда сегодня мы говорим о важности расцвета жизненных сил человека, а завтра эти силы пускаем по ветру. Но не может быть, чтобы понимание нашего культурного настоящего и будущего сводилось исключительно к господству формотворчества, существованию неких фантазмагорических миров, миров запредельных по своей сути и не имеющих ничего общего с культурными достижениями прошлого. Не может быть, чтобы слову «преемственность», слову «традиция» была уготована судьба филологического, смыслового гетто. Культура разная, что тут спорить, реализм, в том числе социалистический, не панацея. Но при всей разности подходов, концепций, средств выражения она, культура, либо поднимает, возвеличивает человека, даёт ему возможности жить, либо опускает в глубины внесоциального, внегуманистического, где выход угадывается с трудом. Что спорить, мы можем привести примеры таких шедевров советского искусства, литературы, где поиски выхода ассоциируются с кризисом именно советского искусства, литературы. Возьмите произведения Андрея Платонова, ряда советских классиков первой половины XX века. Всё это так, однако, общая гуманистическая направ-

ленность советского искусства, в том числе и в его «протестных» вещах, сомнений не вызывает.

Могут возразить: а как быть с теми представителями этой культуры, которые погибли в лагерях, которые протестовали против удушающей (по их мнению) духовной атмосферы? Да не будет это понято превратно, но литература, даже если она пишется, творится в условиях несвободы, сохраняет некие сущностные черты, которые позволяют говорить как о «свободной», так и о «несвободной» литературе в категориях целостности. Вот иногда удивляются: человека «засадили» за решётку, а он и оттуда утверждает высокие коммунистические идеалы. Славит, словом. Но это – не противоречие. И это – не следствие оболванивания масс тоталитарной идеологией. Это – следствие того, что культура является единым телом, единым целым, она – при всём разбросе мнений и взаимоисключающих оценках собственной сути, не может исключить своё родовое начало, свою концептуальную эпохальную, цивилизационную суть.

Мы часто не осознаём свою принадлежность именно этому, конкретному типу культуры, наивно полагая, что свободны в выборе основополагающих, культурных констант. Но можно ли было, например, во второй половине двадцатого века творить в рамках, несовместимых с советской культурой? Скажут: конечно, можно. Вспомним хотя бы разгромное выступление Н. Хрущёва в Манеже, бичевавшего якобы отступников от советской культуры. Тех, кто не соглашался именно с реализмом, который социалистический, которые искали новые формы, кто не хотел воспевать исключительно пролетария и колхозника и вообще со скепсисом относился к движению к сияющим вершинам нового общества. Как быть здесь?

Ответить можно так: да, в своих специфических проявлениях деятели этого культурного направления говорили, писали об иных ценностях, утверждали иные художественные подходы. Но сказать, что модернистские, постмодернистские искания были антагонистичны советскому типу культуры, всё же нельзя. Хотя бы потому, что это были наши творцы, утверждавшие новые формы не «против», а «за» развитие национальной культуры. Да и сложно утверждать, что такого и иного рода новации советская культура в дальнейшем не «переварила» бы, в позитивном смысле, то есть не восприняла бы, не позволила сосуществовать и развиваться, конкурируя и выдвигая альтернативные формы культурной жизни. Но – не судьба, помешала перестройка.

7

Если мы достаточно смело говорим о советской культуре периода двадцатого века, то можем ли мы столь же смело квалифицировать культуру современную, можем ли найти некий предикат, который характеризовал бы её столь же определённо? И в каких моментах, чертах можно определённо говорить о некоей преемственности, традиции?

Вообще-то культуру нынче как только не определяют. И как постнеклассическую, как глобальную, как теряющую привычные национальные и культурные черты. Термином, который бы позволил говорить о современной культуре на нашем суверенном пространстве, выступает, как правило, «национальная культура». Логика понятна: ранее мы говорили о новой общности людей, которую называли советским народом. Очевидно, культура была таковой же. Нынче же, как оказалось, советский народ и как термин, и как этническая реальность приказал долго жить, поэтому выход может быть двояким: либо говорить о культуре глобалистской, интернациональной, по преимуществу, или культуре сугубо национальной.

Для белорусского общества, переживающего период национальной самоидентификации, о глобализме речь идти не может. Для нас глобализм и прочие интернациональные, космополитические тенденции – дело будущего. Развитие нашей культуры может идти, главным образом, в рамках совершенствования и развития национальных

тенденций, мотивов, течений и теорий. И здесь связь между советской культурой и культурой национальной наиболее очевидна.

Развитие национальной культуры будет наиболее плодотворным в том случае, если эта связь будет подчеркнута на всех уровнях, и вовсе не потому, что надо обязательно поклониться дорогому праху. Дело в ином: белорусская культура стала таковой только в советские времена, только в рамках советской культуры. Она и сегодня не может быть иной, кроме как советской, конечно, без употребления этим термином и без соответствующих славословий. Звучит, возможно, не совсем трафаретно, однако было бы гораздо лучшим, если бы мы признали этот факт и двинулись дальше, нежели чем искали свои корни исключительно в неких мифических веках, обозревая дорогие руины и возводя на культурный престол неведомых персон, неведомых творцов. Неведомых, главным образом, потому, что общности – культурной – между ними и ныне живущим поколением нет. А искусственные конструкции в культуре долго не живут. Здесь, понятно, поднят дискуссионный вопрос, но суть его не в том, что не было культурного прошлого, а в том, что утрачена связь с этим прошлым. Вот, скажем, мы приходим к руинам замка в Ружанах, на Брестчине. Государство сегодня привлекает серьёзные средства для того, чтобы превратить эти руины в памятник. Но какие чувства вызывают у современного белоруса эти руины? Мысли о нашем великом прошлом? Но это прошлое существует именно в таком непрезентабельном виде. О том, что здесь когда-то была ключом жизнь? Но чья жизнь? Нынешних наследников жителей тех, прошлых Ружан? Да ничего подобного, поскольку эти наследники сеяли, пахали, а приходили в этот замок либо за работой, либо за батогами. Чувства своего, близкого, родственного нет – вот в чём суть.

Никто не утверждает абсолютный пиетет именно советской культуры перед иными соответствующими образованиями. Просто наша историческая судьба сложилась таким образом, что именно советская культура является тем добротным основанием, на котором можно и нужно строить здание национальной культуры в дальнейшем. Не проливая излишне ностальгических слёз, но и не зачищая культурное пространство в угоду новым «измам». Ведь насколько богаче будет наша собственная национальная культура, когда мы признаем глубокую и органическую связь между нею и культурой советской, представленной замечательными именами иных национальных культур: и Муслима Магомаева, и Эдиты Пьехи, и Чингиза Айтматова, и Андрея Вознесенского, и Арно Бабаджаняна, и тысяч иных славных имён. Это всё – наша культура, наша общая культура, и такого рода понимание наших корней лишь обогащает наше сегодняшнее достояние. Понятно, что столь же весом наш национальный вклад в культуру иных государств, народов, наций.

Конечно, понадобится время для того, чтобы тот разрыв по живому культурных традиций, единой кровеносной системы культуры, который имел место в 80-х, 90-х годах, зажил, затянулся, получил возможность воспроизводить себя в новых условиях на той же, общей основе. Собственно, предпосылки для такого рода оптимизма мы видим уже сейчас. И это – оптимистические тенденции.

Lepchko V.M. Phenomenon of the Soviet Culture: Essence and Historical Destiny

In the article the essence of the Soviet culture phenomenon is characterized, communication of this culture with a modern, first of all with the Belarusian culture is underlined. Importance of the cultures continuity, formations and developments of traditions is proved, judgments concerning culture philosophy as a whole and its features on an example of the Belarus cultural space are expressed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.11.09

УДК 008

А.А. Павильч

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИИ

Статья отражает процесс становления компаративистики как исследовательской парадигмы в культурологическом знании. На материале памятников древнерусской письменности и философских сочинений XVIII–XX вв. изучается опыт сравнительного анализа явлений культуры в России, рассматриваются культурологические взгляды М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. Определяются основные направления компаративных исследований культуры и подходы к осмыслению межкультурных различий. Статья посвящена изучению представлений о коммуникативной культуре в динамике философского и социогуманитарного знания России.

Введение

Культурологическая мысль России, развивавшаяся в русле исторического, философского, богословского знания и литературного творчества, отражает значимость компаративного подхода в разноплановом изучении феноменов культуры. Научный потенциал сравнения как универсального логического приема, метода постижения и осмысления социокультурной действительности подтверждается частными гуманитарными исследованиями (философскими, историческими, филологическими, религиоведческими, искусствоведческими), в проблемном поле которых складывались традиции компаративистики. Возможности сравнительного анализа разнообразных аспектов и явлений культуры еще не в полной мере учтены, теоретически разработаны и систематизированы. Целью данной статьи является изучение процесса становления и исторического развития культурологической компаративистики как исследовательской парадигмы в гуманитарном знании России. В соответствии с целью определены следующие задачи:

- на основе памятников письменности, философских источников, произведений художественной и научной публицистики рассмотреть основные этапы становления культурологической компаративистики в России;
- исследовать эмпирические и теоретические подходы в сравнительном анализе явлений и процессов социокультурной действительности;
- проанализировать опыт сопоставления разных типов культуры и выявления историко-культурных, этнонациональных и конфессиональных особенностей.

Опыт сравнительного изучения культуры в Древней Руси

Описательная и аналитическая информация, отражающая взгляд на культуру *своих* и *чужих*, содержится в разнообразных памятниках религиозной и светской письменности, включая христианскую догматическую и дидактическую литературу, летописи, хождения в Святую землю, дневники путешественников. Выявление межкультурных различий в текстах древнерусской письменности сопровождается анализом и смысловой интерпретацией названий, именующих принадлежность к определенному социокультурному пространству. Для обозначения культурных и религиозных различий и оценочной характеристики народов использовались определения *поганые*, *иновернии*, *варвары*, *иные роды*, *иное племя*, *иноземци*, *тѣземци* и др. Слово *языци* в книжном стиле обозначало народы в целом, понятие *язычники* отражало принадлежность к чужим землям. В древнерусских текстах слово *язык* являлось равнозначным слову *народ*. *Племя* тоже обозначало народ по признакам языковой и этнокультурной близости

[1, с. 140–142]. Слово *страна* указывало на *стороннее, чужое* (враждебное) пространство, в то время как понятие *земля* характеризовало население своей страны; *мир* – свое, а *свет* – чужое. Эпитет *странный* имел значение *чужой, необычный* и характеризовал пришельцев, туземцев, т. е. людей, относящихся к иному социокультурному окружению. Всякий, кто говорил на том же языке или, во всяком случае, понятном для славянина, именовался *язычный* и отождествлялся со *своим*, а каждый посторонний и неведомый человек воспринимался как *немец*, поскольку он не способен изъясняться и понимать по-славянски [1].

В памятниках древнерусской письменности прослеживаются апологетика христианства, критика язычества, оценка разных конфессиональных типов культуры. Характеризуя традиции, верования, нравы, обычаи семейных и брачных отношений разных славянских племенных союзов, автор «Повести временных лет» представил их как язычников, не знавших закона божьего и определявших свой жизненный уклад неписаными дикими установлениями. В «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона христианство осмыслено в качестве религии новых людей, не ограничивающейся общностью избранного Богом народа. Противопоставив христианство иудаизму, автор опровергнул привилегированность отдельных людей перед божественной истиной. В «Слове о законе и благодати» отражены центристские установки, касающиеся абсолютизации христианства как совершенной конфессиональной организации и важного фактора государственно-политической интеграции Руси. «Повесть временных лет» содержит назидательные обращения к славянам, призывающие сохранять чистоту и преданность вере. Негативное отношение православной церкви к католикам как веротступникам, раскольникам и еретикам, которым приписывали множество надуманных грехов, было предопределено бременем стереотипов, восходящих к традициям византийской культуры, отличавшейся чрезмерным консерватизмом и политикой изоляционизма. Защите православия и критике католицизма, выявлению догматических и культурных различий между ними посвящены послания Феодосия Печерского, митрополита Никифора, Максима Грека, в которых отражены рассуждения о несовершенстве и заблуждениях веры латинян.

Формирование научных основ компаративистики

Становление культурологической компаративистики как исследовательской модели и совокупности фундаментальных знаний, полученных на основе сравнительного изучения культуры, стимулировалось интересом восточных славян к европейской образованности и культуре. Постепенно расширяющиеся контакты Руси с западным миром позволили объективно оценить реальную ситуацию, разрушить стереотипы, которые беспочвенно формировались на невежественных представлениях и фактах. XVIII в. считается не только началом новой культурной эпохи в истории России, но и точкой отсчета в становлении научных основ культурологического знания. Опыт сравнительного анализа явлений культуры в гуманитарных исследованиях М.В. Ломоносова основывался на текстологическом подходе в изучении генезиса и исторической динамики восточнославянской культуры, выявлении типологического подобия в эволюции культуры славян и других европейских народов, установлении генетической и типологической близости между европейскими культурными традициями. В качестве факторов обогащения потенциала национальной культуры и формирования коммуникативной компетентности М.В. Ломоносов придавал существенное значение путешествиям, научным экспедициям, дипломатическим и торговым контактам с другими государствами [2, с. 327].

А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» подчеркивал, что вхождение в мир другой культуры осуществляется параллельно с изучением иностранных

языков, благодаря которым происходит постижение наук и усвоение знаний, способствующих расширению пространства образованности индивида, формированию его межкультурной компетентности и усилению патриотических чувств. По его мнению, язык помогает свободно ориентироваться в другом социуме, позволяет проникнуть в духовную атмосферу давних эпох и современных народов, располагает к усвоению их достижений и ментальности. А.Н. Радищев считал, что изучение сложностей иностранного языка неизбежно сталкивает человека со стихией незнакомой культуры, где «все отвратительно и тягостно», но в то же время на фоне контрастов вполне ощутимы тонкости собственной культуры и языка [3, с. 147].

«Письма русского путешественника» утвердили их автора, известного российского историка Н.М. Карамзина, одновременно как писателя и исследователя-компаративиста. Создавая образ Европы, он хотел познакомить русских читателей с западной цивилизацией, осмыслить место России в европейском пространстве и трезво оценить ее историко-культурный потенциал. В «Письмах русского путешественника» дана характеристика культуры многих европейских стран, отмечены специфические черты национальных темпераментов и традиций, ценностные доминанты и коммуникативные особенности народов. Н.М. Карамзин не разделял строгих принципов изоляционизма как традиционной модели культурного бытия России, считая, что невозможно ограничивать русскую культуру архетипами традиционной народной культуры, поскольку «путь образования или просвещения один для народов» [4, с. 6]. В «Истории государства Российского» на основе многочисленных источников по истории славянского мира Н.М. Карамзин проследил этногенез славянских народов, обнаружил антропологические и культурные сходства и различия между ними, выявил факторы, обусловившие образ жизни, характер, стереотипы поведения, традиции, нравы и обычаи славян. Он отметил роль культурной диффузии в обогащении и формировании многогранного облика русской культуры на протяжении всей истории [4]. Исследования Н.М. Карамзина имеют интегративный характер и отражают попытку целостного анализа культуры, поскольку синтезируют элементы исторических, лингвокультурологических, этнологических, философских изысканий.

В накоплении опыта компаративистики важную роль сыграла философская полемика западников и славянофилов о перспективах социокультурного развития России, ставшая знаковым моментом в культурологической мысли XIX в. Славянофилы идеализировали культурную ситуацию допетровской Руси, отстаивали самобытное начало русской культуры, абсолютизировали идею соборного сознания и считали православие совершенным выражением христианской духовности. Западники высоко ценили культурные преобразования Петра I, являлись приверженцами культурной универсализации, выступали против ограниченности содержания культуры духом традиционализма, обосновывали необходимость заимствования и усвоения наследия европейской культуры.

П.Я. Чаадаев одним из первых дал независимую от господствовавшей идеологии оценку русской культуры и отметил ее изначальную обреченность на неудачу. В своих «Философических письмах», принесших ему скандальную славу, главной причиной отсталости России П.Я. Чаадаев назвал выбор ориентированной на православие византийской культурной парадигмы и полную отстраненность от западных традиций. По словам автора, русские люди «никогда не шли об руку с прочими народами» и, «стоя как бы вне времени», не принадлежат «ни к Западу, ни к Востоку» [5, с. 33–34]. П.Я. Чаадаев высоко оценил потенциал католицизма и его интегративную роль в формировании европейского культурного региона. В католицизме его привлекали, прежде всего, деятельное и социальное начало, способность к органическому синтезу религии, политики и науки в отличие от стереотипов семейного и хозяйственного уклада русской православной традиции, которая не способствует прогрессивному развитию. П.Я. Чаадаев являлся противником культурного изоляционизма, отстаивая

вал идею органичной целостности европейского мира («все народы Европы имеют общую физиономию») и универсальности христианских традиций. Он не отрицал своеобразие и самостоятельность каждой из локальных и конфессиональных культур Европы: «кроме общего характера, у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции [5, с. 38]. В философских взглядах П.Я. Чаадаева отражаются представления о коммуникативной культуре, обеспечивающей эффективность межкультурного взаимодействия и предполагающей овладение специальными компетенциями: «для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало» [5, с. 41].

А.С. Хомяков в книге «Семирамида», изучая культурное наследие древности, в зависимости от государственного устройства, образа жизни, архетипов и принципов творческой деятельности разных народов выделил два противоположных духовных начала – земледельческое (иранское) и завоевательное (кушитское). Он считал, что противоборство *иранства* и *кушитства* составляет основу мировой культуры. Стихия кушитства выражается в склонности к рационализму и анализу и особенно ярко проявляется в сферах материальной культуры (живописи и зодчестве). Иранство обнаруживается в свободно творящей личности, в синтетическом, нерасчлененном восприятии мира и выражается в литературе и музыке. Главным достоинством всех кушитских цивилизаций (Вавилон, Египет, Китай, Индия) А.С. Хомяков считал силу и устойчивость государственных образований, в то время как иранские цивилизации слабы и нестабильны. По мнению автора, кушитские культуры «менее подвержены внешним воздействиям», сохраняют чувство личной гордости и презрение ко всему чуждому, в то время как иранские культуры «восприимчивее ко всему чуждому», отражают созвучие и гармонию общечеловеческих ценностей [6, с. 98]. А.С. Хомяков считал, что славяне, «не тронутые Римом» и сохранившие «неприкосновенно обычаи и нравы незапамятной старины» [6, с. 489], являются «представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное» [6, с. 99].

Во взглядах А.С. Хомякова обнаруживается критика европоцентристских установок и склонность к объективной оценке культурной действительности народов Востока. Указывая на непривычность китайских культурных традиций для европейцев, он подчеркнул, что «есть чем гордиться китайцу, есть над чем задуматься европейцу» [6, с. 32]. А.С. Хомяков писал: «Как бы высоко мы себя ни ставили над нашими юго-восточными соседями, мы должны признаться, что логическая стройность и строгая последовательность отличают их политическую организацию перед всеми другими и что уважение к уму человеческому и к просвещению не доходило нигде до той степени, до которой оно доведено в Китае. Наконец, до тех пор, пока наследство всех великих мыслителей древнего Востока поступит в область христианства, мы должны признаться, что буддизм есть самый достойный из всех его соперников» [6, с. 32]. В описаниях А.С. Хомякова, во многом расходящихся с распространенными взглядами и мнениями, особенно привлекает внимание далеко не лицеприятный образ французов, которые представляются автору лишенными «всякой художественности, всякого поэтического начала», сухими, обделенными фантазией, бесчувственными к стройному и прекрасному, расчетливыми, безрассудными в увлечениях [6, с. 110]. В этих чертах, отличающих французов от всех европейцев, автор увидел след негативного влияния романского начала в их культуре.

Н.Я. Данилевский, являясь противником культурного универсализма и отстаивая принципы культурного партикуляризма, отмечал, что «большого проклятия не могло бы быть наложено на человечество, как осуществление единой общечеловеческой цивилизации» [7, с. 360]. Предвосхищая проблемы современной культурной ситуации, с которыми сталкиваются разные государства и локальные культуры в условиях процессов глобализации и интеграции, он с опасением смотрел на господство единой цивилизации и культурной парадигмы, что «лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и

совершенствования – элемента разнообразия» [7, с. 360]. Несовместимость западного и славянского генотипов культуры Н.Я. Данилевский обосновывал сложностями гармонизации духовно чужих культурных традиций и социального окружения с ментальным складом и потребностями славянских народов. «Трудно научить француза и англичанина хорошо думать на немецкий лад, и, наоборот, еще труднее должно быть это для славянина, ибо разделяющее их этнографическое расстояние – значительнее» [7, с. 436]. Рассуждая о моделях социокультурного развития, Н.Я. Данилевский отмечал, что «Россия не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению» [7, с. 327], поскольку «не принадлежа, в сущности, к Европе, Россия самыми размерами своими составляет уже аномалию в Германско-Романско-Европейском мире» [7, с. 330]. Отстаивая самодостаточность и уникальность русской культуры, единственный путь сохранения ее самобытности Н.Я. Данилевский видел во вхождении в славянскую культурную общность. Ученый полагал, что всеславянский союз не только не угрожает всемирным владычеством, но является единственным предохранением от него. Вырисовывая перспективы социокультурного развития многих европейских народов и обосновывая важность всеславянского союза, Н.Я. Данилевский отмечал, что уединенное существование локальных культур чревато для них безрадостной перспективой превращения в лишенный смысла «исторический хлам» или в лучшем случае «этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций» [7, с. 332]. При этом автор совершенно искренне подчеркивал, что идея союза славянских народов с Россией мотивирована «инстинктом самосохранения России» для ее собственного самоутверждения и дальнейшей «борьбы с Западом». Такой шаг, по его мнению, является «единственным спасительным средством для излечения русских культурных недугов» [7, с. 342].

Н.Я. Данилевский считал, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [7, с. 453], но при этом полностью не отрицал значения фактов культурного влияния и преемственности в диалоге между цивилизациями. По его мнению, преемственные культурно-исторические типы имеют естественное преимущество перед уединенными. В качестве основных способов распространения культурных явлений он выделил: пересадку культуры, подразумевающую диффузию этнокультурных традиций в результате колонизации, что обуславливает выделение сильных народов и ассимиляцию слабых этносов; прививку, охватывающую культурные контакты на межгосударственном уровне; воздействие цивилизации на цивилизацию, уподобляемое почвенному удобрению, т. е. преемственность в развитии культурно-исторических типов [7, с. 461]. Существенным моментом в компаративных исследованиях Н.Я. Данилевского является определение им прикладных задач сравнительного изучения языков и его значения в практике коммуникации. Он отмечал, что «сравнительная филология могла бы служить основанием для сравнительной психологии племен, если бы кто успел прочесть в различии грамматических форм различия в психологических процессах и в воззрениях на мир, от которых первые получили свое начало» [7, с. 472].

К.Н. Леонтьев в работе «Византизм и славянство» сопоставил культурные традиции многих европейских народов и выявил их специфические черты, обосновал присутствие византийского начала в различных социокультурных сферах славян (государственно-политическом устройстве, церковной организации и религии, семейном укладе, обычаях, нравственных идеалах и эстетических представлениях) и определил его роль в развитии русской культуры. «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [7, с. 45]. Качественными характеристиками генотипа европейской культуры К.Н. Леонтьев определил гетерогенность, рационалистичность и демократичность: «в жизни европейской было больше разнообразия, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чем в жизни других, прежде погибших исторических миров» [7, с. 130].

Он считал прагматично выстроенные контакты и соблюдение умеренности в сближении славянских народов важным условием для сохранения оригинальности культуры и предотвращения угрозы ее ассимиляции. Основной целью межкультурного взаимодействия, по его мнению, должно быть не смешение культурных элементов, а «искусное тяготение на почтительном расстоянии», поиск «комбинаций, выгодных и для нас, и для них» [7, с. 146]. К.Н. Леонтьев подчеркивал, что «из всех славян только поляки и русские жили долго независимой государственной жизнью, и потому у них и накопилось, так сказать, и удержалось больше своего собственного, чем у всех других славян» [7, с. 72].

Существенный вклад в развитие российской культурологической компаративистики внесли научные наблюдения В.Я. Брюсова, который придавал значение изучению преемственности между историческими типами культуры, выявлению контактной природы культурных явлений, тенденций и факторов межкультурного взаимодействия. Он обратил внимание на то, что синхронное развитие многих культур древности, например эгейской и египетской цивилизаций, уподобляемых автором «двум пышным, гигантским цветкам человечества» [8, с. 419], дает исследователям возможность параллельно проследить их динамику и выявлять основания для сопоставления историко-культурных фактов и проведения культурных аналогий. Как он заметил, черты сходства эгейской и египетской цивилизаций в сферах искусства, религии, ремеслах позволяют рассматривать элементы подобия как результат заимствования, учитывая существование между этими культурными мирами активных торговых и дипломатических контактов, а также военных столкновений [8, с. 430–431]. В то же время отдельные факты и наблюдения заставляют предполагать, что сходства следует объяснять не влиянием, а «общностью происхождения этих культур» [8, с. 444]. Усвоение начал древнейших цивилизаций последующими культурами и народами на протяжении всего историко-культурного процесса В. Брюсов отождествлял с подражанием своим учителям и впитыванием их мудрости. Античную древность он назвал «прямым и несомненным учителем рождающейся новой Европы» [8, с. 525].

Компаративистский подход в русской религиозной философии

В наследии русской религиозной философии проблемы культурологической компаративистики получили отражение в контексте сопоставления разных культурных генотипов, религиозных традиций и моделей духовности, осмысления проблем внутренней и внешней культурной политики России и трудностей ее сближения с Западом. По определению В.С. Соловьева, спор Востока и Запада, пронизывающий всю историю культуры, «достиг до наших дней, и доселе он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни» [7, с. 198]. Укоренившиеся сложности межкультурного диалога православного и католического миров, взаимную неприязнь Польши и России В.С. Соловьев рассматривал в качестве одной из «исторических форм» этого великого и в то же время пагубного спора, развернувшегося внутри славянского мира. Он неслучайно называл поляков братским по крови, но враждебным по духу народом, заметив, что «дух сильнее крови» [7, с. 210]. По его словам, полякам-католикам ближе по духу западный европеец, даже протестант, чем православный русский, поэтому они «скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией», в которой они видят «враждебный их духовному существу Восток, силу чуждую и темную» [7, с. 210].

Н.А. Бердяев также сравнивал русский и польский типы ментальности и пытался осмыслить причины их несовместимости. Он противопоставил простоте, прямоте и бесхитрости русской души, «легко опускающейся и грешащей, кающейся и до болезненности сознающей свое ничтожество перед лицом Божиим», аристократический гонор, организованность, готическую устремленность, индивидуалистичность, утонченность и изящность польской души [9, с. 412]. Н.А. Бердяев отмечал, что для Польши, всегда смотревшей на славянский Восток с чувством своего культурного превосходства, русская модель духовно-

сти казалась «просто низшим и некультурным состоянием» [9, с. 411], а славянофилам, испытывавшим не меньшее отвращение к католическому миру, поляки представлялись, прежде всего, латинянами, и «было почти забыто, что они славяне» [9, с. 390–391]. Он считал, что увеличению дистанции между двумя общностями в европейском пространстве способствуют не только разные культурные генотипы, обусловленные религиозными традициями, ценностными доминантами, особенностями символического содержания культур, но и идеологически окрашенные стереотипы. Н.А. Бердяев полагал, что между двумя народами пока еще не возникала глубокая потребность в обоюдном понимании.

Скудность, поверхностность и искаженность представлений о России в мире Н.А. Бердяев объяснял тем, что она никогда не играла определяющей роли в истории, все время оставалась «уединенной провинцией», отличаясь замкнутостью и обособленностью духовного бытия [9, с. 271]. «Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человека Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством» [9, с. 270–271]. В качестве определяющих характеристик восточных славян Н.А. Бердяев выделил аполитичность, пассивность к вопросам государственного устройства и управления, неумение устраивать свою землю, пассивную, покорную женственную природу. С недостатком активного мужественного начала и «несоединенностью мужественного и женственного в русском духе и русском характере» Н.А. Бердяев связывал зависимость России от Запада. «Все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину» [9, с. 284]. По мнению Н.А. Бердяева, недостаточность мужественного и индивидуалистического начал в модели русской духовности отражена и в специфике религиозности, которая растворяется в коллективной национальной стихии и «боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности», «отказывается от мужественного, активного духовного пути» [9, с. 279]. Философ подчеркивал, что для русского человека святость не является внутренней энергией и остается «трансцендентным началом» [9, с. 337]. Славянская душа испытывает утомительность от активной работы над формированием своей личности и выработкой самодисциплины, желает «укрыться в складках одежд Богородицы», верит и надеется на то, что «святые или сам Бог все за него сделают» [9, с. 338–339]. «Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю и единый разум» [9, с. 490].

Н.А. Бердяев считал, что в оформлении типичных для русской ментальности особенностей ведущую роль сыграли географические факторы. Широта русского человека, необъятность и хаотичность его души детерминированы огромными пространствами восточнославянских земель, организация которых нелегко давалась человеку; русская душа «утопает и растворяется» в необъятности и безграничности русских полей и снегов [9, с. 325]. Безынициативность, беспечность, безответственность, бесхарактерность, бесшабашность и лень рассматриваются как порождения «власти шири над русской душой» [9, с. 327]. Н.А. Бердяев сопоставил восточных славян с народами Западной Европы, которые постоянно ощущают сдавленность небольшим пространством и привыкли рассчитывать на собственную энергию. Например, немцы ищут спасения только в своей активности, интенсивности, самодисциплине и внутренней напряженности, так как они не могут смириться с хаотичностью, безбрежностью, иррациональностью и неорганизованностью. «Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет» [9, с. 328]. Создавая портрет типичного немца, Н. Бердяев представил его не как догматика и скептика, а как волюнтариста и идеалиста, музыкально одаренного и пластически бездарного, который «отвергает мир, не принимает извне объективно дан-

ного ему бытия» [9, с. 415]. По мнению Н.А. Бердяева, только самого себя немец ощущает в качестве единственного источника порядка, организованности и света, а другие народы всегда воспринимает как воплощение хаоса и тьмы [9, с. 417].

П. Флоренский пытался выявить и осмыслить особенности разных типов религиозности и связывал их своеобразие со степенью влияния зрительных и слуховых впечатлений. По его мнению, в язычестве возвышенным предметом религиозных переживаний является внешний мир, поскольку основным в освоении действительности провозглашается зрение. В христианстве наиболее значимыми являются волнения человеческого духа, воспринимаемые слухом и выражаемые речью [10, с. 34]. П. Флоренский предполагал, что основное отличие между католицизмом и протестантизмом состоит в их принадлежности к разным психологическим типам – зрительному и слуховому. Соответственно он отнес католицизм к религии зрительного типа, а протестантизм – слухового, в то время как православие назвал «гармоническим равновесием того и другого» [10, с. 34–35]. П. Флоренский заметил, что отличительная черта православия заключается в перевесе культа, и в частности обряда, над учением и моральной стороной христианства: «Брань, драка, пьянство – меньший грех, чем нарушение поста; нарушение целомудрия легче отпустится духовником, чем нехождение в церковь; участие в богослужении более спасительное дело, чем чтение Евангелия; отправление культа важнее дел благотворительности» [10, с. 475].

Заключение

1. В произведениях древнерусской письменности отражается попытка осмысления межкультурных различий в контексте сопоставления разных локальных и конфессиональных типов культуры. Смысловая интерпретация культурных контрастов отчетливо выявляется в конфессиональной полемике, в которой абсолютизировалось русское православие, обличалось язычество, критически оценивались другие религии. Наследие книжной культуры подтверждает, что в оценке социокультурной действительности нехристианских народов и представителей католического мира доминировали центристские установки, отстаивавшие традиционные основы русской культуры, утверждавшие превосходство православной модели духовности и провозглашавшие идеологию изоляционизма.

2. Культурологическая компаративистика как исследовательская парадигма начала складываться на рубеже XVIII–XIX вв. Научный интерес к изучению поликультурного мира стимулировался тенденциями демократизации и вестернизации в общественной жизни России. Развитию сравнительно-культурологического знания способствовали многочисленные научные открытия и поиски в смежных гуманитарных отраслях, обеспечивших исследования богатой эмпирической и текстологической базой. Межкультурные различия (историко-культурные, этнокультурные, конфессиональные) определялись на основе сопоставления этнографического, археологического, фольклорного, религиоведческого, искусствоведческого, лингвистического материала. На разработку теоретико-методологических основ сравнительного изучения культуры повлияла философская полемика славянофилов и западников о путях социокультурного развития России.

3. Традиции сравнительного изучения феноменов культуры были продолжены представителями русской религиозной философии XIX–XX вв. Сравнительный анализ использовался в качестве методологического приема в контексте осмысления специфики русской культуры и ее места в мировом пространстве. Существенное внимание уделялось определению ментальных различий между народами, сравнению разных культурных генотипов, обусловленных природными, социокультурными и религиозными детерминантами, ценностными доминантами, спецификой символического содержания культур. Обращая внимание на то, что различия способствуют увеличению дистанции между разными народами, возможность разрешения коммуникативных противоречий ученые видели в компромиссе культур, взаимном прощении и примирении, в интеграции потенциала христианских традиций.

Новизна данного исследования выражается в том, что в статье впервые представлен целостный подход к изучению проблем становления культурологической компаративистики и разработки теоретических основ сравнительного изучения культуры в России. Культурологическая компаративистика как исследовательский комплекс не стала предметом специального исследования, несмотря на то, что вопросам сравнительного изучения отдельных сфер культуры и проблемам теоретического осмысления межкультурных различий посвящены многочисленные научные публикации. Опыт культурологической компаративистики, прошедшей длительный путь своего становления и развития, представляет теоретическую и практическую значимость в разработке методологических проблем культурологии и проектировании моделей межкультурного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов, В.В. Древняя Русь : наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2000. – 326 с.
2. Ломоносов, М.В. Записки по русской истории / М.В. Ломоносов. – М. : Эксмо, 2003. – 704 с.
3. Радищев, А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А.Н. Радищев. – Л. : Худ. лит., 1984. – 264 с.
4. Карамзин, Н.М. История государства Российского : в 4 кн. / Н.М. Карамзин. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Кн. 1. – 512 с.
5. Чаадаев, П.Я. Цена веков / П.Я. Чаадаев ; сост. Б.Н. Тарасов. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 253 с.
6. Хомяков, А.С. Сочинения: в 2 т. / А.С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Т. 1. – 590 с.
7. Византизм и славянство. Великий спор. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
8. Брюсов, В. Проза : в 2 т. / В. Брюсов М. : Библиосфера, 1997. – Т. 1. – 528 с.
9. Бердяев, Н. Судьба России: Сочинения / Н. Бердяев – М. : Эксмо, Харьков: Фолио, 2004. – 736 с.
10. Флоренский, П.А. Христианство и культура / П.А. Флоренский. – М. : Фолио, 2001. – 672 с.

Pavilch A. Formation of Comparative Culturology of Russia

The article reflects the process of the formation of comparative culturology as a research paradigm in cultural knowledge. According to the materials of the monuments of Russian ancient literature and philosophic compositions of the 18-20 centuries the experience of comparative analysis of phenomenon of Russian culture is learned, culturological views of M.Lomonosov, A.Radichev, A.Homyakov, N.Danilevski, K.Leontiev, V.Soloviov, N.Berdiayev are considered. The main tendencies of comparative researches of culture and ways of thinking over intercultural differences are determined. The article is devoted to studying of notions about communicative culture in the dynamics of philosophic and social-humanity knowledge of Russian.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.08.09

УДК 008+002]:316,7(476)

Ю.В. Чернявская

БЕЛОРУССКАЯ ЭТНИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ БЛОГОСФЕРЫ

Статья посвящена современной белорусской этничности (медиа-этничности) и создана по материалам белорусской блогосферы. В ней представлены основные характеристики этничности белоруса, какими они предстают в современном осмыслении, а также типы современной медиа-этничности. Предлагается использовать блоги в качестве объекта планомерного мониторинга в целях усовершенствования современного национально-культурного проекта.

Введение

Несомненным следствием глобализационных процессов является редукция объективных признаков этноса (язык, территория и т. д.). Это порождает тревогу ряда исследователей, полагающих, что вследствие этого этнос подвергается опасности распада на группы и субкультуры. Однако мы полагаем, что эта опасность преувеличена, поскольку самосохраняющую роль в этносе начинает играть субъективный фактор – этничность. *Этничность – динамически обновляющийся комплекс идей, воззрений, ценностей, моделей поведения и действия членов этнической общности, дающий представление о ее месте в кругу других народов и одновременно – о месте человека в этносе.* В современности возникает новый процессуально-синтетический «постмодерный» тип этничности, основанный на: а) возросшей роли информационно-коммуникационного компонента самосознания; б) скорости и противоречивости информационных процессов; в) создании новых форм коммуникации. Мы определяем его как *медиа-этничность*, когда этнические характеристики входят в сознание человека не в процессе взаимодействия первичных и вторичных институций (А. Кардинер), а формируются разнообразными медиа-потоками. Наиболее показательный срез этого типа представлен в интернете, в частности, в *блогосфере* – совокупности интернет-блогов (сетевых дневников). *Блог* – авторский сайт, содержащий записи (посты) по принципу дневника. Блог создается в расчете на читателя, который может открыть дискуссию с автором и другими *блоггерами* (владельцами сетевых дневников) – в виде *реплик* (комментариев, или «комментов»). Наиболее популярным сегментом блогосферы является «Живой Журнал» (ЖЖ), на котором представлено более миллиона сетевых дневников. Статья основывается на анализе дневников белорусских пользователей ЖЖ, а также – в меньшей мере – на ряде *форумов* – сетевых площадок, созданных в целях обсуждения актуальных событий общественной и частной жизни интернет-пользователей.

Характеристики этничности современных блоггеров

На наш взгляд, основными характеристиками этничности являются комплиментарность как оппозиция «Мы – Они» (термин Л.Н. Гумилева); этноним; мифомотор как совокупность мифов, консолидирующая общность (термин Дж. Армстронга), включающих представление о «золотом веке» народа, о идеале будущего и о дне сегодняшнем в контексте пути к идеалу; этнический самообраз [34, с. 12].

Комплиментарность. Комплиментарность выражена в разрезе трех проблем: 1) выбора западного или пророссийского пути; 2) происхождения народа (родства по «крови»); 3) предпочтения белорусского или русского языка.

1.) На основе исследования выявлено, что культурная дистанция «белорусы – Запад» меньше, чем «белорусы – русские» (соотношение: 76 постов и комментариев к 54). Тем самым европейская идентичность представляется современному блоггеру более привлекательной, чем «пророссийская» или «советская (постсоветская)».

2.) Биопримордиалистские убеждения о родстве этнофоров «по крови» разделяет малое количество блоггеров (21 пост из 250). В них поднимается вопрос о «кровном» разграничении русских и белорусов как «балто-славян», «балторуссов». Тем не менее, единство происхождения не видится основным фактором этничности: «калі, напрыклад, чалавека ў сталым узросьце вярнулі на родную зямлю, растумачылі яму, скуль ён паходзіць на самой справе, то я ўпэўнены, што ён адчуе сваю сувязь з продкамі, роднай зямлёй <...> Хопіць беларускае сьвядомасьці і хаця б на чвэрць беларускага паходжаньня» [5]. Возражения биопримордиализму таковы: «Вось у мяне, сыходзячы з маіх каранёў, былі магчымасьці стаць беларусам, альбо рускім альбо палякам <...> я стаўся беларусам» [5]; «Единство народа делается не на единстве крови, а на единстве самосознания» [10].

3.) Для значительной части блоггеров демаркационной линией «свой – чужой» является язык: «мова пэўным чынам вызначае працэс чалавечага мысьленьня. Па-беларуску мне прасьцей быць адчыненай ды шчырай» [23]; «Гэта мая мова, мова майго народу. І я зраблю ўсё, каб мае дзеці ведалі і размаўлялі менавіта на матчынай мове!» [31]. Русскоязычные и двуязычные блоггеры переводят вопрос в плоскость биографии: 1) «наш русский далеко не чистый русский. Он уже давно приобрел оттенки «нашести» с кучей словечек типа «абы что». И для тебя «В лесу родилась ёлочка» так и останется в оригинале в уголках сознания <...>, и бабушкины сказки тоже» [23]; 2) в область билингвистической направленности мировой культуры: «Интересно, почему англоязычная поэзия не мешает Набокову считаться великим русским писателем? А французский язык Кундере совсем ни капельки не помеха, чтобы быть великим чешским писателем?» [27]; 3) в область множественности этнических признаков: «Нельзя оценивать белоруса только мовой. Так же как ирландца, шотландца, да и кого бы то ни было еще» [там же]. Наиболее распространенный взгляд на эту проблему таков: «вообще, не важно на каком языке мы, теперешние белорусы, говорим, главное, что мы думаем, и как воплощаем в реальность наши мечты... Я говорю на русском и на белорусском. И мне дорога эта страна» [23]. Преимущественно реакция аудитории на эту проблему заключается в попытках найти консенсус: «Для мяне мова – гэта перш за ўсё сродак сувязі з людзьмі... Галоўнае – зразумець адзін аднаго, а не прыўсыці ў чужы манастыр са сваім статутам <...>. І чалавека ніколі не прымусяць размаўляць на той ці іншай мове. Сітуацыю трэба выпраўляць адукацыяй, асветай і г. д. Гэта вельмі даўгі працэс, але іншага шляху няма» [2]. Предлагаются меры по повышению статуса белорусского языка в русле государственно-культурной модели двуязычия: «Трэба пачаць з выконвання Канстытуцыі. Калі па Канстытуцыі ў нас дзеве дзяржмовы, то яны павінны быць раўнапраўнымі ва ўсім (адукацыя, СМІ і г.д.) <...> На мой погляд, тут нічога складанага няма, галоўнае – умець чакаць і не «перагібаць палку» [2].

В целом современной модели белорусской комплиментарности по сравнению с российскими и украинскими блоггерами свойственна меньшая радикальность, выражающаяся в частом обращении «на вы», в попытках сгладить конфликты, представить свою точку зрения, не унижая оппонента.

Этноним. В блогах сосуществует несколько самоназваний. Наряду с этнонимом «белорус» («беларус») присутствуют и символические наименования «литвины», «крывічы», «тутэйшыя» и т. д. Предпочтения фиксируются в *никах*, т. е. интернет-псевдонимах, которые используют блоггеры («Крывіес», «Ліцьвін», «Літвінка», «Радзіміч»). Чаще пользователи понимают все эти термины как синонимы: «Беларус –

представитель белорусского этноса. Па крыві – з тутэйшых людзей» [20]; «Чым горшы ваярынт «беларус-балт»? І чаму менавіта «крывіч», дрыгавічы не горшыя... Так, калі падсумаваць усе прачытаныя са школы гістарычныя (і калягістарычныя) кнігі, у галаве складваецца такая нацыянальнасць – беларус-ліцьвін-крывіч/дрыгавіч-балт» [26]; «ліцьвін, крывіч, беларус – гэта ня ворагі. Гэта нават можа быць адна асоба» [16]. Большая частка блоггераў протыв дзелення культуры на сегменты, котрыя азначаваюцца рядом прыведзенных этнонимаў. Такжэ прымячальна, што в блогасферы муссировацца ідея аб змяненні правописаання прыналежнасці гражадан Рэспублікі Беларусь: «беларус» замест «белорус»: «Оспорить написание слова «БелАрусь» никто уже не в силах, так как оно – единственное существующее официальное название нашего государства <...>, потому всё-таки правильно писать и говорить: БЕЛАРУС, БЕЛАРУСКИЙ» [30]. Наличие вариантов «беларус», «беларуский» при соблюдении нормативов русского языка, на наш взгляд, демонстрирует: а) связь с нацио-гражданским дискурсом (от названия страны); б) трансформации, которые происходят с русским языком в Беларуси (при употреблении заимствованного языка самобытность часто маркируется графикой, этнографизмами и т. д.).

Мифомотор. В блогосфере наличествует несколько вариантов представлений о «золотом прошлом» как предпосылке для идеального будущего. Соответственно вырабатываются версии этничности, анализ которых мы произведем далее. Здесь же отметим лишь часть из них. Так, ряд блоггеров в качестве идеи «золотого прошлого» настаивает на образе ВКЛ («аристократическая» версия этничности), а сторонники «советской» версии – на столь же позитивно оцениваемом СССР. Сторонники «нацио-гражданской» версии развития белорусской этничности и культуры понимают оба периода как значимые этапы в истории страны, заложившие основания современной этничности и культуры белорусов. Последних отличает направленность в будущее: умеренная настроенность на прошлое признается контрпродуктивной.

Ряд блоггеров призывает к сознательному созданию современных мифологий, понимаемых как пути к национальной идее: «Мы мусім займацца стварэннем нацыянальнага міфа. Менавіта міфа, а не хлусьні. У аснове ўсіх вялікіх гістарычных падзеяў ляжалі й ляжаць міфы <...>. Калі б Расея адмовілася ад свайго міфа месіянаства, які яна стварыла пасля таго як быў захоплены Канстанцінопаль, мы б зараз мелі па-суседству ў лепшым выпадку невялічкую рэспубліку «Масковія» [19]. С этой точки зрения представляет интерес попытка «маркетинга» аристократической версии: «Думаю, што калі гэта не гульня, то падыходзіць трэба сур'ёзна. І выкарыстоўваць пры гэтым маркетинг <...> А гэта значыць прадуманая рэклама і т. д. На маю думку не трэба супрацьстаўляць літвінаў беларусам. Трэба прызнаць, што мы належым да беларускай нацыі і літвіны – гэта культурная група беларусаў. Што для літвінаў свая – беларускамоўная культура, але пры гэтым літвінам свая таксама і польская культура і нават руская культура блізкая. Вось і трэба працаваць на стварэнне гэтай культурнай групы літвінаў <...> І рэпрэзентаваць сябе трэба не агрэсіўна, а спакойна. Беларусы не любяць агрэсіі і апазыцыйнасці. Трэба працаваць на пазітывізм. Тады ёсць перспектыва» [12]. Характерно расширение сферы понимания слова «литвин»: в него вкладывается уже не содержание древнего политонима, а современная нациокультурная направленность.

Блоггерами отмечается, что национальный миф должен включать компоненты «современности» и «элитарности»: «Честно говоря, я знаю, что к XIX веку бел. культура существовала только в виде народной... Ну и что? Это не значит, что сейчас никто не знает того, что было до XIX в. Пример – те же «Стары Ольса», играющие музыку, которая НЕ БЫЛА народной. [Сейчас] вся белорусская культура ассоциируется только с народной, современный человек уже не подозревает, что есть и другое, но тоже

БЕЛОРУССКОЕ. То, носителем чего была аристократия» [13]. При этом ряд блоггеров отмечает исключительное богатство белорусского фольклора: «... белорусская народная песня весьма и весьма интересна и безумно сложна (!) в музыкальном плане, а во многих случаях и в поэтическом тоже» [13]. Вывод таков: «проблема не в том, что мы не ту белорусскую культуру изучаем, а в том, что нам её (и ту и другую) преподносят <...> не в той форме, в которой она была бы интересна и понятна современному беларусу» [13]. Тем самым одним из способов достижения идеала будущего блоггеры признают поиски элитарных форм, в рамках которых наследие народа будет способно привлечь современного реципиента.

В контексте *этнического самообраза* отмечается ряд качеств и моделей действия, коннотируемых как позитивные: а) *патриотизм*: «Пройдитесь по улицам Минска – огромное количество молодёжи, и почему-то никто из них не свалил в «благословенные» страны за куском колбасы» [28]; б) *гостеприимство и доброжелательность*: «Настоящий белорус всегда примет человека, накормит, напоит, поговорит с ним по душам и выслушает его внимательно и участливо» [25]; в) *«мирная созерцательность»*: «Верить, белоруса узнаю в походе или в экспедиции мгновенно! <...> Немного поговорить, и темпоритм речи, мирная созерцательность выдаст его!» [29]; г) *«окольный путь»* в достижении целей [34, с. 38] как проявление здравого смысла: «То, что творится сейчас в России – врагу не пожелаешь <...>. Лучше постоять в стороне, пока там поумнеют, а может, чем и помочь» [14]; д) *рассудительность*: «Самое ёмкое слово, которое характеризует белорусов – это памяркоўнасць <...> Мяркаваць – это значит думать, размышлять. Если тебе предлагают: «Памяркуем?» – это говорят: «Приходи, перетрём все темы, посидим, подумаем, обсудим» [6].

Можно отметить тенденцию к новому пониманию *толерантности* как готовности к критическому диалогу [33]: «Я очень люблю поляков, русских, украинцев. Но когда отдельные индивиды начинают выкальваться, ей богу, хочется немного поучить их уважению к ИНЫМ, чем он сам, людям и культурам» [3]. Однако в целом ценность толерантности не подвергается сомнению: «одно дело – отстаивать свои интересы и оставаться цивилизованным человеком. Другое – гнуть своё, оскорблять и выглядеть хуже, чем те, кто спорит и ругается. Мы – беларусы, они русские. и нельзя говорить, что кто-то хуже, кто-то лучше» [22].

Дискуссионным статусом наделяется присущий традиционной белорусской культуре комплекс *«тихости»* [34, с. 49–50], понимаемый как спокойствие, деликатность, отсутствие аффектации. Она нередко отождествляется с излишней пассивностью, хотя чаще признается позитивной чертой: «Моя любимая, тихая, беззащитная родина. Такая гордость распирает за то, что нет ни одного человека на свете, который ненавидел бы белорусов» [1]. Примечательна история, рассказанная россиянином: «Едем в электричке из Витебска домой. Проехали границу с Россией. На очередной остановке в вагон вваливается кучка молодёжи. Пьяные, с пивом в руках <...> Ну, а мы так тихо, культурно сидели. Короче, приехали мы в Смоленск, все выходят из вагона. Мимо нас проходит какой-то парень. Поворачивается он к нам и говорит: «Удачи вам, братья-белорусы!»... Тех, кто спокойно ехал, автоматически посчитал белорусами» [7].

Разнопланово оценивается и такое качество, как *хитрость*, в традиционной белорусской культурной модели представлявшая собой одну из коннотаций мудрости [34, с. 152]: «Яна не калькуляваная, не мэта-рацыянальная... падаецца што ён [белорус. – Курсив мой. Ю.Ч.] – істота вельмі рэфлексіўная, калі застаецца сам-насам; а вось з іншымі, ён пераўтвараецца у нейкага прасцяка» [8]. Однако адаптивная модель хитрости-«прибеднения», распространенная в локально-традиционной этничности, в русле современной этничности представляется контрпродуктивной: «Надоела уже эта привычка прибедняться, извиняться... Тем более что ОГРОМНОЕ количество адекватных

белорусов имеют и желание работать, имеют самоуважение, интеллект, культуру, образование» [3].

Дискуссионным представляется комплекс качеств, который можно определить как *сельский менталитет* (в белорусской традиционной этничности деревня однозначно предпочиталась городу). Часто Республика Беларусь понимается как современная держава с развитой индустрией и информационной сферой, граждане которой должны преодолеть «крестьянский комплекс»: «Я сильно не люблю людей которые опираются на деревню. Например, на привозные запасы бульбы, сала и т. п. – потому, что этот уровень их устраивает... Зачем им развивать страну?» [21]. Однако ряд пользователей задается вопросом: «Можно ли, живя в Беларуси, резко отбросить в своем сознании деревню, сельские корни?» [9]. Ответы чаще отрицательны. Так, пользователь maxsim_by пишет: «наши родители так жили, это их жизнь, и лишать её, втягивая за уши в мир мобил не стоит, потому что как минимум это жестоко!» [9]. Отмечается и необходимость развитого сельского хозяйства: «Будем развивать страну, промышленность т. е. да? А кушать что будешь? <...> нету у нас в стране таких денег, чтобы все продукты закупать за рубежом. И никто не спорит с тем, чтобы развивать страну, но полностью уничтожить сельское хозяйство у нас не получится. Да и не вижу в этом смысла» [15].

В качестве черт критического самообраза называются:

а) *лень* (физическая и духовная): «Вот все говорят: «дай, дай, дай». А многим людям, может, просто надо и на себя посмотреть. Сколько у нас людей любят халяву, ничего не делать вместо работы, делать абы как...» [28];

б) *пьянство*: «Знайсьці ды знішчыць гэны тэрор-злачынца не магчыма <...> Ён умных і разважлівых ператварае ў тупіц і недарэчных асобаў. Замест ветлівасьці паміж людзьмі, ён нормай робіць хамства <...> Гэты тэрор – алкагалізм. Трэба мець рашучасьць і адвагу, каб вызнаць – «я не дазволю тэрарызаваць сябе» [18];

в) *пассивность и пессимизм*: «Беда в том, что нытья больше, чем желания что-то сделать» [24]. В связи с этим отмечается: «сумна, што «ідэнтэчнасць» звязваецца з пессімістычным самаўяўленнем, праз гаротнасць» [8]. Часто это связывается с историческим долготерпением белорусов [17]. Однако последнее понимается и в позитивном плане: «белорусские люди – это пружина, которая, если надо, вытерпит самые страшные нагрузки <...> Веками мы, белорусы, умели быть терпеливыми, умели любить и ждать, не покладая рук работать» [17]. В целом большинство блоггеров (87 постов из 120, затрагивающих эту тему) центрируется на позитивных чертах белорусского самообраза.

Типы белорусской медиа-этничности

Как показало исследование, медиа-этничность синтетична: в ней сосуществуют разные версии, отчасти пересекающиеся, отчасти опровергающие друг друга. Определим наиболее распространенные из них.

1. *«Археологическая»* (по аналогии с этнологическим понятием «археологическая культура»). Представители этой версии настаивают на значимости общего происхождения белорусов и на «генетическом» отличии от этносо-контактеров: например, критерием различия белорусов и русских признается отсутствие в белорусском субстрате тюркского и/или фино-угорского элемента, а в русском – балтского. Для этого типа этничности характерна направленность в древность и изыскания (в языке, археологии, естественной антропологии и т. д.) специфики белорусов.

2. *Почвенническая*. Основывается на идее «примордиальных» устоев, образа жизни, верований (часто дохристианских), обычаев, фольклора и т. д. Дифференциация с народами-контактерами, как правило, основывается на параметрах языкового

отличия. Для сторонников этой версии значимую идентификационную роль играет язычество как эссенциальная вера белорусов, сближающая их с природой и космосом.

3. *Народно-демократическая версия* как продолжение демократической линии в самосознании белорусов. Она связана с деятельностью гуманитарной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. («Наша ніва», Я. Купала, Я. Колас, А. Гарун и др.) и содержит мощный социальный заряд: «В современных белорусах течет кровь натерпевшегося крестьянства, а не великолитовской шляхты» [32]; «сучасны беларускі этнас у зусім невялікай ступені паходзіць ад волатаў-ліцвінаў. Усе ж такі ён фармаваўся цягам 19-га стагоддзя пераважна вясковым насельніцтвам... то бок сённяшняе ўсведамленне айчыннае рэчаіснасці павіннае грунтавацца на гэтым разуменні» [4]. При своем развитии – от социального к этнокультурному контексту – этот тип сливается с национально-гражданской версией этничности, потому в чистом виде представлен незначительно.

4. *Аристократическая версия*. Связана с «реабилитацией» шляхты как интеллектуального цвета нации, с идеями «вольнасці» и в целом национальной гордости, основанием для которой признается период ВКЛ. Сторонники этой версии настаивают на многовековых корнях белорусской элитарной культуры (Ф. Скорина, С. Будны, В. Тяпинский, Сапегы, Радзивилы и т. д.) и на изначальном развитии последней в русле европейской культуры. Будущее представляется итогом именно этой тенденции развития Беларуси, в свете чего ряд страниц прошлого (период Киевской Руси, советский период) вымывается из дискурса или коннотируется негативно. Иногда – хоть и не часто – сторонники этой версии высказывают одиозное мнение относительно символического разделения населения современной Беларуси на «литвинов» как интеллектуального цвета нации и «тутэйшых», как несознательной массы. Наиболее распространенное возражение таково: «эти «сапраўдныя» белорусы хотят переделать «несапраўдных» через возрождение некоего средневекового сословия, белорусской шляхты. А как будете определять кто шляхта, а кто нет? По документам? По мове? А может быть по черепам?» [32].

5. *«Кривичская» версия*, более разнородна, чем предшествующие. Главная ее идея – древность, выраженная в индоевропейском происхождении кривичей. Современная кривичская версия этничности связывается то с ролью Полоцкого княжества в культуре славян, то с «литвинством»; понимается то как региональная идентичность, то как всеохватывающая этническая характеристика; то связывает пути белорусов и русских, то отрицает принадлежность русских к «Крывіі». Возражения этой версии связаны с наличием других племен в белорусском субстрате: «чаму менавіта «крывіч», дрыгавічы не горшыя» [26]. Иногда возражения принимают форму пастиша: «предлагаю создать язык дрыгавічоў, дрыгавіцкую вiкiпедыю» [16]. Эта версия представляется, скорее, эмблематико-символической, чем претендующей на реальное воплощение в современной Республике Беларусь. Скорее, ее главная цель – настоять на исторической самобытности народа.

6. *Советская версия* связана с народно-демократической и оппозиционной аристократической: «Сцвярджаць, што дэмакратыі пры Ягайло было больш, чым у машэраўскай Беларусі можа толькі клінічны прыхільнік БЧБ. Пачытайце УВАЖЛІВА пра правы простых беларусаў у ВКЛ і пра іх «шчаслівае» жыццё ў тые часы» [28]; «Отличие нынешних белорусов от остальных восточноевропейцев, по-моему, в том, что мы стали в массе своей более советскими людьми, чем украинцы и даже русские, не говоря уже о прибалтах. Посему белорусскость нынче во многом синоним советскости <...>. Т. е. советские инстинкты и привычки, хотим мы этого или нет, многие в народе останутся, а вот ассоциация их с Россией уйдет. Потому что Россия уже совсем не советская» [11]. Сторонники этой версии считают, что основы

белорусской государственности и профессиональной культуры были заложены в советский период, когда Беларусь стала одной из самых высокоразвитых республик СССР, приобрела известность в Европе и мире, стала членом ООН. Этот период связывается с расцветом науки, культуры, промышленности. Основной «точкой» идентичности для представителей этой версии является период Великой Отечественной войны, когда белорусы проявили выдающийся героизм на фронте и в тылу. Одной из характеристик советской версии является установка на толерантные отношения с представителями иноэтнических групп, на контакты с Россией и др. странами бывшего СССР. При этом четких идей строительства современного национально-культурного проекта ее сторонники не предлагают.

7. *Нацио-гражданская версия* настаивает на причислении к белорусскому народу представителей всех этногрупп страны, а также на том, что все культурные достижения, созданные на территории Республики Беларусь, должны считаться белорусскими вне зависимости от этнической принадлежности и (часто) языка их авторов. Ее сторонники не разделяют принципа преимущественной центрации на каком-либо периоде белорусской истории (Киевская Русь, ВКЛ, БССР). Так, Киевская Русь понимается как время возникновения и становления христианской культуры (и зарождения в ее русле философии и литературы); ВКЛ высоко оценивается в свете возникновения правовой культуры, но при этом признается, что демократия этого периода имела сугубо «шляхетский» характер; отмечаются не только недостатки, но и ряд достоинств советского периода. Это свидетельствует об оценке истории Беларуси с позиции синтеза, а не с точки зрения стигматизации одних периодов и придания другим мифомоторического статуса «золотого века». Представители этой версии не задаются вопросами «генетического отличия» белорусов от иных народов Беларуси и ближнего зарубежья. Сознавая значимость религиозного компонента этничности, они настаивают на равенстве конфессий. Их задача – построение национально-культурного проекта на основе современных идей гражданского общества и полиэтнического государства, в свете чего идея «европейского пути» не отменяет контактов с Россией. Тенденции этой версии этничности – синтез, исторический подход, равноправие культурных групп: «Нация, как носитель гражданственности, не может быть разделена на слои с разным доступом к правам/обязанностям по форме ушей и акценту, ибо это обескровливает государство, ослабляет его. Национализм, как понимаете его вы, возможен как способ существования государства моноэтнического. Янский, жесткий, путь развития, часто направленный на внешнюю экспансию. Остается иньский, накопительский путь развития, когда все в сфере идей, науки и культуры, что имеет отношение к Беларуси, хоть каким боком, признаётся за свое, вызывает гордость и приобщение к общенациональному богатству» [27]; «Беларусы, у дадзеным кантэксьце, УСЕ жыхары Беларусі, краіны, у якой яны жывуць, працуюць і плоцяць падаткі, служаць у войску, спажываюць *polens volens* культурныя, інфармацыйныя й прапагандысцкія прадукты... ў дадзеным кантэксьце ані рэальнае, ані вымысленае расавае паходжаньне ня мае значэньня... Сярод маіх знаёмых багата беларускіх патрыётаў, рупліўцаў беларушчыны, расейскага, габрэйскага, украінскага, татарскага, польскага паходжаньня. Цяпер сярод сьвядомых беларусаў ёсьць і мулаты» [8].

8. *Пессимистически-космополитическая версия*, предполагающая растворение белорусской специфики в западной культуре «фаст-фуда» как следствие глобализации. В силу малого количества сторонников этой версии (всего 5 высказываний), мы считаем возможным не принимать ее во внимание.

Заклучение

В русле каждой из версий этничности развивается собственный этос как направленность к определенным ценностям, идеалам, моделям действия и выражающим их знаково-символическим системам (идеалы «элитарности» и «шляхетства», свойственные аристократической версии; «великая держава», «равенство» и «дружба народов» как ценности апологетов советской версии; «примордиальные» основы и мудрость поколений в почвеннической и археологической версиях; идеи современной мультикультурности и государственного характера этничности, присущие национально-гражданской версии и т. д.). Тем не менее, названные версии этничности в определенных аспектах пересекаются (например, версии 1 и 2; 4 и 5; 3, 6 и 7), а также тяготеют к созданию гибридных построений. Наиболее важным представляется то, что национально-гражданская версия включает маркеры этничности, присущие остальным: этногенетический миф, фольклор и обычаи как мерила идентификации (версии 2, 3, 4, 5); роль интеллигенции и демократические идеалы (3); представление о достижениях и победах (3, 4, 6); ценности независимости и самобытности. Таким образом, несмотря на поливалентность версий медиа-этноности, все они соприкасаются с последним типом.

На основе анализа можно сделать ряд выводов:

1. Исследование этничности по материалам интернета может быть плодотворным фактором национально-культурного проекта современности, поскольку: а) интернет-пользователи представляют значимый сегмент общества (по данным прошлого года более 34% граждан Беларуси). Это большой процент населения страны, причем по преимуществу молодого (от 18 до 29 лет), которое в течение следующих десятилетий будет определять развитие культуры Республики Беларусь; б) интернет представляет не отдельную субкультуру, а группу, репрезентующую различные субкультуры современного белорусского социума; в) этот слой – один из наиболее образованных в Республике Беларусь: 53 % пользователей интернета имеет высшее образование; г) форма дневника побуждает к саморефлексии, а также – к рефлексии над судьбой Отечества, над «менталитетом», ценностями, будущим и т. д. Потому в целях государственных и общественных инноваций может быть полезным планомерный мониторинг материалов интернета.

2. В целях современного национально-культурного проекта государства и общества важно, чтоб создаваемые модели основывались не на этничности конкретной «целевой» группы, пусть даже и численно преобладающей, а на общих элементах в воззрениях, установках и ценностях сторонников всех версий. Этой цели отвечают: а) национально-гражданский тип этничности на основе ценностей самобытности и независимости (эта тема выражена у 211 з 250 блоггеров); б) белорусский самообраз как фундаментальная характеристика этничности. В последнем контексте следует учитывать наиболее стабильные, актуальные и в прошлом, и в современности самохарактеристики белорусов, а именно: рассудительность, косвенный путь в достижении целей, толерантность как готовность к критическому диалогу, ценность «должного места» в контексте патриотизма, труда и норм взаимоотношений и др.

3. Несмотря на «центробежный» постмодерный характер, современная белорусская этничность сохранила преемственность по отношению к традиционной, что является залогом самосохранения и развития белорусского этноса в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 4erep-axx-xa's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://4erep-axx-xa.livejournal.com/4867.html>. – Дата доступа : 15.07.2008.
2. Ant1killer's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://ant1killer.livejournal.com/19701.html>. – Дата доступа : 10.07.2008.
3. A-paradeigma's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://a-paradeigma.livejournal.com/159992.html>. – Дата доступа: 14.07.2008.
4. Beatleofdoom's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://beatleofdoom.livejournal.com/537406.html>. – Дата доступа : 11.07.2008.
5. By_politics community // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : http://community.livejournal.com/by_politics/789619.html?thread=9118579. – Дата доступа : 04.08.2008.
6. Bytmojet's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://bytmojet.livejournal.com/24473.html>. – Дата доступа : 11.07.2008.
7. Cannemara 's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://cannemara.livejournal.com/1224.html>. – Дата доступа : 09.07.2008.
8. Chareuski's Journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://chareuski.livejournal.com/24934.html>. – Дата доступа : 15.07.2008.
9. Empire_su community // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : http://community.livejournal.com/empire_su/42568.html. – Дата доступа : 10.07.2008.
10. Endoweverylast's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://endoweverylast.livejournal.com/9027.html>. – Дата доступа : 31.07.2008.
11. F-f 's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://f-f.livejournal.com/69828.html?thread=1072580>. – Дата доступа : 03.08.2008.
12. Gorliwy-litwin's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://gorliwy-litwin.livejournal.com/54211.html>. – Дата доступа : 15.07.2008.
13. Hysterical-girl's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://hysterical-girl.livejournal.com/37581.html>. – Дата доступа : 16.07.2008.
14. Ingvar-z's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://ingvar-z.livejournal.com/33013.html>. – Дата доступа : 09.07.2008.
15. Inhate's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://inhate.livejournal.com/95312.html>. – Дата доступа : 07.07.2008.
16. Juras14 's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://juras14.livejournal.com/319312.html>. – Дата доступа : 04.08.2008.
17. Justandrei's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://justandrei.livejournal.com/1748.html>. – Дата доступа : 10.07.2008.
18. Kapitan-smallet's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://kapitan-smallet.livejournal.com/3473.html>. – Дата доступа : 16.07.2008.
19. Kostas14's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://kostas14.livejournal.com/70532.html>. – Дата доступа : 16.07.2008.

20. Kryviev's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://kryviev.livejournal.com/100862.html>. – Дата доступа : 04.08.2008.
21. Metaclass's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://metaclass.livejournal.com/172611.html>. – Дата доступа : 07.07.2008.
22. Nicolaev's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://nicolaev.livejournal.com/567074.html>. – Дата доступа : 15.07.2008.
23. Plaschinsky's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://plaschinsky.livejournal.com/62751.html?thread=541471>. – Дата доступа : 15.08.2008.
24. Poplavok-a's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://poplavok-a.livejournal.com/7332.html>. – Дата доступа : 16.07.2008.
25. Rasstriga's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://rasstriga.livejournal.com/20845.html?thread=428397.html>. – Дата доступа : 03.08.2008.
26. Rukar's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://rukar.livejournal.com/31860.html>. – Дата доступа : 04.08.2008.
27. TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2002–2008. – Режим доступа : <http://forums.tut.by/showflat.php?Board=istetno&Number=4617469&page=5&view=collapse&sb=5&o=&fpart=2&vc=1&ccache=d2c69178dd9802ddd8f200aba497c66d>. – Дата доступа : 14.07.2008.
28. TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2002–2008. – Режим доступа : http://forums.tut.by/showflat.php?Board=articles&Number=6059400&Forum=All_Forum&Words=%E1%E5%EB%EE%F0%F3%F1%F1%EA%E8%E9%20%EC%E5%ED%F2%E0%EB%E8%F2%E5%F2&Match=And&Searchpage=0&Limit=25&Old=&Main=6057828&Search=true#Post6059400. – Дата доступа : 14.07.2008.
29. Utro-vecher's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://utro-vecher.livejournal.com/542883.html>. – Дата доступа : 07.07.2008.
30. Vladimir-minsk's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://vladimir-minsk.livejournal.com/18615.html>. – Дата доступа : 05.08.2008.
31. Warkus's journal // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2001–2008. – Режим доступа : <http://warkus.livejournal.com/38219.html>. – Дата доступа : 17.07.2008.
32. Беларусь – наша зямля [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://nashaziamlia.org/2008/03/27/1280>. – Дата доступа : 01.08.2008.
33. Лекторский, В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопр. философии. – 1997. – № 11. – С. 46–55.
34. Чернявская, Ю.В. Белорус: штрихи к автопортрету (Этнический самообраз белоруса в сказках) / Ю.В. Чернявская. – Минск : Четыре четверти, 2006. – 244 с.

Charniauskaya Y.V. Belarus Ethnicity (media-ethnicity) and Created on the Materials of Belarus Blogosphere

The Article is devoted to modern Belarus ethnicity (media-ethnicity) and created on the materials of Belarus blogosphere. Modern ethnicity characteristics and also types of modern media-ethnicity are presented in the article. It is offered to use blogs as object of systematic monitoring for the national-cultural project.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.02.09

УДК 659.11:7.036 / .038

Т.У. Бачурына

РЭКЛАМНАЯ ТВОРЧАСЦЬ У СУЧАСНЫМ МАСТАЦТВЕ

Працэс стварэння рэкламы (мы будзем называць яго рэкламатворчасцю) і яе функцыянаванне ў культурным асяроддзі ў артыкуле прааналізаваны як яркая з'ява сучаснага мастацтва. У даследаванні выкарыстана канцэпцыя С.С. Сцяпанавы, у якой аўтар вылучае тры пазіцыі развіцця дзейнасці ў рэкламе: рамяство, тэхналогія і творчасць. Як і любая творчасць, рэкламатворчасць часцей за ўсё звяртаецца да ірацыянальнага ў прыродзе чалавека, да ўзроўню падсвядомасці. Але, валодаючы сутнаснымі рысамі масавага мастацтва, рэклама мае шэраг спецыфічных, уласцівых толькі ёй асаблівасцяў. Гэта звязана з рознымі мэтамі і задачамі рэкламатворчасці і мастацкай творчасці, спецыфікай малой формы рэкламнага твора і падпарадкаваным становішчам рэкламнай эстэтыкі ўвогуле: тыя функцыі, якія для мастацтва з'яўляюцца перыферычнымі, для рэкламы выступаюць як цэнтравыя.

Уводзіны

Падчас дынамічнага развіцця рэкламнага мастацтва і бесперапыннага ўсталявання ўзаемазвязяў з іншымі сферамі культуры існуе неабходнасць усебаковага вывучэння творчага працэсу стварэння рэкламы.

Спецыфіка рэкламатворчасці ў сучасным свеце заключаецца ў прафесійным падыходзе да стварэння рэкламы. Шмат у чым гэта вызначаецца ўжо не столькі здольнасцю вобразна думаць і валодаць мастацкім майстэрствам, колькі ўсведамленнем супярэчлівай прыроды рэкламатворчасці і ўменнем арыентавацца ў разнастайным асяроддзі культурных каштоўнасцяў, свечасова рэагуючы на тыя ці іншыя змены.

Паміж тым, падчас усебаковага аналізу рэкламы мы выяўляем новыя магчымасці яе мастацкай мовы і ўсё больш пераконваемся ў тым, што рэклама – гэта не толькі сродак уздзеяння, але і шматгранны творчы феномен нашага часу. У сувязі з гэтым мэтай нашага даследавання з'яўляецца аналіз рэкламы як творчага працэсу ў кантэксце сучаснага мастацтва.

Узаемадзеянне рэкламнай творчасці і сучаснага мастацтва

Даследаванню механізмаў функцыянавання рэкламнай творчасці ў кантэксце сучаснага мастацтва прысвечаны працы С.С. Сцяпанавы, Ю.А. Панамарэнкі, В.Я. Дзямідава, А.В. Літвінавай, А.В. Косцінай, Я.М. Канеўскага, Д.У. Буянава, Л.Н. Фядотавай і інш. [1, 3, 4, 5]. На сённяшні дзень праблема ўзаемадзеяння рэкламнай творчасці і сучаснага мастацтва не мае адназначнага рашэння, у ёй можна вылучыць тры вектары меркаванняў:

1. Рэклама не з'яўляецца мастацтвам, бо мае асаблівыя прагматычныя мэты [1].
2. Рэклама з'яўляецца відам прыкладнага мастацтва, бо цесна звязана з майстэрствам [2].
3. Рэклама – гэта новы сінтэтычны від масавага мастацтва [3].

Мастацтва заўсёды было ўключана ў рэкламу як сістэма каштоўнасцяў, культурных узораў і спосабаў пераўтварэння прадметнай рэальнасці. Рэклама ў вядомай ступені выкарыстоўвае законы кінематографа, графікі, жывапісу і іншых відаў мастацтва, ствараючы ўласныя малыя формы, метады і жанры. Нярэдка рэкламныя творы перарастаюць у вобразы-знакі, якія ўздзейнічаюць на духоўны і эмацыйны свет чалавека і

Навуковы кіраўнік – Я.М. Бабосаў, доктар філасофскіх навук, прафесар, акадэмік НАН Беларусі

аказваюць уплыў на фарміраванне яго перакананняў, каштоўнасных арыентацый, эстэтычных ідэалаў.

Тым не менш сучасная рэкламатворчасць, збліжаючыся па сваіх метадах і прыёмах з мастацтвам, такім не становіцца, паколькі стварае свае творы не ў імя культурных каштоўнасцяў, а дзеля камерцыйных мэт.

Функцыянаванне рэкламатворчасці ў культурным асяроддзі

Рэклама – складаны шматфункцыянальны феномен. Акрамя дамінуючых маркетынгавых функцый, рэклама выконвае інфармацыйныя і камунікацыйныя функцыі; сацыякультурныя, да якіх можна аднесці: рэкрэацыйную функцыю, інавацыйную, функцыю трансляцыі і прапаганды вызначаных каштоўнасцяў і жыццёвых устаноў (здоровы лад жыцця, абарона навакольнага асяроддзя і да т.п.). Правільна сфармаваная, мэтанакіраваная рэкламная інфармацыя ўздзейнічае на матывацыйную сферу чалавека і мадыфікуе яго запатрабаванні. Акрамя таго, рэклама выконвае і адукацыйную функцыю, з'яўляючыся, па словах Антуана Сент-Экзюперы, «бесперапынным педагогічным уплывам незвычайнай сілы». Менавіта дзякуючы ёй мы даведваемся аб прызначэнні новага тавара, аб новых мадэлях спажывецкіх паводзін, аб розных баках жыцця, а яе эстэтычная функцыя спрыяе эмацыйнаму ўспрыманню і асэнсаванню прадметнага свету.

Сучасная рэклама з'яўляецца не проста злучальным элементам рынку, удзельнікам у фарміраванні таварнай прапановы, а тым самым – і попыту, адной з форм інфармацыйнай дзейнасці, забяспечваючы сувязь паміж вытворчасцю і спажываннем, але і ўплывае на фарміраванне меркаванняў і паводзін людзей, грамадскай свядомасці. Яна дазваляе падтрымліваць «зваротную сувязь» з рынкам і спажывцом, што дае магчымасць кантраляваць пасоўванне тавараў на рынку, ствараць і замацоўваць у пакупніка ўстойлівую сістэму пераваг аб'ектаў рэкламы, уносіць карэктывы ў збытавую дзейнасць.

Механізмы ўзаемадзеяння культурных каштоўнасцяў і рэкламатворчасці

Рэкламатворчасць – з'ява ў жыцці і культуры не ізаляваная. Яна развіваецца ў кантэксце прынятых той або іншай культурай традыцый і каштоўнасцяў і, у сваю чаргу, выпрабоўвае на сабе іх актыўны ўплыў. Як вядома, каштоўнасці носяць канкрэтна гістарычны характар, абумоўлены часам. Спецыфіка рэкламнага прадукта ў тым, што ён прысвечаны прапагандзе іншага прадукта, менавіта таму рэклама заўсёды ўбудоваецца ў агульнакультурны аспект часу свайго стварэння. Акрамя таго, у межах аднаго грамадства ў адзін і той жа час існуе велізарная шматаблічнасць субкультур, якія могуць мець розныя, а то і супрацьлеглыя каштоўнасці.

Без разумення «культурагенома», глыбокіх сацыяпсіхалагічных асноў «своеасаблівага сацыякультурнага кода» [5], зафіксаванага ў гістарычнай памяці народа і адлюстраванага ў культуры ў выглядзе традыцый, ментальных архетыпаў, сацыякультурных нормаў, не стварыць паспяховай эфектыўнай рэкламы. Для рэкламы ў дадзеным выпадку характэрна наяўнасць механізму ідэнтыфікацыі, які азначае прыняцце рэкламнай інфармацыі і залежыць ад таго, наколькі створаныя ў рэкламатворчасці вобразы блізкія аўдыторыі, наколькі супадаюць іх каштоўнасныя арыентацыі, жыццёвыя ўстанаўкі і паводзіны з каштоўнасцямі і паводзінамі мэтавай рэкламнай аўдыторыі.

Для таго каб быць паспяховай, рэклама павінна з'яўляцца часткай і спараджэннем дадзенай культуры. Чым больш каштоўнасці рэкламуемага прадукту або паслугі супадаюць з каштоўнасцямі розных груп насельніцтва, тым верагодней аддача ад рэк-

ламы. Таму для рэкламадаўцаў падчас стварэння рэкламы вельмі важна ўлічваць культурную самабытнасць народа, яго традыцыі.

Культурная спадчына народа разам з нацыянальным эканамічным асяроддзем фарміруюць базіс для істотных адрозненняў у стылях рэкламы. Рэкламатворчасць усё часцей выкарыстоўвае традыцыі нацыянальнай культуры, вынікі рэкламных даследаванняў нацыянальнага рынку, спажываюць, успрыманні творчага ўвасаблення рэкламнай ідэі транснацыянальнага брэнда на нацыянальным узроўні. Дэвід Марцін у кнізе «Усхваляючы брэнд», піша, што рэклама – гэта адлюстраванне культуры сучаснасці, і «лепшая рэклама вядзе культуру наперад» [6].

Рэклама сваёй пераканаўчасцю і сілай эмацыйнага ўздзеяння ўносіць змены ў сістэму каштоўнасцяў чалавека, змяняе эмацыйна-каштоўнаснае стаўленне да рэчаіснасці, меркаванні кожнага асобнага чалавека, а таксама і грамадскую думку ў цэлым. Культурная спадчына і эканамічнае асяроддзе фарміруюць базіс для істотных адрозненняў у стылях рэкламы.

Сучасная рэклама грунтуецца на сваіх гістарычных каранях, чэрпаючы адтуль не толькі прыёмы, але і форму, вобразы, – усё тое, што складае яе традыцыйнасць. Такім чынам, рэклама з'яўляецца злучальным звяном паміж эканамічнай і культурнай сферай дзейнасці і робіць гэтую сувязь непарыўнай і узаемазалежнай.

Спецыфіка функцыянавання рэкламнай творчасці ў кантэксце мастацтва тлумачыцца часцей тым, што рэкламныя творы актыўна выкарыстоўваюць у сваіх мэтах запазычаныя і цытаты з іншых відаў мастацтва. Трапляючы ў неўласцівы ім кантэкст, творы высокага мастацтва непазбежна губляюць свой першапачатковы эстэтычны змест і закладзены ў іх глыбокі філасофска-эстэтычны сэнс, але разам з тым надзяляюцца пэўнай рэкламнай семантыкай.

Рэклама як рамяство, тэхналогія і творчы працэс

Рэкламная творчасць амаль заўсёды працуе на ўзроўні падсвядомасці і звяртаецца да ірацыянальнага ў прыродзе чалавека. Мы ўсе ў розных ролях удзельнічаем у бесперапынным рэкламным працэсе, працэсе фарміравання міфаў, ілюзій, рэкламных казак.

Каб лепш зразумець своеасаблівасць рэкламнай дзейнасці, мае сэнс разглядаць яе ў кантэксце творчай перабудовы навакольнай рэчаіснасці. Пры гэтым трэба мець на увазе, што ў псіхалогіі было створана тры мадэлі творчасці:

1) Мадэль «творчасці як натуральнага працэсу» (С.Л. Рубінштэйн, О. Зельц, М. Вертгаймер і інш.). Сутнасць яе ў наступным: для таго, каб чалавек нешта адкрыў, павінна паўстаць праблемная сітуацыя і падварнуцца шчаслівы выпадак у выглядзе «падказкі» да яе вырашэння.

2) Мадэль творчасці, распрацаваная Т. Кудраўцавым, Л. Гуравай, – гэта мадэль «творчасці як тэхналогіі». У рамках гэтай мадэлі асноўныя механізмы творчасці апісваюцца ў выглядзе камбінацыі розных элементаў або сродкаў дзейнасці.

3) Мадэль творчасці, да якой мы і будзем апелываць, распрацаваная І. Сямёнавым, С. Сцяпанавым. Гэта «творчасць як рэфлексіўна-інавацыйны працэс». У рамках гэтай мадэлі творчы працэс разглядаецца як працэс рэфлексіўнага пераадолення шаблонаў і стэрэатыпаў, як працэс пераасэнсавання ўласнага досведу.

Працэс стварэння рэкламы, або рэкламатворчасць, носіць супярэчлівы характар. У сваім даследаванні мы возьмем за аснову канцэпцыю С. Сцяпанава, у якой аўтар вылучае тры пазіцыі развіцця дзейнасці ў рэкламе: рамяство, тэхналогія, творчасць [4].

Першая канцэптуальная пазіцыя вызначае рэкламу як рамяство. Рэкламатворчасць у дадзеным кантэксце заснавана на пэўных прыёмах, спосабах што належаць асобнаму майстру, які вырабляе рэкламны прадукт. Пры гэтым апісаць спо-

саб яго стварэння не атрымліваецца. Гэтая асаблівасць характэрна для першапачатковага этапу станаўлення прафесіі рэкламіста і вельмі падобна на рамесны спосаб стварэння прадукту.

Другі этап развіцця рэкламнай дзейнасці звязаны з адчужэннем творчых прыёмаў ад яго стваральніка і магчымасцю прайгравання іх іншым чалавекам. Гэтая пазіцыя з'яўляецца, па сутнасці, радавой характарыстыкай тэхналогіі, у тым ліку і рэкламнай, якая дазваляе ўніфікаваць прадукт. Тэхналогія, у адрозненне ад рамесных метадаў, здольна быць прайгравальнай і трансляванай ад аднаго чалавека да іншага. Станаўленне прафесійнай тэхналагічнай культуры з'яўляецца прыкметай і спадарожным момантам масавага прафесійнага стварэння рэкламы, што мы цяпер і назіраем.

Па меры таго, як попыт на рэкламу ўзрастае, стварэнне рэкламы становіцца больш аднабокай руцінай дзейнасцю. Усё, што нараджаецца з дапамогай уніфікаваных прыёмаў, непазбежна нясе на сабе пячатку тэхналагічнага шаблону. На рэкламным рынку назіраецца перанасычэнне шаблоннай рэкламы, у выніку чаго адбываецца фарміраванне попыту на эксклюзіўную рэкламу – унікальную і па сваім змесце, і па сваёй форме. Такого роду рэкламны прадукт заснаваны на выкарыстанні новых спосабаў стварэння рэкламы. Менавіта ў гэтым выпадку ствараецца унікальны рэкламны прадукт, і яго стварэнне падпарадкоўваецца ўжо не столькі законам тэхналагічнага ўзнаўлення, колькі законам творчасці. Дарэчы ў дадзеным выпадку ўжываць тэрмін «крэатыў», які ўяўляе сабой сінтэз тэхналогіі і творчых прыёмаў.

Такім чынам, пры крэатыўным тыпе дзейнасці суб'ект увесь час параджае розныя сродкі дзейнасці, якія забяспечваюць, непаўторнасць прадуктаў. Калі ж выраблены прадукт прызнаны прафесійнай супольнасцю эфектыўным і якасным, то другім крокам будзе уніфікацыя і тэхналагізацыя сродку, які ствараўся пад гэты прадукт [1]. А далей гэты уніфікаваны тэхналагічны сродак дазваляе выдаваць прадукты, блізкія да нейкага эталона, ужо тымі, хто асвойвае гэты сродак як тэхналогію. І толькі тады прадукт з'яўляецца творам рэкламнага мастацтва і становіцца культурнай каштоўнасцю, калі ён выконвае функцыю эталона ў адносінах да падобных [4].

Творчы суб'ект дзейнасці якраз і вызначаецца тым, што ён параджае не адзін сродак, а розныя, пад кожны пэўны выпадак, кожны пэўны прадукт, кожны пэўны заказ. Гэтым і адрозніваецца крэатыўная рэклама ад тэхналагічнай і рамеснай.

Адсочваючы працэс далей, трэба адзначыць той факт, што з'яўленне магутных інфармацыйных сродкаў ставіць на паток распрацоўку тэхналагічных спосабаў стварэння рэкламы. Максімальнае развіццё тэхналагічнай абсталяванасці рэкламнай дзейнасці прыводзіць да зваротных эфектаў у адносінах да тэхналагічнай традыцыі: попыт на тыпізаваны рэкламны прадукт пашыраецца ўсё менш і менш.

Камп'ютэрная графіка, мультымедычныя сродкі змяшчаюць акцэнт з вобласці тэхналогіі самой рэкламнай дзейнасці ў вобласць прылад творчай дзейнасці рэкламіста, робячы ўпор на распрацоўцы новай рэкламнай выявы канчатковага прадукту.

У сілу спецыфічных асаблівасцяў рэкламы, якая падпарадкавала творчы аспект практычным мэтам і задачам, эстэтычная каштоўнасць рэкламнага прадукту заўсёды спалучаецца з яго здольнасцю аказваць практычнае ўздзеянне на адрасата, а правілы гульні ў рэкламе заўсёды падпарадкоўваюцца прадукту. Такім чынам, раскрываецца важнае значэнне рацыянальных крытэрыяў рэкламнай творчасці: у аснове стварэння рэкламнай выявы ляжыць рацыянальнасць, а не аўтарская выдумка, што скоўвае стварэнне рэкламнай выявы цвёрдымі рамкамі. Спантаннасць, якая выступае важным канструктыўным фактарам нараджэння мастацкай выявы, супярэчыць прыродзе рэкламатворчасці.

Творчасць у рэкламе так сама патрабуе таленту, мастацкага ўяўлення, яркіх і незвычайных ідэй, як і працэс стварэння твора ў высокім мастацтве. На сённяшні дзень гэтая сфера, дзякуючы шырокім магчымасцям кар'ернага і фінансавага росту, уяўляецца для адораных людзей асабліва прывабнай для выяўлення сваіх творчых здольнасцяў. Разам з тым творчы працэс у рэкламе патрабуе напружанай і мэтанакіраванай працы суб'екта творчасці, якая заключаецца ў пошуку вобраза, дасканалага з пункта гледжання розных крытэрыяў рэкламнай эстэтыкі, і ў дасягненні адпаведнасці ідэальнага і тэхнічнага аспектаў.

Высновы

1. Аналізуючы ідэйна-эстэтычныя асаблівасці рэкламы, мы ўбачылі, што рэклама, валодаючы сутнаснымі рысамі масавага мастацтва, мае шэраг спецыфічных, уласцівых толькі ёй асаблівасцяў. Гэтыя асаблівасці звязаны з самастойнай функцыянальнай зададзенасцю рэкламы ў грамадстве, канкрэтна-прагматычнымі яе задачамі, спецыфікай малой формы рэкламнага твора і, нарэшце, падпарадкаваным становішчам рэкламнай эстэтыкі ўвогуле.

2. Тое, што рэклама, як і мастацтва, звяртаецца, найперш да эмоцый чалавека, уздзеінічае ў першую чаргу на эмацыйна-псіхалагічную сферу быцця чалавека, відавочна. Бясспрэчна і тое, што аднолькавыя прыёмы, спосабы і выяўленчыя сродкі ўжываюцца як у мастацтве, так і ў рэкламатворчасці. Але, у адрозненні ад мастацтва, рэклама канцэнтруецца толькі на асобных аспектах быцця чалавека, што абумоўлена рознымі мэтамі рэкламатворчасці і мастацкай творчасці.

3. Працэс стварэння рэкламы носіць супярэчлівы характар. Мы аналізуем яго з трох бакоў: рэклама як рамяство, тэхналогія і творчы працэс. Але ў сучасную эпоху дынаміка развіцця рэкламы нараўне з яе прагматычнай функцыянальнай зададзенасцю суправаджаецца павышэннем ролі эстэтычных фактараў. Асноўная функцыя рэкламы, такім чынам, перамяшчаецца ў бок эмацыйна-вобразнага ўздзеяння, а значнымі фактарамі яе стварэння становяцца мастацкія прыёмы, уяўленне і эстэтычны густ суб'екта.

Такім чынам, паступова рэклама становіцца не толькі сродкам продажу, але і формай эстэтычнага ўзбагачэння асобы і грамадства.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Буянов, Д.В. Креативная система в рекламе : дис. ...канд. культурологических наук : 24.00.01 / Д.В. Буянов. – Саранск, 2006. – 221 с.
2. Коневский, Е.М. Эффективность рекламы / Е.М. Коневский. – М. : Просвещение, 1980. – 150 с.
3. Пономаренко, Ю.А. Реклама как особый вид массового искусства: опыт философско-эстетического анализа : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Ю.А. Пономаренко. – Барнаул, 2006. – 170 с.
4. Степанов, С.С. Как ты захочешь. Основы креативной работы в рекламе / С.С. Степанов // Лаборатория рекламы [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.advlab.ru/archiv/2003/frem_stepanov.htm. – Дата доступа : 23.02.2009.
5. Федотова, Л.Н. Социология рекламы / Л.Н. Федотова – М. : Добросвет, 1999. – 339 с.
6. Совокупность рекламоносителей / Информационный Интернет-портал. [Электронный ресурс] – 2004. – Режим доступа : http://polos.ru/obschestvo/sovokupnost_reklamonositelej.html. – Дата доступа : 15.01.2009.

Bachurina T. Advertising Creativity in the Modern Art

The given article analyses the process of advertisement creation (we will name it advertising creativity) as the bright phenomenon of modern art. In the research we take S.S.Stepanova's concept for the basis, in which the author allocates three positions of development of activity in advertising: craft, technology and creativity. As any creativity, advertising creativity appeals more often to irrational in human nature, to subconsciousness level. But having nature lines of mass art, advertisement possesses a number of specific features peculiar only to it. It is connected with the different purposes and problems of advertising creation and art creativity, specificity of the small form of advertising product and the subordinated position of an advertising aesthetics as a whole: those functions which for art are peripheral, for advertising act as central.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.11.09

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ:

Ананько А.У. – старшы выкладчык кафедры фінансавага права прыватнай адукацыйнай установы “БІП – Інстытут правазнаўства”

Бачурына Т.У. – аспірантка кафедры культуралогіі факультэта культуралогіі і сацыякультурнай дзейнасці, выкладчык кафедры інфармацыйных тэхналогій у культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Берагаўцова Д.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гранік І.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі, кіравання і фінансаў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Вабішчэвіч А.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Варакуліна М.У. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Нышк. Войцех – доктар эканамічных навук, кіраўнік Інстытута сістэм лагістыкі Узброеных Сіл Акадэміі нацыянальнай абароны (Рэспубліка Польшча)

Драган Т.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу і аўдыту Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Дружыніна Я.А. – магістр эканамічных навук, асістэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу і аўдыту Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Дуванава В.С. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры методыкі выкладання матэматыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ермаковіч С.Л. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянскага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Зазерская В.В. – старшы выкладчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу і аўдыту Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Кароціч А.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Корнеў П.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мігун Д.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы

Мярчук В.М. – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Осіпаў Я.Д. – аспірант трэцяга года навучання кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Павільч А.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры культуралогіі і міжнароднага турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Патапава Н.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу і аўдыту Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Пірутка В.М. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры матэматыкі і методыкі выкладання матэматыкі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

Русаковіч А.У. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Філіпенка А.В. – аспірантка Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Чарняўская Ю.В. – кандыдат культуралогіі, дацэнт, дактарант кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Чычурына А.А. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркушаі, ў электронным варыянце на дыскеце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21 x 29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15 x 23 см або 23 x 15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1–2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегель – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1–2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегель – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаваанне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, Т.І. Шкапіч*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 02.02.2010. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 21,85. Уч.-изд. л. 18,47.
Тираж 100 экз. Заказ № 49.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.